

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

Институт социальных
и политических наук

**Н. В. КОЗЫКИНА
О. И. ФЛЕШЛЕР**

ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В КОММЕНТАРИЯХ И ЗАДАНИЯХ: АНГЛИЙСКИЙ → РУССКИЙ

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Н. В. Козыкина, О. И. Флешлер

ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА
В КОММЕНТАРИЯХ
И ЗАДАНИЯХ:
АНГЛИЙСКИЙ → РУССКИЙ

Учебное пособие

Рекомендовано методическим советом УрФУ
для студентов, обучающихся по программе бакалавриата
по направлению подготовки 41.03.05
«Международные отношения»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2017

ББК Ш143.21-937.7

K593

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра иностранных языков инженерно-технического направления
Забайкальского государственного университета
(заведующий кафедрой доктор педагогических наук,
профессор С. Е. Каплина);

Е. Н. Пищерская, кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностраных языков Байкальского государственного университета

Н а у ч н ы й р е д а к т о р

Н. В. Готлиб, кандидат филологических наук, доцент

Козыкина, Н. В.

К593 Практика перевода в комментариях и заданиях: английский →
русский : учеб. пособие / Н. В. Козыкина, О. И. Флешлер ; [науч.
ред. Н. В. Готлиб] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал.
федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 152 с.

ISBN 978-5-7996-2143-8

Учебное пособие направлено на формирование профессиональной компетентности будущих переводчиков в области письменного и в ограниченном объеме устного перевода (с английского языка на русский). Представлена оригинальная авторская методика обучения переводу. В учебных целях привлечены как узкоспециальные тексты, так и тексты общенаучного и официального характера, а также профессионально ориентированные тексты по международным отношениям.

Учебное пособие может использоваться для аудиторных занятий (семинары по курсам теории и практики перевода), а также для самостоятельной работы студентов, начинающих переводчиков и всех, изучающих английский язык в практических целях.

ББК Ш143.21-937.7

ISBN 978-5-7996-2143-8

© Уральский федеральный университет, 2017

Предисловие

В современном мире, где благодаря Интернету и передовым телекоммуникационным технологиям утрачивается бывшее значение территориальной удаленности и разобщенности, информация, знания и образование приобретают новые, трансконтинентальные, географически неограниченные возможности. Понятно, что в этом новом социальном пространстве знание иностранного языка воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как необходимая составляющая общения на любом уровне и становится одним из решающих условий профессиональной компетенции во всех областях. Большому спросу на образовательные услуги соответствует и предложение: иностранный язык сегодня преподают в вузах, колледжах, на специальных факультетах, в формате долгосрочных и ускоренных курсов, в так называемых летних школах (в том числе и с выездом за рубеж), с помощью разнообразных мультимедийных программ и т. д. Хорошее знание иностранного языка, в частности английского, помимо всех известных преимуществ, помогает молодым людям найти хорошую работу, повышает их конкурентоспособность и способствует карьерному росту, дает возможность более полной самореализации. Об этом же говорит и лозунг, с которым Modern Language Association обращается к молодежи: *Why learn another language? Knowing other languages brings opportunities. Learn another culture! Get ahead! Get a better job!*

Общество, в свою очередь, вправе ожидать от таких специалистов большую отдачу. Реально возросшие контакты между представителями разных культур, говорящих на разных языках, соответственно увеличили потребность в языковых посредниках — переводчиках. В связи с этим в последнее время все чаще звучат

голоса о том, что полезно знать язык «по-переводчески» — вместе с существующими (хотя и не жесткими) правилами перехода от единиц одного языка к единицам другого: «Все большую важность приобретает не только свободное владение английским языком, но и умение быстро и квалифицированно осуществлять перевод с английского языка на русский язык и обратно. В настоящее время эта деятельность уже не может оставаться монополией профессиональных переводчиков, она должна быть доступна более широкой аудитории, владеющей английским языком» [1].

«Практика перевода в комментариях и заданиях: английский → русский» обобщает индивидуальный опыт авторов в работе со студентами-международниками, профессиональная языковая подготовка которых рассматривается как процесс и результат формирования профессионально значимых компетенций, обеспечивающих возможность осуществлять профессиональную деятельность с применением иностранного языка в международном сообществе. Таким образом, иностранные языки для международников носят прикладной характер. В этом и состоит отличие профессионального языкового образования международников от профессионального лингвистического.

С точки зрения компетентностного подхода, целью профессиональной языковой подготовки специалиста-международника является формирование системного набора профессионально значимых компетенций, удовлетворяющего квалификационной характеристике выпускника вуза по направлению «Международные отношения», в том числе в рамках дисциплины «Иностранный язык» [2]. Содержание профессиональной языковой подготовки специалиста-международника определяется Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению 41.03.05 «Международные отношения (уровень бакалавриата)» как формирование конкретных профессионально значимых компетенций на базе знаний, умений, навыков и подготовка студентов к профессиональной коммуникации. Среди системного набора профессионально значимых компетенций стандарт выделяет выполнение устной и письменной переводческой работы в рамках

своей компетенции; выполнение обязанностей референта и переводчика материалов с иностранного языка на русский и с русского на иностранный язык; поддержание профессиональных контактов на иностранных языках и др. [3].

«Практика перевода в комментариях и заданиях: английский → русский» предназначен для студентов старших курсов. При его создании авторы исходили из того, что профессиональная языковая подготовка будущих международных не поддерживается специальными теоретическими курсами лингвистического направления. Поэтому на младших курсах параллельно с совершенствованием коммуникативных компетенций (лингвистической, социокультурной и компенсаторной) студенты знакомятся с основами перевода (модуль «Основы коммуникации на иностранных языках», 1–4 семестр), а их систематизация осуществляется на старших курсах (модуль «Теория и практика перевода», 5–8 семестр).

Цель учебного пособия — формирование и освоение студентами технологических переводческих компетенций, как то: умение осуществлять предпереводческий анализ текста; умение определять цель перевода, характер его рецепторов и тип переводимого текста; умение выбрать стратегию перевода в зависимости от его функционального стиля и жанра; умение осуществлять письменный (в ограниченном объеме — устный) перевод текстов, в том числе профессиональной направленности; умение использовать основные способы и приемы достижения смысловой, стилистической адекватности; умение правильно оформлять текст перевода в соответствии с нормами и типологией текстов на языке перевода.

Задача учебного пособия состоит в том, чтобы помочь студентам преодолеть определенные трудности в процессе перевода, которые можно нейтрализовать, последовательно и целенаправленно интегрируя в практические задания теоретические комментарии прикладного характера. Таким образом, в пособии реализуются два подхода к обучению переводу — конкретно-лингвистический и функциональный.

Пособие выполняет дидактическую (формирование профессиональной языковой компетентности), информационно-познавательную

(расширение кругозора) и воспитательно-развивающую функции (повышение уровня их общей культуры и культуры мышления, общения и речи).

Учебное пособие содержит три раздела. Первый раздел поддерживает лекционную часть курса и конспективно освещает основные принципы, понятия и категории современной теории перевода, более глубокое освоение которых происходит в процессе аудиторной и самостоятельной работы. Второй раздел обеспечивает процесс усвоения необходимого материала, управляя переводческой деятельностью студентов на практических занятиях, где происходит непосредственное формирование и развитие технологических переводческих навыков и умений. Он содержит проблемно-переводческие задания, направленные на выработку умений преодолевать типичные переводческие трудности и решать разноплановые задачи, которые возникают перед переводчиком в процессе трансляции содержания. Третий раздел направлен на совершенствование переводческих компетенций с их проекцией на профессиональную среду специалистов в области «Международные отношения» и содержит тексты для полностью самостоятельного перевода с английского на русский язык. Предлагаемые в пособии образцы текстов для перевода интересны, современны, разнообразны по тематике и жанру и — что обычно делает их тем более привлекательными для обучающихся — аутентичны.

Использование пособия в преподавательской практике будет зависеть от специфики той или иной специальности и количества аудиторных часов, выделяемых на обучение переводу. Исходя из своих методических целей, преподаватель может сам решать, какие материалы из пособия и в каком формате использовать. Задания к текстам прорабатываются студентами дома самостоятельно, они направлены на осмысление особенностей конкретного текста и на решение частных языковых трудностей. Обсуждение и выбор стратегии перевода может проходить как дома, так и в аудитории при разборе вариантов перевода. В любом случае, конечным результатом работы является законченный письменный или устный перевод текста.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ ПЕРЕВОДА

В задачи данного учебного пособия не входит детальное изложение и анализ различных подходов к теории перевода. Мы лишь отметим некоторые базисные, общепринятые положения и впоследствии будем к ним неоднократно возвращаться, чтобы помочь студентам в их работе над практическим материалом второго и третьего разделов. Более подробные сведения из общей и частной теории перевода можно получить, обратившись к специализированной литературе по переводу.

Перевод — это процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст в устной или письменной фиксации), возникшее на одном — исходном — языке (ИЯ, *Source Language*), пересоздается на другом — переводящем — языке (ПЯ, *Target Language*).

Перевод есть также *результат, продукт* этого процесса, то есть новое речевое произведение на ПЯ (текст в устной или письменной фиксации) в его отношении с оригиналом и в связи с особенностями двух языков и с принадлежностью материала к тем или иным жанровым категориям [4, с. 14].

Профессиональная переводческая деятельность немислима без анализа текста, который присутствует как на этапах понимания и преобразования исходного текста, так и на стадии проверки, редактирования и оценки качества перевода.

Правильно построить текст перевода и преодолеть трудности выбора переводческих эквивалентов поможет *предпереводческий анализ*, то есть анализ оригинала перед выполнением перевода, направленный на глубокое понимание переводимого текста, на определение его коммуникативного задания (= коммуникативной функции

текста, = инварианта перевода) и стратегии перевода. Главная задача данного анализа — выяснить, какой именно текст находится перед переводчиком.

Единого алгоритма предпереводческого анализа текста не существует, исследователи выделяют разные его аспекты. Например, концепция предпереводческого анализа текста И. С. Алексеевой предлагает проводить анализ на основе определения типа текста, соответствующих ему доминант¹ и инварианта² перевода, включая: а) сбор внешних сведений о тексте, б) состав информации, в) плотность информации, г) коммуникативное задание, д) речевой жанр [5, с. 137].

В интерпретации Н. М. Шутовой предпереводческий анализ направлен на осознание и выбор общей стратегии перевода, а переводческий анализ направлен на принятие конкретных переводческих решений [6].

Западноевропейские представители переводоведения соотносят предпереводческий анализ с изучением структуры и прагматики текста. Так, К. Норд предлагает разделять компоненты предпереводческого анализа на две категории — экстралингвистические факторы и внутритекстовые факторы. К экстралингвистическим факторам относится информация об авторе текста, интенция автора текста, реципиент текста, способ передачи сообщения, место создания текста, время создания текста, повод создания текста, коммуникативная цель текста. К лингвистическим факторам относятся тема текста, содержание текста, структура текста, невербальные элементы текста и их отношение с вербальными, синтаксические особенности текста — лексический состав текста, тональность текста, прагматическое воздействие текста [7].

¹ Доминанта — это конкретный элемент, который переводчик считает наиболее важным в тексте, которому он придает особое значение в передаче на другом языке идеи произведения

² Инвариант перевода — это соотношение содержания текста и ситуативного контекста, разное для каждого конкретного текста и представляющее собой его коммуникативное задание. Это соотношение переводчик и должен передать в переводе.

В нашем пособии мы будем придерживаться методики предпереводческого анализа, предложенной отечественными теоретиками и практиками перевода М. П. Брандес и В. И. Провоторовым. Смысл данного подхода к переводу состоит в том, что будущему переводчику следует прежде всего усвоить для себя, что он переводит не просто язык текста и не просто текст как содержание, а переводит язык, который является выражением многократно осмысленного и переработанного содержания текста. Иными словами, он переводит не только, «о чем» говорится в тексте, а «что» говорится и «как» это выражается в самом тексте и языке текста. «Что» и «как» составляют информационное содержание текста, то есть его смысл. В этой форме «что» — функциональное содержание (конкретное коммуникативное содержание), существующее в виде «речевого жанра», а «как» — информационная структура этого функционального содержания, определяющая языковой стиль произведения. Поэтому, начиная перевод, переводчик через язык текста должен выяснить, во-первых, в каком речевом жанре выполнен текст; во-вторых, в каком функциональном стиле этот текст существует. Специфику языка и текста, все оценочно-смысловые оттенки текста определяют речевой жанр и функциональный стиль, которые изнутри пронизывают предметное (фактуальное) содержание [8, с. 3–7].

Процесс предпереводческого анализа текста состоит из трех этапов. На первом этапе следует внимательно и многократно вчитываться в текст и определить общие жанрово-стилевые особенности текста: для *нехудожественных текстов* нужно определить функциональный стиль и речевой жанр; для *художественных* — художественное направление и образ автора. На этом же этапе определяется тип жанровости (репортажность, полемичность, очерковость, басенность и т. д.), а для «образа автора» выявляется эпичность, драматичность, лиричность, а также специфика повествовательной речи: письменная — устная, дистантная — контактная, обработанная — необработанная.

На втором этапе определяется внутренняя структура способа коммуникации в произведении. В *нехудожественном тексте*

выясняются композиционно-речевые формы (КРФ), на которых построено изложение содержания (КРФ: сообщение, описание, рассуждение). КРФ определяются спецификой речевого жанра. В художественном тексте выявляется, в какой роли выступает говорящий субъект (повествователь, рассказчик, наблюдатель, аналитик и т. д.) и на какой КРФ базируется такое впечатление читателя. Второй этап помогает понять типовую синтаксическую организацию текста, а также типовое лексическое оформление.

На третьем этапе анализируется конкретный язык текста в рамках выявленной на первом и втором этапах типовой схемы способа изложения содержания [8, с. 98–116].

В каждом конкретном случае порядок анализа текста может быть индивидуальным при сохранении общих принципов переводческого анализа, а именно: отправной точкой анализа является типология текста; глубокое понимание содержания исходного текста, которое обеспечивает наиболее оптимальную возможность интерпретации средствами переводящего языка [9, с. 49–57]; осмысление затекстовой информации, имеющей отношение к теме текста; а также цель перевода. Именно эти принципы позволяют сделать текст в смысле его структуры и языка обозримым, очерчивают контуры коммуникативной, то есть смысловой организации текста, помогают усвоить, что главная трудность перевода — передача смысла во всем его объеме. В качестве одного из методов переводческого анализа эффективно используется и метод сопоставления подлинника и перевода, который наглядно демонстрирует трудности перевода и может служить хорошим подспорьем в овладении переводческой профессией [10, с. 3–7].

В ходе предпереводческого анализа формируется стратегия перевода, которая считается главным переводческим умением. Важно не только найти и применить то или иное переводческое решение, но и определить его место в общей системе решений для данного текста, уметь объяснить и отстоять свое решение в профессиональной дискуссии. Не следует смешивать понятия «переводческая стратегия» и «переводческие действия». Под переводческими действиями подразумевается комплекс определенных действий, позволяющих

осуществлять перевод, тогда как переводческие стратегии означают «потенциально *осознанные* планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи» [11]. Другими словами, переводческая стратегия — это определенный алгоритм действий, который осознанно подбирается переводчиком для перевода одного определенного текста, либо текстов, объединенных в группы.

В современном переводоведении выделяют две основные стратегии перевода:

- перевод, направленный на воссоздание смысловой полноты оригинала (стратегия смысла);

- перевод, ориентированный на воссоздание формально-стилистических особенностей языка оригинала (стратегия формы, когда переводчик стремится в максимальной степени сохранить формальные особенности оригинала).

Как правило, в деятельности переводчика одна из стратегий перевода является доминирующей. Поскольку стратегия перевода направлена на определение и ранжирование задач, которые необходимо выполнить при переводе, предлагается различать макростратегию и микростратегию. Макростратегия включает способы решения ряда переводческих проблем, которые переводчик ставит перед самим собой. Этот процесс состоит из трех этапов: предпереводческий анализ оригинала, собственно перевод (= перевыражение, то есть вариативный поиск средств перевода) и постпереводческий анализ (проверка и коррекция перевода) [12, с. 170–174]. Микростратегия включает поиск способов решения одной проблемы. В действительности стратегия перевода может включать множество этапов или состоять только из этапа переводческих трансформаций, то есть первый и третий этап могут отсутствовать. Но все же постпереводческий этап важен, так как он позволяет оценить не только адекватность и эквивалентность переведенного текста, но и эффективность применения переводческих трансформаций, а также правильность выбора макростратегии в целом.

Стратегия перевода варьируется в зависимости от того, какие проблемы переводчик решает. Если это проблемы понимания, то

в качестве основы для достижения понимания используется информация, извлекаемая из различных видов контекста, логические выводы и рассуждения, а также словари. А если это проблемы передачи, то в этом случае применяются переводческие трансформации на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровне. Выбор средств перевода всегда остается за переводчиком, а все частные стратегии (микростратегии), возникающие на этапе преобразования текста, являются проявлением общего замысла (макростратегии) перевода.

Запомните общие принципы переводческой стратегии:

- переводу всегда должно предшествовать понимание;
- переводить извлеченный смысл, а не букву оригинала;
- выделять более и менее важные элементы смысла;
- значение целого важнее значения отдельных частей;
- перевод должен соответствовать нормам ПЯ [13, с. 195].

Важнейшая задача переводчика — понять, в каком речевом жанре выполнен текст и в каком *функциональном стиле* этот текст существует. Взаимосвязь между жанрово-стилистической принадлежностью текста оригинала с переводческими методами очевидна. В переводе различаются такие понятия, как жанрово-стилистическая принадлежность перевода и жанрово-стилистическая норма перевода. Под жанрово-стилистической принадлежностью перевода понимается подразделение переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала на художественный и информативный перевод и функциональные подвиды перевода. Жанрово-стилистическая норма перевода объединяет требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю. Перевод художественного произведения оценивается по его литературным достоинствам, технический — по терминологической верности и возможности использования текста в технической (технологической) практике, перевод рекламы оценивается по степени ее действенности и т. д. [14]. Умение различать жанрово-функциональную разновидность переводимого текста помогает переводчику определить для себя рабочие стратегии.

Под **функциональным стилем** понимается общественно-закрепленная система языковых элементов, призванная обслуживать определенную социальную функцию. Иными словами, это набор типичных и утвержденных практикой языковых средств, используемых в разных ситуациях общения.

В наиболее популярной (хотя и достаточно условной) классификации выделяются следующие функциональные стили: официально-деловой, научно-технический, газетно-публицистический, стиль обиходного общения, литературно-художественный [4; 11; 15].

Официально-деловой стиль реализуется в сфере правовых отношений и управления людьми; эта сфера охватывает правительственную деятельность, международные отношения, юриспруденцию, торговлю, экономику, военную жизнь и прочие сугубо формальные аспекты жизни.

Правила официально-делового общения определяются такими стилистическими нормами, как официальность, имперсональность (неличный характер), объективность, безэмоциональность. Сущностное содержание официальных текстов — это предписание определенного стандарта действия, *долженствование*. Именно оно определяет стандартизированное, жестко организованное построение текстов завещания, страхования, всевозможных дипломов и других документов с целью исключить всякую двусмысленность и разночтение.

В системе официально-делового стиля функционируют следующие речевые жанры:

- правительственные постановления, парламентские указы, законы и т. д. в сфере правительственной деятельности;
- дипломатические договоры, меморандумы, ноты, протоколы и т. д. в сфере международных отношений;
- кодексы, судебные-процессуальные документы в области юриспруденции;
- торгово-коммерческие соглашения, коммерческая корреспонденция и т. д. в торговле и экономике;
- военные уставы, приказы, распоряжения, донесения и т. д. в сфере военной жизни;

— деловая переписка, акты, протоколы собраний и заседаний, приказы, распоряжения и т. д. в официальных учреждениях и организациях;

— официальные письменные заявления, докладные, объяснительные записки, доверенности, расписки, завещания, которые так или иначе присутствуют в деловой жизни отдельного человека.

Так называемый *научно-технический стиль*, ориентированный на группового адресата, — это стиль специализированной литературы, для которой, в отличие от материалов общего назначения, неизменным параметром является наличие терминов (специфических для каждой конкретной области знаний).

Область научно-технических текстов включает такие жанры, как:

- научная или техническая статья-сообщение;
- научная или техническая статья-обзор;
- научные монографии;
- технические учебники и руководства;
- техническая документация на оборудование (руководства по эксплуатации и ремонту, описания, спецификации);
- некоторые иные виды документации (коммерческая документация, относящаяся к технике, сертификаты, разрешения, инструкции, правила техники безопасности и др.).

Естественно, что для корректного «технического» перевода требуется не только свободное владение иностранным языком, но и знание самой сферы, к которой относится документ. Недостаточно понимать смысл написанного на иностранном языке, нужно перевыразить его так, чтобы он был понят на другом языке правильно и без потерь. Перевод какого-либо иностранного слова без учета конкретной технической сферы его применения может поставить в тупик даже профессионального адресата перевода — это в самом невинном варианте. В худшем случае некорректно переведенная инструкция по эксплуатации сложного устройства может ускорить приведение его в негодность и даже целиком погубить производство.

В экономике России определенный недостаток собственных разработок и внедрения технических новинок в экономику компенсируется импортом зарубежного оборудования и технологий. Однако

ввозимая техника требует адаптации к требованиям и стандартам местного производства. Неотъемлемая составляющая этих процессов — наличие полноценных технических инструкций, руководств, описаний и спецификаций и острая потребность в технических переводчиках, лучшими из которых, по общему признанию, являются «технические писатели» [16]. Термин *technical writer* появился в Соединенных Штатах, где, согласно традиционно узкому разделению функций, составлением и переводом технической документации занимается специально назначенный сотрудник. Этот же специалист пишет рекламные материалы о продукции компании, производящей оборудование или технологии, то есть параллельно осуществляет связи с общественностью. Таким образом, квалификация «технического писателя», кроме технического образования и владения языком технической документации, требует определенных навыков стилиста и копирайтера. В нашей стране люди, которым приходится этим заниматься, — это чаще всего бывшие и настоящие инженеры, менеджеры, исследователи; оказывая переводческие услуги, они испытывают немалые трудности. Отсюда следует, что целенаправленная подготовка профессиональных «технических писателей» — дело столь же неотложное, сколь и важное.

Газетно-публицистический стиль характеризует тексты, рассчитанные на массового реципиента. Их функция — распространение актуальной информации, побуждение людей к действию, активизация их мыслей. Это язык общественно-политических журналов, язык докладов, выступлений, лекций, бесед, речей, дискуссий, репортажей, интервью, газет, язык радио и телевидения. В отличие от официально-делового стиля, он не обезличен, а индивидуализирован и сочетает в себе элементы различных стилевых систем языка. Прежде всего это относится к текстам общественно-политическим, которые, наряду с целью сообщения информации, ориентированы на воздействие на читателя/слушателя и, благодаря хорошо продуманной форме, способны оказывать желаемое воздействие. Это тексты-воззвания, тексты-памфлеты и др.; к их переводу применимы отчасти требования, которые имеются в отношении текстов художественных. Основу языка газетно-публицистического

стиля составляет «книжный» язык, то есть сочетание элементов (лексики и синтаксических структур) разных стилей при частичном сохранении или утрате искомой стилистической окраски. Этот язык выражает целостную информацию, предварительно продуманную и организованную [10, с. 194–197].

Особое место в газетной публицистике занимает ораторский подстиль, выполняющий ту же агитационно-пропагандистскую функцию в форме публичной речи. Устная форма публичной речи представлена такими речевыми жанрами, как «доклад на социально-политические и политико-экономические темы», «отчетные доклады на собрании, конференции, съезде», «политическая речь», «дипломатическая речь», «политическое обозрение», «военно-патриотическая речь», «митинговая речь», «агитационная речь» и т. д. Публичная речь может быть реализована и в письменном виде, как текст выступления, на который опирается оратор, а также как стенографический вариант выступления оратора.

Средства массовой информации традиционно подразделяются на качественную (классическую) и популярную (так называемую бульварную, или желтую) прессу. В зависимости от идеологической и социальной ориентации на определенную публику, журналисты (*print-, broadcast-, and on-line journalists*) выбирают соответственные языковые средства — одни для читателей/слушателей/зрителей с высоким уровнем культурной компетенции и другие — для непритязательной аудитории, которую больше привлекают скандалы и подробности частной жизни знаменитостей, нежели серьезные политические или экономические события [17]. Это еще раз подтверждает тезис о том, что функциональный стиль есть система языковых единиц, целесообразно организованная для общения в различных социальных сферах.

Функциональный стиль обиходного общения оформляет содержание общения в сфере «повседневных» отношений людей. Это сфера о б и х о д н о - б ы т о в а я (семейные и прочие бытовые отношения) и о б и х о д н о - д е л о в а я (неофициальное общение в профессиональной среде), где коммуникация преследует цель обменяться не только мыслями, но и настроением. Основу обиходного

стиля составляет разговорная речь с такими ее признаками, как простота и естественность, доверительность тона, спонтанность, эмоциональная насыщенность. Это стиль личный, индивидуальный, однако и в нем, так же как и в других регистрах, выявляются типизированные закономерности лексико-грамматического плана.

Литературно-художественный стиль следует рассмотреть с двух сторон.

Во-первых, это стиль художественной литературы с ее назначением взывать к чувствам, оказывать образно-эмоциональное воздействие на читателя — отсюда использование разнообразных фигур речи: ярких эпитетов, метафор, сравнений, отсюда особо продуманное ритмико-синтаксическое построение фразы.

Во-вторых, в художественном произведении могут одновременно сосуществовать разные стили и жанры: поэзия и бытовая проза, репортаж (информация с места события и с эффектом присутствия), интервью (диалог, в котором реплики интервьюера стимулируют микромонолог интервьюируемого), фантастика, опирающаяся на научные гипотезы, и технические подробности какого-либо производства. Таким образом, литературно-художественный стиль — это своеобразный симбиоз всех функциональных стилей, и именно художественная литература, в фокусе которой находится человек с его внутренним миром и во всех сферах его жизнедеятельности, является пробным камнем таланта переводчика.

Одним из проблемных вопросов переводческой теории и практики является *оценка качества перевода*.

В литературе встречаются разные термины для определения соответствия между оригиналом и переводом: «эквивалентность», «точность», «равноценность», «адекватность», «полноценность», «верность». Не имея в виду проследить подробно полемику по каждому из них, отметим лишь некоторые моменты.

Эквивалентность понимается разными теоретиками перевода по-разному:

— либо как разновидность закономерных соответствий, постоянно реализуемое однозначное соответствие между определенными единицами ИЯ и ПЯ [18, с. 76];

— либо как равноценность в целом, объективно прослеживаемая взаимосоответственность между оригиналом и переводом [11, с. 112]. (Это последнее понятие сближается с понятием адекватность; о нем речь пойдет ниже.)

В последние десятилетия критерий «эквивалентности» в оценке результата, качества перевода утратил употребительность. Однако термин «эквивалент» остался — сначала для обозначения *постоянного* и *однозначного* соответствия между единицами ИЯ и ПЯ, а затем как синоним *любого соответствия*.

Полноценность, по определению А. В. Федорова, означает «исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [4, с. 151].

Об этом же говорит и А. Чужакин: «Полноценный перевод — это перевод, который осуществляется на уровне, необходимом и достаточном для максимально точной передачи содержания при соблюдении литературной нормы и стиля языка перевода» [19, с. 3].

Вряд ли кто-либо поспорит с тем, что главная цель и суть перевода — полноценная передача информации средствами другого языка. Однако выдвижение критерия «исчерпывающей/максимальной точности» подрывает объяснительную силу дефиниции. Понятие «точность» в отношении перевода на сегодняшний день взято под сомнение. Во-первых, характер точности может быть разным в зависимости от характера переводимого текста; во-вторых, этот термин скомпрометирован ассоциацией с «формальным» подходом, попыткой слишком близкого следования подлиннику, буквально точной, дословной передачи иностранного текста, некритического воспроизведения его словарно-смысловых и формально-грамматических элементов [4, с. 170]. Критерий точности тем более неприемлем в отношении художественного текста, о чем говорит замечательная переводчица Нора Галь: «Верность — и точность. Для обычного слуха одно и то же. Но в теории и практике художественного перевода между этими понятиями пропасть. “Точность” в духе формальной школы требует сдавать слова по счету, тщательно соблюдает их порядок и весь строй чужой фразы, с бухгалтерским

усердием подсчитывает слоги, воистину занимается арифметикой и алгеброй — и не слишком заботится о том, какое в целом впечатление производит создание художника. А душа искусства отлетает. Истинная же верность духу подлинника и стилю автора стремится воссоздать на другом языке произведение искусства и напоминает, что сам перевод, говоря словами К. И. Чуковского, есть высокое искусство» [20, с. 244].

Таким образом, в оценке качества перевода выдвигаются равнозначные термины «адекватность» = «верность» = «полноценность» которые означают:

а) соответствие подлиннику по функции, то есть исчерпывающую передачу смыслового содержания и функционально-стилистическое соответствие ему;

б) оправданность выбора переводческих стратегий [4, с. 171, 173].

Именно такого понимания и этих терминов мы будем придерживаться в своей работе.

Перевод как творческий акт человеческого сознания (перевод в широком смысле), имеющий своим результатом некий продукт (перевод в узком смысле), осуществляется на основе определенных технических приемов. Эти приемы связаны с собственно языковой, лингвистической стороной любого переводимого материала, независимо от его предназначения — информировать или оказывать эстетическое, эмоциональное воздействие.

Перевод — это «преодоление сопротивления слова» [21, с. 93], преодоление барьеров самого различного характера. Постигание смыслового содержания во всех его нюансах, несовпадающие ресурсы и нормы ИЯ и ПЯ, социально-культурные факторы, особенности конкретного стиля и жанра, ориентация на реакцию получателя сообщения составляют так называемые «переводческие трудности» (*translation challenges*), над которыми и работает переводчик, используя установленные практикой и многократно описанные стратегии и инструментарий.

Одна из проблем, с которыми сталкивается переводчик, — поиск лексических соответствий, наиболее близко подходящих по значению и стилистической окраске для единиц исходного текста.

Традиционно описываются два основных *типа* лексических соответствий, то есть *лексических эквивалентов*:

Первый тип — постоянные равнозначные соответствия («полные эквиваленты»), то есть слова, значения которых в ИЯ и ПЯ полностью совпадают и не зависят от контекста. К ним относятся такие однозначные слова, как научные и технические термины, общеизвестные топонимы, названия дней недели и месяцев, небольшой процент общеупотребительной лексики: (*bicarbonate* — бикарбонат, *physiology* — физиология, *optical* — оптический, *France* — Франция, *Monday* — понедельник, *mother* — мать, *we* — мы, *three* — три и др.).

Второй тип — варианты соответствия («частичные эквиваленты») — многозначные слова, совпадающие в ИЯ и ПЯ в одном значении и не совпадающие в другом (других). Вот самый простой пример:

— *table* — 1) *a piece of furniture (also used for serving food to those seated at it)*; 2) *the food served at this*; 3) *a group of persons sitting at this, as for a meal*; 4) *an organized arrangement of figures or facts, as in columns*; 5) *a concise list or guide (a table of contents)*.

— *стол* — 1) предмет мебели; 2) еда, пища (под каждым ей листом был готов и стол, и дом); 3) компания, разделяющая трапезу (от нашего стола вашему столу); 4) диета (щадящий стол для больных диабетом); 5) отделение в учреждении, ведающее каким-нибудь кругом дел (адресный стол, стол находок).

Для правильного нахождения вариантного соответствия необходима опора на контекст, то есть учет связей переводимого слова с другими словами. Иногда переводчику приходится искать эту опору в достаточно широком контексте, выходящем далеко за рамки предложения, абзаца или даже более крупной единицы; более того, для нахождения верного варианта может потребоваться знание культурного контекста. Пренебрежение этим правилом может привести к курьезам, а иногда и серьезным просчетам, как в случае с переводом названия романа Л. Толстого «Война и мир» на английский язык: «*War and Peace*». Английское существительное «peace» имеет значения: 1) *state of freedom from war*, 2) *freedom from civil disorder*,

3) *rest, quiet, calm*, 4) *state of friendship and harmony*, а русское «мир», кроме этих четырех, еще и пятое: «общество», «народ». Именно это значение, а не «покой, спокойствие или отсутствие угрозы» прочитывается в глубинном содержании великой эпопеи. Таким образом, увековеченное в мировой литературе название «*War and Peace*» есть не что иное, как переводческая ошибка (или, по крайней мере, заблуждение).

Широко известным в переводческой теории и практике является понятие «**ложных эквивалентов**». Ложные эквиваленты (их также называют «ложные друзья переводчика», *false friends*) представлены двумя типами:

1) моносемантическое (однозначное) слово в ИЯ сходно со словом в ПЯ в звуковой и/или графической форме, но они не совпадают в значении, например,

compositor — наборщик (не композитор);

production — производство (не продукция);

receipt — квитанция (не рецепт);

velvet — бархат (не вельвет);

actual — действительный, текущий (не актуальный);

accurate — точный (не аккуратный);

pathetic — жалкий, смешной (не патетический);

intelligence — разведка, секретные данные, ум (не интеллигенция);

2) полисемантическое (многозначное) слово в ИЯ в каком-либо из своих значений совпадает со сходным по звуковой и/или графической форме словом в ПЯ и расходится в остальных. Например, из восьми значений прилагательного *regular* только два актуализируются в русском языке в сходной материальной оболочке. Ср.:

regular walks (habitual, constant) — р е г у л я р н ы е прогулки;

regular teeth (evenly arranged) — ровные зубы;

regular physician (properly) — квалифицированный врач;
(*qualified for an occupation*);

regular army (professional) — р е г у л я р н а я армия;

regular size (ordinary, normal) — обычный размер;

regular fool (genuine, absolute) — полный, круглый дурак;

regular angles (symmetrical) — симметричные углы;
regular verb (following the usual) — правильный глагол, (*rules of inflections*).

Ложные эквиваленты существуют в сфере заимствованной лексики и являются, по существу, интернационализмами (разумеется, в пределах определенной группы языков). Расхождения в их значениях при формальном сходстве объясняются тем, что заимствованное слово, появившись в новом для себя языковом и культурном окружении, может утрачивать либо приобретать какие-то свойства: «Once a word or expression is borrowed into a language, we cannot predict or control its development or the additional meanings it might or might not take on» [22, с. 25]. Вот две иллюстрации того, как вольно может поступать язык с заимствованиями. Русский язык, например, заимствовал из греческого слово «декада» в значении «десять лет», но использует его в значении «десять» («в первой декаде месяца»); из английского к нам пришло слово «cottage», обозначающее «a small, simple, one-storied house in the country», но мы приписали ему мелиоративное (возвеличительное) значение: «Он живет в *шикарном трехэтажном коттедже*».

Список англо-русских «ложных соответствий» можно найти в специальных словарях [23].

Особого внимания в переводе требует так называемая **безэквивалентная лексика** — слова и устойчивые словосочетания ИЯ, для которых в ПЯ нет ни прямого, ни вариантного соответствия. Группы лексических единиц, не имеющих соответствий в словарном составе других языков, значение которых не может быть передано с помощью лексико-семантических трансформаций, есть во всех языках. Безэквивалентность обуславливается как экстралингвистическими факторами (степень подготовки переводчика, его индивидуальные способности, компетентность, умение воспринимать речь на слух и др.), так и лингвистическими факторами (структурное различие языков). К первой группе относятся реалии, временные безэквиваленты, случайные безэквиваленты, структурные экзотизмы [24, с. 158]. Для второй группы характерно наличие особых морфологических форм, частей речи, синтаксических структур и др.

Национально-специфические реалии из той или иной сферы материального быта, духовной и общественной жизни человека, отраженные в лексической системе ИЯ, малоизвестны или вовсе не известны носителям других языков. Эти реалии оказываются безэквивалентными, поскольку они отсутствуют в иной культуре и в ином языке, где соответственно нет лексических единиц для их обозначения. Для наглядности приведем самые простые примеры. Уникальный артефакт китайской (и, шире, восточной) культуры, обозначенный в иероглифе 筷子 («бамбуковые палочки» [kuaizi], первый элемент иероглифа означает бамбук, второй — показатель существительного), в английском языке передается словом *chopsticks*, в русском языке — перифрастически: «палочки для еды». Слова «перестройка», «гласность» (обозначающие специфический процесс политической жизни нашей страны в 1985–1989 гг.) и *primaries* (уникальный институт американской избирательной системы) перекрестно заимствованы в лексикон вместе с формой: *perestroika*, *glasnost*, *праймериз*. Практика показывает, что слова *perestroika* и *glasnost* вошли в англоязычный обиход и понятны носителям английского языка без примечаний, а содержание слова *primaries* может быть эксплицировано с помощью объяснительного перевода (например, «предварительные/первичные выборы»).

Временные безэквиваленты — результат неравномерного распределения достижений науки и техники, социальных новшеств. Другими словами, это слова, называющие явление из практического опыта носителей ИЯ, и какое-то время, не известное носителям ПЯ, так что в нем формальное соответствие отсутствует по определению. Со временем это неравенство нивелируется (то есть в жизнь носителей ПЯ заимствуется этот ранее не известный опыт), и в ПЯ через транслитерацию или калькирование появляется соответствующее наименование [15, с. 52]. Таким путем пришли в русский язык существительные «компьютер», «провайдер», «сервер», «домен», «файл» и все другие из этого же тематического ряда. Таким же образом, вместе с заимствованным опытом, в русском языке появилось слово «ток-шоу». До определенного времени в нашей культуре не было телепередач этого, ныне широко признанного, формата. Скопировав

его (*A talk-show is a TV program in which invited personalities talk or chat informally with their host/hostess*), мы скопировали и слово.

Английское слово «шоу» стало наглядным примером удачной и быстрой его адаптации в русском языке в 70-е гг. Преодолев границы узкопрофессионального употребления, оно вошло в обыденную устную речь. Основное значение слова «шоу» — «зрелище развлекательного характера»: *праздничное шоу, телевизионное, эстрадное, лазерное, ледовое, водное, танцевальное, цирковое, спортивное, боксерское, авиационное, пародийное, эротическое, кулинарное шоу, шоу каскадеров* и т. д., что свидетельствует о широкой лексической сочетаемости слова.

Слово «шоу» используется в процессе словопроизводства. Например, производные, обозначающие разновидности увеселительного мероприятия, включают *шоу* в качестве второго компонента: *телешоу, ток-шоу, реалити-шоу, авиашоу, файер-шоу, фэшн-шоу, автошоу, мотор-шоу, байк(ер)-шоу, дог-шоу* и т. д. А номинация с «шоу» первым компонентом обозначает нечто, относящееся к зрелищам, связанное со зрелищами, их проведением и выступает в атрибутивной функции: *шоу-бизнес, шоу-программа, шоу-проект, шоу-технологии, шоумен, шоу-продюсер, шоу-бизнесмен, шоу-вумен, шоу-герл* и т. д.

От основного значения слова «шоу» развилось переносное — «нечто показное, рассчитанное на внешний эффект» [25], что свидетельствует об укоренении иноязычного слова в языке-реципиенте [26].

В конце XX в. вместе с заимствованным опытом в русский язык пришли и закрепились слова из финансовой и коммерческой сферы («бартер», «брокер», «дилер», «дистрибьютер», «лизинг»), искусства («римейк», «андеграунд», «триллер»), общественно-политической («брифинг», «рейтинг», «импичмент», «лобби»).

Однако не все заимствованные слова органично вливаются в состав русского языка, то есть включаются в толковые словари русского языка. Например, в Словарь варваризмов слово «гламур» пришло в русский язык из английского от *glamour* — шарм, обаяние. Оригинальное значение слова в английском языке — «магия,

волшебство» — было зафиксировано как вариант шотландского *gramarye* — «магия, волшебство, чары», которое, в свою очередь, произошло от англ. *grammar* — оккультные знания [27]. В конце 90-х гг. в западной моде появилось направление под названием *гламур*. Это было возвращение к образам знаменитостей 30-х гг., для которых были характерны показная роскошь, использование мехов, блессток, страз, перьев, блестящих тканей (атлас, парча, пленка). В русский язык слово пришло в 1997 г. со значением «стиль одежды и стиль жизни», подразумевающий роскошь, мишурный блеск, показной шик. Позднее появились *гламурный*, *гламурненько*, *гламурность*, *гламурчик*, *веб-гламур*, *гламур-фото*, *глем-спорт*. В журнале *Glamour* пропагандируется образ гламурной девушки, то есть ухоженной, в одежде от известных марок, яркой, уверенной в себе, ведущей гламурный образ жизни. Вот как употребляется слово *гламур* на страницах этого журнала:

1) «Дита фон Тиз прямо-таки показывает нам, что значит красиво одеваться. На Венский бал она выбрала серебристое платье с одним плечом и яркие драгоценности. Королева гламура?»

2) «Редакция журнала и сайта *Glamour* поздравляет вас с наступающими праздниками и желает счастья, здоровья и процветания, а также еще больше гламура в Новом году!»

3) «Икона стиля Тина Канделаки. 31-летняя Тина Канделаки — мама, телезвезда и студентка, а также модница, каких мало. Именно ее дом моды *Carolina Herrera* выбрал правофланговой российского гламура».

Гламур сегодня — это современный символ общества потребления, это целая индустрия, направленная на целевую аудиторию. Дорогие машины, одежда от известных марок, дорогая косметика, драгоценности — все, что позволяет человеку блеснуть, показать свое преуспевание. Гламуrom также называют общественную прослойку, состоящую из популярных, ярких и небедных людей.

Таким образом, слово «гламур» как элемент западной культуры прочно вошло в русскую речь, получило широкое употребление и породило множество однокоренных слов. Однако в толковые словари русского языка оно до сих пор не попало.

Проследите, с каким опытом в русский язык пришли слова «бизнес (офис)-ланч» и «продюсер». Чему именно они соответствуют в английском и русском языке?

Случайные безэквиваленты представляют предметы и явления, которые присутствуют в обеих культурах, а взаимосоответственное наименование в языках отсутствует. Например, в русском языке нет специальных обозначений для отрезков времени, которые в английском обозначаются как *day and night* (сутки), *fortnight* (две недели), *every other day* (через день), *the other day* (на днях). Время от полуночи до утра у нас считается ночью, а в англоязычных странах относится к утру (*morning*), поэтому «час ночи», «два часа ночи» по-английский будет соответственно *one o'clock in the morning*, *two o'clock in the morning*. Или *landslide* в английском и его развернутая передача в русском: «победа на выборах большинством голосов». Существование случайных эквивалентов не поддается объяснению, их расхождения в ИЯ и ПЯ немотивированы, поэтому они и называются «случайными» [24, с. 178].

Особую группу безэквивалентной лексики составляют *структурные экзотизмы* — слова, обладающие местной, национальной, исторической окрашенностью и обозначающие предметы, явления и понятия, связанные с жизнью другой страны (другого народа). Они должны точно передавать специфику условий жизни, обычаев, истории различных народов, а также придавать описанию определенный национально-исторический колорит [28]. Обозначаемые этой безэквивалентной лексикой предметы или явления отсутствуют (и отсутствовали) в российской действительности и не имеют обозначений в русском языке. Экзотизмы в прямом смысле практически непереводимы, к ним невозможно подобрать абсолютный эквивалент. К экзотической лексике относятся заимствованные и калькированные из соответствующих языков слова и словосочетания, например: «бейдж», «бунгало», «грант», «грин-карт», «дервиш», «импичмент», «коммандос», «коррида», «ксерокс», «паб», «паблисити», «пазл», «пейджер», «прайвеси», «рейнджер», «фунт стерлингов» или, например, «перестараться» — *try too hard, overdo something*; «недолюбливать» — *have*

no special liking/sympathy (for), not be overfond (of), not be overkeen (on).

В отличие от случайных безэквивалентов существование структурных экзотизмов можно объяснить — ПЯ просто не располагает средствами, которые были бы аналогичны средствам ИЯ и позволяли бы создать достаточно компактное обозначение для упомянутых предметов или явлений [24, с. 91]. Степень освоенности экзотизмов может быть различной. Так, например, слово «мечеть» семантически, фонетически и грамматически давно освоено русским языком, а экзотическое слово «сули» (корейский алкогольный напиток) не освоено ни семантически (непонятно без пояснения даже начитанному человеку), ни фонетически (есть вариант *сури*), ни грамматически (не склоняется и не подводится четко под категорию рода). Кроме того, экзотизмы отличает строго номинативный характер значения и устойчивая морфологическая однородность. Преимущественно это конкретные имена существительные, в то время как иноязычные слова других типов могут быть не только существительными, но и прилагательными («бинарный», «эксклюзивный»), глаголами («аудировать», «мелировать»), наречиями («априори», «анфас»), междометиями («алло», «фас!») и даже предлогом («а-ля»). Значительную часть экзотической лексики составляют одушевленные существительные (со значением лица), например: «омбудсмен», «пикадор», «бойскаут» и т. п. [29].

Как было отмечено выше, к лингвистическим основаниям безэквивалентности относится структурное различие языков. Безэквивалентными грамматическими единицами могут быть как отдельные морфологические формы (герундий) и части речи (артиклъ), так и синтаксические структуры (абсолютные конструкции). Более подробно остановимся на несовпадении словообразовательных возможностей в ИЯ и ПЯ.

Например, в английском языке продуктивным способом образования новых слов является «конверсия» (*water — to water, tax — to tax, Email — to email, to buy — a buy*), благодаря которой можно создать сколько угодно окказионализмов:

1) *Darling, are you angry? — Oh, don't darling me!*

2) *What if* he doesn't show up? *What if* he does show up but too late? — Listen, you'll never get anywhere if you go about *what-iffing* like that. We want no *what-iffers*, not under the circumstances.

В русском языке, где форма слова скована окончаниями, конверсия невозможна, а потому невозможно и создание лексической единицы со структурой, которая позволила бы также емко, в одном слове, передать значение конвертированной (*what-iffing, what-iffers*) формы. Следовательно, в переводе придется пойти по другому пути.

Еще одним примером безэквивалентности может служить несовпадение сочетательного потенциала суффиксов сравнения и неполного (приблизительного) качества: *-ish* в английском и *-еск, -оват* в русском языке. Английский суффикс *-ish* абсолютно свободен в своих сочетательных возможностях, поэтому наряду с эквивалентными соответствиями *boyish* — мальчишеский, *greenish* — зеленоватый, *thinnish* — худоватый и т. д., можно встретить яркие случаи расхождения, когда английское слово не будет иметь прямого соответствия в русском языке и для его передачи потребуются особые средства:

When do you think you can come? — Sevenish (about seven).

Вот интересная иллюстрация из книги Билли Голдмена «Princess Bride» (королева-мачеха описывает внешность девицы, которую она выбрала для принца Хампердинка в невесты):

«Skin», asked the Prince.

«Marbleish», answered the Queen.

«Lips?»

«Roseish. Cheeks the same. Eyes largeish, one blue, one green».

«Hmmm», said Humperdinck. «And form?»

«Hourglassish. And always clothed divineishly».

William Goldman. Princess Bride.

Частным случаем безэквивалентности на почве словообразовательных «разногласий» являются существительные *journalese, translationese, legalese*, в которых суффикс *-ese* передает сильное коннотативное значение: «The *-ese* suffix usually suggests disapproval of a muddled or stilted form of writing» [22, с. 24]. В русском языке

тоже есть суффикс, обозначающий уничижительное отношение к предмету («кислятина», «преснятина» «отсебятина»), в том числе и к напыщенной или малопрофессионально, неуклюже исполненной письменной продукции («писанина»). Однако по нормам русского языка невозможно образовать аналогичную лексическую единицу от корня «журнал» или «перевод», и, чтобы сохранить в переводе оригинальный смысл безэквивалентной единицы, переводчику потребуется проявить творчество. Все эти явления укладываются в разряд «*структурных экзотизмов*» [15, с. 53].

Целый комплекс проблем возникает при эквивалентном воспроизведении значений **образных фразеологических единиц**. Семантика таких единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и коннотативные компоненты. Наиболее важными из них с точки зрения выбора соответствия в ПЯ являются следующие: 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма; 2) прямой или предметный компонент значения фразеологизма, составляющий основу образа; 3) эмоциональный компонент значения фразеологизма; 4) стилистический компонент значения фразеологизма; 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма. Эквивалентное соответствие в ПЯ должно обязательно воспроизводить переносный смысл переводимого фразеологизма, выражать то же эмоциональное отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) и иметь такую же (или хотя бы нейтральную) стилистическую характеристику. Существуют три основных типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала [13].

В первом типе соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала как по прямому, так и по переносному значению (основанный на том же самом образе). Как правило, такие соответствия обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов:

- 1) The game is not worth the candles. — Игра не стоит свеч.
- 2) The sword of Damocles — Дамоклов меч.
- 3) to play into somebody's hands — играть кому-либо на руку

Во втором типе соответствий одинаковый переносный смысл передается в ПЯ с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма:

1) to get up on the wrong side of the bed — встать с постели не с той ноги.

2) to turn back the clock — повернуть вспять колесо истории.

3) A bird in the hand is worth two in the bush. — Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Третий тип соответствий создается путем калькирования иноязычной образной единицы:

1) He was not fit to carry water for her. — Он был недостоин и воду таскать для нее.

2) to put the cart before the horse — ставить телегу впереди лошади.

3) Necessity is the mother of invention. — Необходимость — мать изобретательности.

Соответствия этого типа применимы лишь в том случае, если образ в исходной единице достаточно прозрачен и его воспроизведение в переводе позволяет понять передаваемое переносное значение (по-русски понятно, что ставить телегу перед лошастью означает нарушить правильную последовательность действий). Если же в оригинале употреблено фразеологическое сращение, где связь между переносным и прямым значением недостаточно ясна, то калькирование образа приведет к разрушению смысла фразеологической единицы. В таких случаях нередко приходится вообще отказываться от применения фразеологического соответствия и довольствоваться описанием основного (то есть переносного) смысла переводимого сочетания:

4) to mind one's P's and Q's — соблюдать осторожность.

5) to dine with Duke Humphrey — ходить голодным, остаться без обеда.

Калькирование образа широко используется для передачи национально-этнического компонента значения фразеологизма:

6) to carry coals to Newcastle — возить уголь в Ньюкасл.

7) Rome was not built in a day — не сразу Рим строился.

Отсутствие в ПЯ лексического эквивалента для лексической единицы ИЯ не означает, что ее значение вообще не поддается воспроизведению при переводе. Факт лексической безэквивалентности означает лишь, что значение лексической единицы ИЯ не может быть передано аналогичным, «симметричным» образом — с помощью лексической единицы ПЯ. Переводятся безэквивалентные единицы при помощи окказиональных соответствий. Нужно всегда иметь в виду, что перевод безэквивалентной лексики представляет собой определенную трудность, но эта трудность вполне преодолима с помощью специальных приемов, которые образуют особый класс, не относясь ни к подстановкам, ни к трансформациям: транскрипция и транслитерация, калькирование, приближенный перевод (подыскание ближайшего по значению соответствия), элиминация национально-культурной специфики (снятие культурной специфики реалии при переводе), описательный/разъяснительный перевод (раскрытие значения исходной единицы с помощью развернутого словосочетания, раскрывающего существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей), перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы.

Безэквивалентными грамматическими единицами могут быть как отдельные морфологические формы (герундий) и части речи (артикль), так и синтаксические структуры (абсолютные конструкции). Выбор грамматической формы при переводе зависит не столько от грамматической формы оригинала, сколько от ее лексического наполнения, то есть от характера и значения лексических единиц, получающих в высказывании определенное грамматическое оформление. Различия в таком оформлении, как правило, не являются препятствием для установления отношений эквивалентности между высказываниями в оригинале и в переводе. Отсутствие в ПЯ однотипного соответствия для той или иной формы ИЯ означает лишь невозможность использовать в переводе аналогичную форму или пословный перевод. В. Н. Комиссаров отмечает три основных случая:

1. Нулевой перевод, то есть отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его избыточности.

Примеры: *Give me the book that you bought yesterday* — дай мне книгу, которую ты купил вчера. (Значение определенного артикля дублируется смыслом придаточного предложения.)

By that time he had already left the country — к этому времени он уже уехал из Англии. (Значение предшествования, выраженное формой Past Perfect, избыточно из-за наличия в высказывании лексических указателей предшествования «к этому времени» и «уже».)

2. Приближенный перевод — использование в переводе грамматической единицы ПЯ, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице ИЯ. Так, абсолютная конструкция в современном английском языке не имеет русского соответствия, если ее рассматривать как единицу грамматического строя. Она имеет комплексное, нерасчлененное значение, объединяющее ряд обстоятельственных отношений. Однако в конкретном высказывании на первый план может выдвинуться один или два вида таких отношений (временных, причинно-следственных, условных, уступительных и пр.), что позволяет окказионально приравнять к абсолютной конструкции в оригинале соответствующую русскую структуру. Пример:

Business disposed of, Mr. Swiveller was inwardly reminded of its being high dinner-time — когда с этим делом было покончено, организм мистера Свивеллера напомнил ему, что час обеда уже близок. (Абсолютная конструкция имеет временную функцию.)

3. Трансформационный перевод — передача значения безэквивалентной единицы с помощью одной из грамматических трансформаций, которые наряду с лексическими трансформациями применяются при описании процесса перевода.

The old capitalists and bureaucratic managements remained the directors and managers of the new nationalized industries, with a few right-wing trade-union officials thrown in for luck — старые хозяева и административное руководство стали директорами и управляющими новых национализированных предприятий. Кроме того, было добавлено для вида несколько правых профсоюзных чиновников. (Абсолютная конструкция, вводимая предлогом with, заменяется

в русском переводе самостоятельным предложением (трансформация синтаксического членения) [13].

Описание соответствий не сводится к перечислению возможных способов передачи в ПЯ значения какой-либо конкретной единицы ИЯ. Оно сопровождается выявлением условий, определяющих возможность использования соответствий того или иного вида. Переводческие соответствия — это не просто пары соотнесенных единиц в двух языках, это система отношений между коммуникативно равноценными единицами, от которых зависит реальная взаимозаменяемость таких единиц в процессе перевода, а также набор способов создания окказиональных соответствий в тех случаях, когда условия контекста препятствуют использованию стандартных способов перевода. Знание типов соответствий и правил их применения способствует успешному решению переводческих задач в многочисленных реальных актах перевода [13].

Переводческие трансформации. К переводческим трансформациям относятся специальные преобразования — *лексические, грамматические и стилистические* трансформации [11]. Рассмотрим сущность и механизм этих преобразований.

Лексические трансформации — это «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным. Выделяются следующие разновидности лексических трансформаций: дифференциация значений, конкретизация значений, генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь в процессе перевода» [18, с. 45]. Если в языке перевода нет прямых эквивалентов для того или иного явления, то это явление можно описать, создать неологизм, калькировать или просто передать в транскрипции или транслитерации.

Транскрипция и транслитерация — это воспроизведение звуковой или графической формы исходного слова, то есть его фонетическая (*impeachment* — импичмент, *establishment* — истеблишмент, *linkage* — линкидж, силовики — *siloviki*.) или побуквенная имитация (*racism* — расизм, *fundamentalism* — фундаментализм,

satellite — спутник, *face control* — фейс-контроль). Наиболее активным способом в переводческой практике оказывается транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации, в связи с чем оба приема часто объединяются либо под одним термином, либо под другим. Л. К. Латышев вообще предлагает лишь один обобщающий термин — транслитерация.

Механизм и схемы переводческой транскрипции/транслитерации (в отсчете от русского алфавита) подробно расписаны [30], так что заимствование в русский язык многих иностранных слов — дело достаточно несложное. Однако следует учитывать целесообразность применения этого приема в каждом конкретном случае, чтобы не засорять язык словами-уродцами, приобретающими сегодня популярность в СМИ, как, например, «мессидж», «перформанс», «постер», «лузер», «мерчендайзер» или «саунд-продюсер». Слова *message, performance, poster, loser, merchandiser, sound producer* уже давно имеют свои соответствия в русском языке — «главная мысль, идея, посыл», «представление, выступление», «плакат», «неудачник», «агент по продажам», «звукорежиссер». Злоупотребление транслитерацией есть ничто иное, как претенциозность, отсутствие вкуса и чувства меры.

К а л ь к и р о в а н и е — это перевод лексической единицы путем замены ее составных частей (морфем или слов) их лексическими соответствиями в языке перевода, новая единица в ПЯ копирует структуру исходной единицы. Проще говоря, калькирование есть прямая лексическая подстановка + имитация комбинаторного состава слова или словосочетания ИЯ (*skyscraper* — небоскреб, *soap opera* — мыльная опера, *hot spot* — горячая точка, *arms race* — гонка вооружений, *nuclear winter* — ядерная зима). Калькирование не будет проблематичным, если исходная единица обладает лишь одним значением и семантические связи между ее составляющими прозрачны и мотивированны: *brain drain* — утечка мозгов, *decision making* — принятие решений, *Old Believers* — староверы, *The Rocky Mountains* — Скалистые Горы.

Для полисемантического слова или словосочетания калька возможна только для одного из значений, и проблема заключается в том, чтобы не ошибиться, в каком случае можно прибегнуть

к калькированию, а в каком — нет. Например, существительное *log rolling* калькируется как «перекачивание бревен» только в буквальном значении. Однако как американская реалия в значении *mutual aid among politicians* оно может быть передано лишь описательно: сделка между членами Конгресса о взаимной поддержке.

Неудачной (неинформативной), на наш взгляд, является калька «Дорожная карта», вошедшая вначале в политический и далее в лексикон иных регистров. В английском языке сочетание *road map* имеет два значения: 1) a map for motorists: *Do you really have to check with the road map every other minute? Look at the road!*; 2) a plan or guide for something: *My road map for the months ahead is to stay home and read*. Именно второе значение актуализируется в политическом контексте: *The 'road map' for peace is a plan to resolve the Israeli-Palestinian conflict proposed by a 'quartet' of international entities: the United States, the European Union, Russia, and the United Nations*, но оно не просматривается в русской кальке.

Иногда, в частности для передачи географических названий, используются одновременно два способа — калькирование и транскрипция/транслитерация. Например, от китайского 黄河 путем калькирования и вместе с тем через транскрипцию пришли в русский и английский языки «Желтая река» (Хуанхэ) и *Yellow River* (*Hwang Ho*).

Конкретизация (сужение исходного значения) как разновидность лексико-семантических преобразований — это замена единицы исходного языка с более широким значением единицей языка перевода с более узким значением:

1) *By that time, he had reached unquestionable stardom* — *стал бесспорной звездой*.

2) *single occupancy* — *комната на одного*; *intelligence* — *разведданные*.

3) *He died of exposure*. — Он умер *от простуды*.

Генерализация — другая разновидность лексико-семантических преобразований — это расширение исходного значения, замена единицы языка оригинала с более узким значением на единицу языка перевода с более широким значением:

1) He showed us this old beat-up *Navajo blanket* that he and Mrs Spencer'd bought off some Indian. — Он нам показал потрепанное индейское одеяло — они с миссис Спенсер купили его у какого-то индейца.

2) ...books are only enough for the *three-fourths* of the class — ...книг на *весь класс* не хватает.

Смысловое развитие (модуляция) — третья разновидность лексико-семантических преобразований — это использование в переводе слова или словосочетания, значение которого является логическим развитием переводимой единицы. Ср.:

1) Его встречали *хлебом-солью*. — He was welcomed *with the bread and salt of hospitality*.

2) *We pray too seldom*. — Слишком редко *обращаемся* к Господу (*вспоминаем о Боге*).

3) *Nonproliferation Treaty*. — Договор о *нераспространении* ядерного оружия.

4) *He died of exposure*. — Он замерз в *снегах*.

Антонимический перевод — это замена слова антонимом или замена исходной утвердительной/отрицательной *формы* в оригинале на отрицательную/утвердительную в переводе:

1) *Quite a few* — много; *remember to call* — *не забудь* позвонить;

2) *People without faith in themselves*. — Люди, которые *не верят* в свои силы.

3) Use our military *not as the solution* to every problem but... — Не использовать военную силу *для разрешения проблем*.

Описательный перевод необходим там, где какая-либо лексическая единица оригинала содержит культурологическую информацию, с которой получатель переводящего текста может быть не знаком. Например: ...*I happened to know one forty-niner, a notorious figure in his day*. Прежде чем взяться за перевод, следует выяснить значение существительного *forty-niner* (*Forty-niner is a prospector in the gold rush of 1849 in California*) и вскрыть весь фоновый контекст: с открытием в 1849 г. в Калифорнии месторождений золота сотни и сотни людей устремились туда в надежде на быструю удачу и богатство. Не всем повезло в золотой лихорадке, но всем пришлось

воевать за место под тем трудным и опасным «солнцем». Компактное *описание* этого культурного феномена (помимо контекстуальной замены исходного существительного, к примеру, словосочетанием «искатель приключений») и должно стать обязательным компонентом в переводе — в скобках (или в сноске, и тогда это может быть развернутый комментарий).

Следует запомнить, что «культурно-заряженные» лексические единицы называются «прецедентными» именами.

Как отмечается в теоретических и практических пособиях по переводу, наиболее сложным видом замен является *целостное переосмысление*. Сущность этого приема заключается в передаче содержания единицы ИЯ (чаще всего, фразеологизма) совершенно другими формальными (лексическими и грамматическими) средствами. Например:

1) Скатертью дорога! — *Good riddance!*

2) Так ему и надо! — *It serves him right.*

3) *You make the bed, you sleep in it.* — Сам кашу заварил, сам и расхлебывай.

4) — *May I use your phone?* — Можно позвонить?

— *Be my guest/Help yourself/Go ahead.* — Пожалуйста/сделайте одолжение.

Из-за несовпадения структуры английского и русского предложения, невозможности подыскать для слова эквивалентное или контекстуальное соответствие или из-за несовпадения семантического объема слова/словосочетания, переводчики, чтобы не нарушить нормы ПЯ, достаточно часто прибегают к таким манипуляциям, как *добавление и опущение*. Приведем примеры:

1) Для английского языка характерным является использование парных синонимов; в переводе на русский язык один из равнозначных синонимов опускается: *rags and tatters* — лохмотья.

2) Притяжательные местоимения перед названиями частей тела или предметов одежды (своеобразный «маркер» английского языка) в русском переводе часто опускаются: *He put his hand in his pocket* — засунул руку в карман. (Но: *Tears rolled down his cheeks.* — Слезы катились по его щекам.)

3) *to look down on people* — «to have a poor opinion of someone», в русском языке это значение необходимо передать дифференцированно, в двух наречиях — «смотреть на людей сверху вниз».

4) *It was a face watching me askance.* — Это было лицо человека, искоса следившего за мной. Наречие *askance* диктует необходимость добавления, поскольку по нормам русского языка только «человек», а не «лицо» (часть тела) может «следить искоса».

Компенсация (компенсация потерь) — это замена элемента подлинника элементом иного порядка и в ином месте, нежели в исходном тексте, но обязательно в соответствии с его общим идейно-художественным характером. Обратимся к примерам из книги «Up the Down Staircase» (Bel Kaufman. Up the Down Staircase. NY, AvonBooks, 1964) в сопоставлении с их переводом (Кауфман Бел. Вверх по лестнице, ведущей вниз / пер. Е. Иванова и С. Шайкевич. М. : Радуга, 1989). Героине повести, молодой учительнице Сильвии Баррет, ее ученики из класса особо отстающих (*Special Slow Students*) пишут записки, письма, пожелания с огромным количеством самых разнообразных ошибок. Как они передаются в переводе?

Вот мальчик сообщает, что обратился к директору с жалобой: *I have already fill a complain to Dr. Clark*, и, как мы видим, делает и грамматическую ошибку (*have fill* вместо *have filled*), и орфографические (*allready* вместо *already*, *complain* вместо *complaint*). Переводчики заменяют их одной — лексической: «Я уже написал жалостное заявление д-ру Кларку».

Отвечая на вопрос Сильвии, «что дает им изучение языка и литературы», другой ученик пишет: *I only learned one thing and that is a quotion mark. ... With Miss Pastorfield we dramatized everything insight* (театрализация произведений входит в традиции американской школы). Орфографическая ошибка *quotion mark* (вместо *quotation mark*) не сохранена в переводе: *Я выучил только одно — «кавычки»*. Это было возможно сделать с помощью искаженного «ковычки», но переводчики идут другим путем. Они обыгрывают формальное совпадение английского глагола *dramatize* (здесь — *инсценировать*) и русского *драматизировать* (*преувеличивать значение*): «С мисс Пасторфилд мы *драматизировали* всё подряд». Общий

юмористический эффект и впечатление безыскусной детской руки в переводе сохраняются; следовательно, опущение и компенсация потерь нелокальными заменами выполнены оправданно.

Термин «перевод» в отношении грамматических форм и конструкций является достаточно условным, поскольку речь может идти не о переводе морфологических или синтаксических единиц, а о выборе грамматического оформления текста в ПЯ с учетом смысловой роли грамматического оформления текста ИЯ. Проще говоря, в процессе трансляции содержание перераспределяется, получая не только иное лексическое, но и иное грамматическое выражение [15].

Грамматическая трансформация — изменение структуры предложения при переводе с одного языка для передачи его смысла в другом: это переход от обратного порядка слов к прямому, замена пассивных конструкций активными, переход от односоставных предложений к двусоставным, замена исходного подлежащего, переход от одной части речи к другой, замена сложных синтаксических конструкций простыми [31]. Переводчик имеет право (а иногда вынужден) перераспределять содержание простого предложения в сложноподчиненное или сложносочиненное, разбивать одно самостоятельное предложение на два или объединять два самостоятельных предложения в одно, изменять коммуникативный тип предложения и актуальное (тема-рематическое) членение и т. д. Ср.:

1) *On a personal level, my daughter and I formed close friendships with many people in Dubna.* — Если говорить о личной жизни, то мы с дочерью нашли замечательных друзей в Дубне (*простое предложение* → *сложноподчиненное*).

2) *It's serious and satisfying work.* — Это серьезная работа, и она приносит удовлетворение (*простое предложение* → *сложносочиненное*).

3) *As the year draws to a close, I am pleased to report the many successes of the Fulbright Program in Russia for 2006.* — Заканчивается академический год 2006–2007, и я с радостью говорю об успехах программы Фулбрайта в России в этот период (*сложноподчиненное предложение* → *сложносочиненное*).

4) *I first came to Russia in 2000. Since then I have returned several times to study and do research in Moscow and St. Petersburg.* — Впервые посетив Россию в 2000 г., я еще несколько раз приезжала в Москву и Санкт-Петербург для продолжения учебы и научной работы (*два предложения → одно простое*).

5) *I'm dropping out. You're supposed to sign my Book Clearance from last term.* — Меня исключают, подпишите мой «бегунок» (*два предложения → одно сложносочиненное*).

6) *Can you make the chalk stop from squeaking?* — Заставьте мел не скрипеть! (*вопросительное предложение → побудительное*).

7) *This is where my true history of popularity begins.* — Вот тут-то и начинается настоящая история моей популярности (*прямой порядок слов → обратный*).

Сегодня нет недостатка в пособиях, содержащих сведения о морфологических и синтаксических явлениях английского языка, в том числе таких специфичных, как инфинитивные, причастные и герундиальные обороты, атрибутивные цепочки, пассивные конструкции, перфектные формы, артикли и т. д. и т. п. [30; 32]. Обращение к ним как к справочникам будет полезно при выполнении предпереводческих и переводческих заданий в главах 2 и 3.

В процессе переводческой деятельности трансформации чаще всего бывают смешанного типа, то есть носят комплексный характер.

Адекватный (полноценный) перевод невозможен без учета стилистических особенностей подлинника. Это означает, что переводной текст должен соответствовать исходному тексту по параметрам, свойственным для конкретного функционального регистра и жанра. Например, недопустимо в переводе узкоспециального текста использовать не органичные для него эмфатические средства, равно как и обеднять выразительность художественного или публицистического произведения.

Стилистические трансформации предполагают использование приемов, способствующих передаче содержания подлинника вместе с его эмоционально-эстетическим планом. Это в первую очередь касается текстов художественной литературы и публицистики, назначение которых — воздействовать на отношение и чувства.

Номенклатура образных средств хорошо известна. Это метафоры и эпитеты, повторы, параллелизмы, сравнения, метонимия, аллитерация, игра слов и пр., которые придают содержанию особую выразительность. Однако сохранение образно-эмоционального плана не означает передачу метафоры непременно метафорой или игры слов непременно теми же средствами и в том же месте, что и в оригинале. Гораздо важнее обеспечить стилистическую адекватность перевода в целом, нежели сохранить конкретный стилистический прием, его точное местонахождение в тексте или лексическую (или иную) единицу, вокруг которой строится образ. Проследим этот тезис лишь на одном примере: *In our school we stress three C's: Courage, Courtesy, Caring*. Игра слов здесь основана на аллитерации, но, чтобы сохранить прием, мы вынуждены поменять звуко-букву, использовать лексическую замену и прием смыслового развертывания: «В нашей школе главное — три “В”: мы воспитываем в детях волю, вежливость, внимание к окружающим». Можно взять букву «Д», и тогда это будут «доблесть, дружелюбие, доброта», а можно «Т» — «терпимость, товарищество, твердость характера». Посыл оригинального высказывания в этих преобразованиях не нарушается, им по-прежнему остается тезис: основное для школы — воспитание ребенка.

Мы не ставим перед собой задачу описать и проиллюстрировать все возможные способы стилистических преобразований, но хотим подчеркнуть, что сохранение (или модификация) исходной эмоционально-эстетической информации требует от переводчика изобретательности и желания испытать чувство удовлетворения от работы со словом.

Непременное правило перевода — *учет контекстуальной зависимости слова*. Именно контекст — более узкий или более широкий, лингвистический или ситуативный — играет решающую роль при передаче значения иноязычных слов, то есть при выборе того или иного соответствия при переводе, отказе от использования известных соответствий или поиске иных способов перевода [4, с. 182].

Умение отыскать ряд соответствий единице оригинала и выбрать из этого ряда вариант, наиболее подходящий по условиям контекста,

является весьма распространенным способом перевода. Зачастую существование у единицы ИЯ одного или нескольких переводческих соответствий не означает обязательного появления таких соответствий в любом переводе, если в оригинале использована данная единица. Каждому переводчику приходится решать задачи, когда в поисках оптимального варианта перевода он вынужден отказаться от регулярного соответствия и искать вариант перевода, наиболее точно передающий значение единицы ИЯ в данном контексте [13].

Для иллюстрации обратимся к предложению *In the movie «Easter Parade», Fred Astaire and Judy Garland made up a wonderful song-and-dance team.* Словарная дефиниция существительного «team» — *a group of persons joined together in some action.* Для него в русском языке имеется прямое соответствие («команда»), но оно неуместно в нашем случае. Однако есть слово, в предметно-логическом значении которого потенциально заложена смысловая соотнесенность со словом «команда», что и дает возможность *контекстуальной (функциональной) замены*: «песенно-танцевальный дуэт».

Нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста, называется окказиональным соответствием, или контекстуальной заменой.

При переводе следующих примеров также будет использована замена; в них имеет место несовпадение семантической совместимости элементов в некоторых устойчивых английских и русских словосочетаниях:

- 1) *people from different walks of life* — люди разных *профессий*;
- 2) *to see firsthand* — увидеть *своими глазами*;
- 3) *шапочное* знакомство — *nodding acquaintance*;
- 4) *бить тревогу* — *to sound the alarm*.

Подводя итог, отметим, что все специальные переводческие приемы (лексические, грамматические, стилистические) взаимосвязаны и взаимообусловлены и работают комплексно.

Глава 2

ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В ПРОБЛЕМНО-ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЗАДАНИЯХ (УПРАЖНЕНИЯХ)

Проблемно-переводческие упражнения содержат:

- анализ выделенных интересных или трудных для перевода моментов;
- задания на самостоятельное выявление переводческих трудностей;
- комментарии собственно-лингвистического или общепилогического характера;
- рекомендации по использованию тех или иных переводческих стратегий;
- перевод текста (управляемый и самостоятельный).

Такой алгоритм — перевод на основе предлагаемых детально разработанных заданий + самостоятельный переводческий анализ аналогичного по стилевой принадлежности образца с последующим его переводом — выдерживается для текстов всех функциональных стилей и жанров внутри них. Исключение составляет параграф 5, в котором для всех текстов (так называемых специальных) предусмотрено лишь одно сквозное задание.

§ 1. Перевод публицистики

Работа с публицистическими материалами представляет особый интерес для начинающего переводчика. Публицистика (от лат. *publicus* — общественный) освещает насущные вопросы общественной практики в области политики, морали, норм, культуры и т. п. в их актуальном для данного времени значении и преследует отчетливую цель — *оказать воздействие* на широкую аудиторию читателей (и тогда это полемическая статья, газетная передовица,

памфлет и т. д.) или слушателей (ораторская речь). Чтобы оказать интеллектуальное и эмоциональное воздействие, публицистическое произведение должно быть предельно логичным, точным и впечатляющим. Переводчику предстоит передать не только содержание, но и эмоционально-экспрессивные особенности текста.

Рассмотрим, как это положение работает для перевода *ораторской речи*, которая будучи продуктом исторического развития, всегда считалась эталоном красноречия. Она по сути имеет миротворческий характер, являясь первостепенным орудием идеологии и политики. Переводчик в политической сфере не просто ретранслятор информации, он — носитель уникальной модели мира, определенной языковой компетенции, политических взглядов. Главной сложностью перевода публичных речей политического, характера является зависимость номинации от того, что в понятие вкладывает выступающий. В каждой конкретной речи определенная категория может иметь как положительную коннотацию, так и отрицательную. Задача профессионального переводчика — не только разобраться в идиомах, сравнительных оборотах, синтаксических конструкциях, используемых в речи, но и выбрать нужную тональность для точного описания идей говорящего.

Ораторское искусство возникло в Древней Греции (его основателями были Аристотель, Квинтилиан и Цицерон). Оно оказало столь значительное воздействие на всю западную культуру, что в Средние века обучение риторике стало неотъемлемой частью всякого образования, наряду с логикой и грамматикой. Разработанные Цицероном рекомендации для ораторов (*Invention, Arrangement, Style, Memory, Delivery*) мало в чем изменились к сегодняшнему дню и непременно составляют основу хорошо продуманного публичного выступления:

- выбор темы (*‘Invention’ — the discovery of the relevant material*);

- работа над формой (*‘Arrangement’ or ‘Disposition’ — the organization of the material into proper structural form*);

- выбор стиля сообразно поводу и ожидаемой аудитории (*‘Style’ — consideration of the appropriate manner for the matter and the occasion, e.g. the grand style, the middle and the low*);

— заучивание текста ('Memory' — *memorizing speeches*);
— отработка техники выступления ('Delivery' — *techniques for actually making a speech*).

Успех публичного выступления во многом зависит от того, насколько в нем интегрированы эти параметры.

TASK A. Ярким примером ораторского мастерства является речь президента США Джорджа Буша в Конгрессе 20 сентября 2001 года, с которой он выступил спустя 9 дней после варварской атаки террористов на здания Пентагона и Всемирного торгового центра (Центра международной торговли) в Нью-Йорке. В мировом сознании это трагическое событие навсегда запечатлелось в клише Nine Eleven (9/11).

Прочтите внимательно текст (фрагмент) обращения и выполните предложенные задания.

Presidential Address

Mr. Speaker, Mr. President Pro tempore, members of the Congress, and fellow-Americans! In the normal course of events, presidents come to this chamber to report on the state of the Union. Tonight, no such report is needed: it has already been delivered by the American people. We have seen it in the courage of passengers who rushed terrorists to save others on the ground. We have seen the state of our Union in the endurance of our rescuers working past exhaustion; we've seen the unfurling of flags, the lighting of candles, the giving of blood, the saying of prayers in English, Hebrew, and Arabic. We have seen the decency of loving and giving people who made the grief of strangers their own.

My fellow-citizens, for the last nine days the entire world has seen for itself the state of our Union — and it is strong! Tonight we are a country awakened to danger and called to defend freedom. Our grief has turned to anger, and anger to resolution. Whether we bring our enemies to justice or bring justice to our enemies, justice will be done. And, on behalf of American people, I thank the world for its outpouring of support. America will never forget the sounds of our national Anthem

playing at Buckingham Palace, on the streets of Paris, and at Berlin's Brandenburg Gate... Nor will we forget the citizens of eighty other nations who died with our own: dozens of Pakistani, more than a hundred and thirty Israelis, more than 250 citizens of India, men and women from El Salvador, Iran, Mexico and Japan, and hundreds of British citizens...

On September the eleventh, enemies of freedom committed an act of war against our country. Americans have known wars, but for the past 236 years, they have been wars on foreign soil, except for one Sunday in 1941. Americans have known the casualties of war, but not at the center of a great city on a peaceful morning. Americans have known surprise attacks but never before on thousands of civilians. All of this was brought upon us in a single day, and night fell on a different world: a world where freedom itself is under attack.

C-SPAN Archives. U.S. House of Representatives, Washington DC, 2001.

Поскольку мы знакомимся с выступлением Дж. Буша в его *письменной фиксации*, мы не можем судить, насколько впечатляющим оно является с точки зрения четвертого и пятого правила Цицерона, но это и не столь для нас важно. Просодическое оформление речи (интонация, ритм, значащая расстановка пауз, то есть невербальные средства) носят вспомогательный характер, тогда как вся полнота содержания проявляется в ней самой, в том, как она (речь) организована. Именно содержательная сторона — в ее трансляции на русский язык — и представляет для нас интерес.

При переводе выходных данных, завершающих публикацию (C-SPAN Archives. U.S. House of Representatives, Washington DC, 2001), обратите особое внимание на малоизвестный у нас акроним C-SPAN (первый элемент в нем читается как буква, второй — как слово). Чтобы без потерь передать зашифрованное в нем содержание (the Cable-Satellite Public Affairs Network), следует в перевод ввести пояснение: C-SPAN — это служба кабельного телевидения, освещающая в постоянном режиме заседания в Палате Представителей США по вопросам государственной и общественной важности.

Какую часть комментирующей информации вы находите достаточной, а какую опустите, чтобы не перегружать перевод?

Переведите сочетание *Nine Eleven*. Сохраните ли вы оба числительных в русском варианте? Если нет, то какое оставите и почему?

Найдите слова и словосочетания, которые могут быть переведены простой подстановкой, то есть механической заменой одной языковой единицы другой.

Используя прием «контекстуальной замены» для одного из компонентов, переведите сочетания *working past exhaustion, the decency of people, loving and giving people, foreign soil, surprise attacks, an act of war*.

Какие элементы в сочетаниях *outpouring of support, the sounds of our national Anthem playing* можно (или следует) опустить в переводе и почему?

Найдите примеры связанных (фразеологических) необразных и образных сочетаний; дайте их перевод на русский язык и прокомментируйте выбранную стратегию.

Отнеситесь внимательно к сочетанию *dozens of Pakistani*. Словарное значение *dozen* — «a group of twelve». Хотя этому существительному в русском языке есть прямое соответствие — «дюжина», адекватная передача его возможна лишь на основе целостного переосмысления. Трудно объяснить, почему русский язык в практическом опыте говорящих на нем «ведет подсчет» предметов в десятках, а английский — в дюжинах. Точно так же невозможно объяснить некоторые случаи несовпадения сочетаемости: *high hopes* — большие надежды; *trains run* — поезда идут; *the engine runs* — мотор работает; *the car sits in the garage* — машина стоит...; *a fly stood on my hand* — муха села... Напомним, что случаи такого немотивированного несовпадения называются случайными безэквивалентами [15].

Поскольку английский и русский язык имеют отчетливые различия в своей грамматической структуре, при переводе часто возникает

невозможность соблюсти формально точное соответствие, а в связи с этим необходимость «перераспределить» содержание высказывания, то есть придать ему иное лексико-грамматическое выражение. В этом аспекте взгляните на предложение: *We've seen the unfurling of flags, the lighting of candles, the giving of blood, the saying of prayers.*

Сохранение в переводе синтаксической структуры оригинала (простое предложение с однородными прямыми дополнениями, представленными именным словосочетанием с отглагольным существительным в качестве ядра) противоречило бы нормам русского языка, сделало бы высказывание громоздким, неестественным (*видели зажигание свечей, разворачивание флагов*). Особенность семантики отглагольного существительного (выраженное содержание — действие; невыраженное, но подразумеваемое — деятель) позволяет развернуть словосочетание в придаточное предложение, восстановив в его подлежащем имплицитный (подразумеваемый) элемент содержания.

Трансформируйте исходное простое предложение в сложноподчиненное с придаточными дополнительными и дайте его перевод.

На языке современной лингвистики словосочетание *one Sunday in 1941* (так же, как и *Nine Eleven*) называется «прецедентный текст» — в нем содержится «намеки», отсылка к некоторой информации культурно-исторического плана (для россиян таким прецедентным текстом будет, в частности, *22 июня 1941 г., 4 октября 1957 г. или 12 апреля 1961 г.*; для французов — *18 марта 1871 г.*; для китайцев — *1 октября 1949 г.*).

Аллюзия президента США, безусловно, понятна аудитории, которой в первую очередь адресовано обращение. Если предположить, что адресат перевода не обладает фоновыми знаниями, то, чтобы транслируемое содержание было воспринято без потерь, нужно расшифровать намеки.

О каком событии говорит Дж. Буш? (И какие события — прецеденты — стоят за другими упомянутыми

датами?) Дайте пояснительные примечания в сноске при оформлении письменного варианта перевода.

В цепочке открывающих текст обращений каждое из звеньев требует отдельного подхода:

а) как известно, *Speaker* в американском Конгрессе — это председательствующий в Палате Представителей. Какой соответствующий термин укрепился в нашей политической практике, с помощью какого приема он передан на русский язык?

б) кому адресовано обращение *Mr. President Protempore*? Если вывести наружу значение латинизма *protempore* — *for a time*, то это *господин временный президент*. Однако не следует поддаваться соблазну механического калькирования, поскольку калька в данном случае исказит объективную информацию. Термином *president pro tempore* обозначается *the senator who presides over the U.S. Senate in the absence of the Vice President*, то есть *временный председатель Сената*. Это как раз тот случай, когда, чтобы не допустить нелепой ошибки в переводе, следует обратиться к соответствующим словарям и справочникам;

в) перевод обращения *fellow-Americans* интересен в связи со структурно-семантическими особенностями существительного *fellow*, которое в значении *belonging to the same class or group* может участвовать в построении какого угодно количества слов для передачи общности чего-то, совместности действий, сотрудничества, взаимности и т. п.: *fellow-citizen*, *fellow-traveler*, *(my) fellow-adventurer* и т. д. На русский язык это значение передается либо префиксом «со-» (согражданин), либо отдельным словом (попутчик), либо описательно — словосочетанием («такой же [как я] любитель приключений»). При этом каждый раз следует соотносить возможность того или иного переводного варианта с предметно-ситуативными условиями, поскольку то, что будет уместно в одной ситуации и одном функциональном стиле, может быть менее уместно или неуместно в другой (другом). Ср.: *fellow-worker* — товарищ по работе/собратье по труду/коллега, *fellow-writer* — собрат по перу/коллега по литературному цеху, *fellow-student* — соученик/одноклассник/

однотруппник/однокашник/товарищ по учебе, *fellow countryman* — соотечественник/земляк, *fellow-drinker* — собутыльник/сотрапезник, *fellow-soldier* — товарищ по оружию/боевой товарищ/однополчанин/соратник, *fellow-craftsman* — товарищ/собрат по ремеслу, *fellow-artist* — брат по искусству/брат-артист.

Какой вариант перевода *fellow-Americans* в данном контексте вы считаете оптимальным: «граждане Америки», «сограждане», «соотечественники», «Американские граждане»? Мотивируйте свой выбор.

Взгляните на текст с точки зрения риторических приемов: выделите *возвышенную лексику*, работающую на создание пафосного звучания текста, «*лейтмотивные*» слова и словосочетания.

Неотъемлемым элементом риторики являются **повтор и параллелизм** (параллельные синтаксические конструкции).

Существует несколько формальных разновидностей повтора. Простой повтор, в частности, это удвоение/утроение и т. д. слова или словосочетания в прямой последовательности: «Москва, Москва, люблю тебя, как сын...» (М. Ю. Лермонтов). При повторе подхвате слово или группа слов заканчивают один отрезок речи и повторяются в начале другого «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, минута — и стихи свободно потекут» (А. С. Пушкин).

Параллелизм — это повторение синтаксической модели одного предложения в другом, сопровождаемое и усиливаемое лексической тождественностью.

Есть несколько видов параллелизма. Анафора (*единоначалие*) — это тождественность структуры и лексического состава в начале нескольких предложений, как в хорошо нам известном стихотворении В. Киршона:

Я спросил у ясеня, где моя любимая...

Я спросил у тополя, ...

Я спросил у месяца...

Разновидностью параллелизма является **хиазм** — *расположение крест-накрест*, когда воспроизведение структуры и лексического состава сопровождается изменением синтаксических

связей между повторяющимися членами предложения (*I love my Love because my Love loves me*).

Найдите в тексте повторы и параллельные конструкции, определите их разновидность; переведите предложения с ними на русский язык.

В рамках параллелизма можно также рассмотреть и предложения *America will never forget the sounds of... u Nor will we forget the citizens of eighty other nations*, которые при идентичности структуры имеют различный порядок слов. Рассмотрим два момента.

Во-первых, напомним, что в английском языке компоненты предложения имеют фиксированный порядок: подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство. Отклонение от принятого, стандартного порядка слов (в частности, с целью придания какому-либо компоненту большей выразительной значимости) называется **инверсией** (от лат. *inversion* — переворачивание).

Во-вторых, уточним, что, строго говоря, порядок слов — это взаиморасположение подлежащего и сказуемого; порядок слов считается п р я м ы м, если подлежащее предшествует сказуемому (*America will never forget the sounds...*), и о б р а т н ы м, если сказуемое или часть его предшествует подлежащему (*Nor will we forget the citizens...*). Изменение прямого порядка слов на обратный, в результате которого меняется грамматическое значение всей конструкции (при трансформации утвердительного предложения в вопросительное), называется г р а м м а т и ч е с к о й и н в е р с и е й. Если грамматическое значение конструкции не меняется (предложение остается в рамках своего коммуникативного типа), инверсия носит с т и л и с т и ч е с к и й (эмфатический) характер.

Какой вид инверсии имеет место в интересующем нас случае и почему? Рассмотрите возможные варианты перевода:

а) сохранить инвертированный порядок слов. Однако учтите, что в русском языке инверсия не имеет особой выразительной силы из-за более свободного порядка слов;

б) использовать какое-либо иное эмфатическое средство (например, введение дополнительного слова);

в) объединить это предложение с предыдущим. Объединение предложений в переводе бывает вполне оправданно, когда в них развивается одна и та же мысль, а тем более, когда в них имеются формально коррелирующие элементы (союз *not* во втором предложении коррелирует с наречием *never* в первом).

Какой из этих вариантов кажется вам оптимальным?

Еще раз прочтите текст, проследите, как торжественность, образность взаимодействуют с ритмической синтаксической организацией текста — параллелизмами, лейтмотивными повторами и т. п. и дайте его полный перевод на русский язык.

TASK B. Прочтите внимательно текст (фрагмент) выступления 42 президента США Билла Клинтона в актовом зале МГУ по поводу празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. Выполните задания:

— проанализируйте, какими средствами достигается, с одной стороны, пафосный и с другой — доверительный тон речи Б. Клинтона;

— определите для себя переводческие трудности и способы их разрешения;

— дайте полный перевод текста.

**Bill Clinton's speech in Moscow State University,
10 May 1995**

I am deeply honored to be here, and to be here just a few years after my predecessor, President Reagan also spoke to the students. I can think of no better place than a great seat of learning, like Moscow State University, to speak about the past and future of Russia. In this spirit, Mikhail Lomonosov lives on, for just as he modernized your ancient language for the Russian people two centuries ago, today you must take the lead in shaping a new language, a language of democracy that will help all Russia to chart a new course for your ancient land. Here you openly debate the pressing issues of the day and though you can only

hear echoes of your nation's history, you are living it and making it as you ponder and prepare for what is yet to come.

Yesterday, all of Russia and much of the entire world paused to remember the end of World War II and the terrible, almost unimaginable price the Soviet Union paid for survival and for victory. Because our alliance with you was shattered at the war's end by the onset of Cold War, Americans never fully appreciated until yesterday the true extent of your sacrifice and its contribution to our common victory. And the Russian people were denied the full promise of that victory in World War II, a victory that bought the West five decades of freedom and prosperity. Now the Cold War is over; democracy has triumphed through decades of Western resolve but that victory was also yours — through the determination of the peoples of Russia, the other former Soviet republics, the countries of Central and Eastern Europe to be free and to move into the twenty first century as a part of, not apart from the global movement toward better democracy, prosperity and common security...

CNN's coverage of May 10 live event

TASK C. Невозможно обойти вниманием гениальный образец публицистики в гротескном кинопроизведении Ч. Чаплина «Великий диктатор» (*The Great Dictator*, 1940, первая звуковая картина режиссера). В финальной сцене фильма, соединяющего в себе смешную и трогательную комедию и глубокую драму, главный герой произносит потрясающий монолог. Из-за абсолютного внешнего сходства парикмахера из еврейского гетто принимают за диктатора Хинкеля (блестящая пародия на Адольфа Гитлера), и он должен выступить с профашистской речью перед солдатами и военными чинами «великой Томании». Вместо этого герой говорит о бесчеловечности военной машины; он начинает тихо и неуверенно, потом голос его крепнет, и вот уже не чаплинский «маленький человек», а сам Чаплин со всей страстью и верой в торжество разума призывает к человечеству с экрана:

«I am sorry; I don't want to be an emperor, that's not my business. I don't want to rule or conquer anyone. I should like to help, if possible, Jew, gentile, black men, white. We all want to help one another, human beings are *like that*. We want to live *by each other's happiness*, not *by each other's misery*. We don't want to hate or despise one another. In this world, there is *room* for everyone, and the *good earth* is rich and *can provide for* everyone. The *way of life* can be free and beautiful, but we have lost *the way*. Greed has poisoned men's souls, has filled the world with hate, *has goose-stepped us into misery* and bloodshed. We have developed speed but have shut ourselves in. *Machinery* that gives abundance *has left us in want*. Our knowledge has made us cynical, our cleverness hard and unkind. We think too much and feel too little. More than machinery, we need humanity; more than cleverness, we need kindness and gentleness. Without these qualities life will be violent, we all will be lost. The airplane and the radio have brought us closer together. The very nature of these inventions cries out for the goodness in men, cries out for *universal* brotherhood, for the unity of us all. Even now, my voice is reaching millions throughout the world, *millions of despairing men, women and little children*, victims of a system that makes men torture and imprison innocent people. To those who can hear me, I say, «Do not despair. The misery that is now upon us is *but* the passing of greed, the bitterness of men who fear *the way of human progress*, the hate of men who will pass when dictators die, and the power they took from the people will return to the people, and so long as men die, liberty will never perish». Soldiers, do not give yourselves to brutes — men who despise you and slave you, who regiment your lives, tell you what to do, what to think or what to feel, who drill you, diet you, treat you *like cattle*, use you as a *cannon fire*. Don't give yourselves to these unnatural men, *machine men* with *machine minds* and *machine hearts*! You are not *machines*, you are not cattle, you are men, you have *a love of humanity in your hearts*. You don't hate, only *the unloved* hate, the unloved and *the unnatural*. Soldiers! Don't fight for slavery, fight for liberty! In the *seventieth chapter of St. Luke*, it is written: «*The Kingdom of God is within men*», not one man, not a group of men, but in all men, in you! You, the people, have the power to create

happiness; you the people have the power *to make this life a wonderful adventure*. Then in the name of democracy let us use that power, let us all unite! Let us fight for a *new world*, a *decent world* that will give men a chance to work that will give you the future, and *old age*, and security. By the promise of these things brutes have risen to power, but they lie, *they do not fulfill that promise, they never will*. Dictators free themselves, but they *enslave* the people.

Now let us fight to free the world, to do away with national barriers, to do away with greed, with hate and intolerance! Let us fight for a world of reason, a world where science and progress will lead to all men's happiness! Soldiers! In the name of democracy, let us all unite!»

Дайте характеристику лексико-грамматической структуры текста.

Проанализируйте выделенные курсивом единицы; определите, какие из них:

а) являются стилистическими фигурами (метафорами, эпитетами и пр.) и, таким образом, требуют особого внимания при переводе;

б) могут быть переведены путем механической подстановки эквивалента;

в) поддаются переводу только с помощью перераспределения содержания в ином лексико-грамматическом выражении;

г) являются лексическими «ловушками»;

д) допускают генерализацию;

е) иллюстрируют игру слов (определите, на чем она основана);

ж) какие и почему можно опустить;

з) какие следует заменить контекстуальным эквивалентом;

и) какие предложения можно объединить для перевода в одно и почему;

Какие еще единицы вам кажутся интересными (или трудными) для перевода?

Дайте полный перевод текста.

TASK D. С приходом в современную жизнь Всемирной паутины, сложилась практика виртуальных публичных обращений. Их адресат — необъятная и исключительно гетерогенная аудитория, поэтому ответственные авторы выбирают темы глобальной, общечеловеческой значимости, как это сделал американский комический актер Джордж Карлин, разместивший на страницах Интернета свое послание к людям всей планеты. Прочтите внимательно текст и выполните задания.

George Carlin's Message

The paradox of our time in history is that we have taller buildings but shorter tempers, wider freeways, but narrower viewpoints. We spend more, but have less, we buy more, but enjoy less. We have bigger houses and smaller families, more conveniences but less time. We have more degrees but less sense, more knowledge, but less judgment, more experts, yet more problems, more medicine, but less wellness.

We drink too much, smoke too much, spend too recklessly, laugh too little, drive too fast, get too angry, stay up too late, get up too tired, read too little, watch TV too much, and pray too seldom. We have multiplied our possessions, but reduced our values. We talk too much, love too seldom, and hate too often.

We've learned how to make a living, but not a life. We've added years to life, not life to years. We've been all the way to the moon and back, but have trouble crossing the street to meet a new neighbor. We've conquered outer space but not inner space. We've done larger things, but not better things.

We've cleaned up the air, but polluted the soul. We've conquered the atom, but not our prejudice. We write more, but learn less. We plan more, but accomplish less. We've learned to rush, but not to wait. We build more computers to hold more information, to produce more copies than ever, but we communicate less and less.

These are the times of fast foods and slow digestion, big men and small character, steep profits and shallow relationships. These are the days of two incomes but more divorce, fancier houses, but broke homes. These

are the days of quick trips, disposable diapers, throwaway morality, one-night stands, overweight bodies, and pills that do everything from cheer, to quiet, to kill. It is a time when there is much in the showroom window and nothing in the stockroom. A time when technology can bring this letter to you, and a time when you can choose whether to share this insight, or to just hit «delete».

Remember to spend some time with your loved ones, because they are not going to be around forever. Remember to say a kind word to someone who looks up to you in awe, because that little person soon will grow up and leave your side. Remember to give a warm hug to the one next to you, because that is the only treasure you can give with your heart and it doesn't cost a cent.

Remember to say, «I love you» to your partner and your loved ones, but most of all mean it. A kiss and an embrace will mend hurt when it comes from deep inside you. Remember to hold hands and cherish the moment for someday that person will not be there again. Give time to love, give time to speak and give time to share the precious thoughts in your mind.

Life is not measured by the number of breaths we take, but by the moments that take our breath away.

Определите, что составляет эмоциональный «нерв» послания.

Проанализируйте лексику, синтаксическую структуру текста, стилистические средства (эпитеты, метафоры, повторы, параллельные структуры, контраст, игру слов).

Определите интересные для перевода моменты, предложите приемы работы с ними.

Дайте полный перевод текста.

TASK E. Особым типом публичного выступления является **лекция**. Перед публичным лектором стоит серьезная задача: лекция должна быть понятна аудитории, должна обеспечивать не угасающее внимание слушателей, а потому быть не только содержательной, но и эмоциональной. Этим требованиям в полной мере отвечает лекция-концерт

(сегодня это называется презентация) для детей и юношества американского композитора, дирижера, пианиста Л. Бернштейна (1918–1990) на тему «What is a Melody?», фрагменты из которой мы приводим ниже, вместе с соответствующим предисловием.

What is a Melody?

From 1958 to 1969, L. Bernstein was conductor and musical director of the New York Philharmonic, sometimes, as piano soloist, conducting from the keyboard. With this orchestra, he made several international tours in Latin America, Europe, the Soviet Union and Japan. His popularity increased through his appearance on television not only as conductor and pianist but also as a commentator and entertainer. Up to 1973 Leonard Bernstein and the New York Philharmonic thrilled audiences with wonderful concert experiences geared for children and presented in sparkling music-with-commentary format. Bernstein's sheer creative energy imbued each topic (What Does Music Mean? What Is Classical Music? What Is a Melody? What Is American Music? and more) with such unique charm that learning became entertainment. Viewed nationwide on television, the Young People's Concerts «tuned in» an entire generation of music lovers.

... Last time we were so preoccupied with the new science of acoustics that we didn't get to talk very much about music. So, today we are going to make up for lost time and talk about the meat and potatoes of music, the main course, which is melody. Now, to some people music and melody are the same thing, it's the whole meal, so to speak; when you think of music you think of melody right away, and they're right in a way because what is music, anyway, except sounds that change and move along in time, and that's a definition of melody too: a series of notes that move along in time one after another. Well, if that's true then it's almost impossible to write music that doesn't have melody in it. I mean if a melody is simply one note coming after another, how can a composer avoid writing melodies if he just writes notes? For example, he writes one note... then he writes another..., well that's already a sort of melody,

it's a two-note melody. Sort of. Then he adds another note... Well, it's already more melodious, isn't it? But if he then adds a few more... Oh, we've got Mendelssohn's 'Wedding March'! See how simple it is? Where there's music there's melody. Can't have one without the other. Well then, why do so many people complain about music that has no melody? Some people say they don't like Bach's fugues because they don't find them melodic and others say the same thing about Wagner operas, and others about modern music, and others about jazz. What do you suppose they mean when they say it's not melodic? What are they talking about? Isn't any string of notes a melody? Oh, I think the answer is in the fact that melody can be a lot of different things: it can be a tune, or it can be a theme, or a motive, or a long melodic line, or a bass line, or an inner voice, and the minute we understand the difference among all those kinds of melody, then I think we'll be able to understand the whole problem.

From Philharmonic Hall in Lincoln Center, a New York Philharmonic Young People's Concert under the musical direction of Leonard Bernstein. New York, 1973.

То, что Л. Бернстайн сопровождает лекцию музыкальными иллюстрациями, определенно оказывает на аудиторию огромное эмоциональное и эстетическое воздействие. Однако и сам текст лекции — благодаря его блестящей форме — с успехом выполняет свою сверхзадачу: привлечь молодежь на сторону классической музыки, просвещая и вместе с тем развлекая, воспитывая хороший вкус и при этом не назидая. В соответствии с таким характером содержания и находится организация текста, в которой успешно сочетаются термины, книжно-письменные элементы в словаре и синтаксисе, с одной стороны, и средства образности и эмоциональной окраски, единицы общеобиходного характера (междометия, вводные слова и сочетания, глаголы с постпозитивными элементами, широкозначные существительные), а также устно-разговорные синтаксические обороты — с другой.

Выделите специфическую для данного текста *терминологическую лексику*. Найдите в тексте *общеупотребительные*

слова/словосочетания, для которых в русском языке имеются *полноэквивалентные соответствия*.

Найдите в тексте примеры интернационализмов и псевдоинтернациональных слов («ложных эквивалентов»); выполняя перевод предложений с ними, не забудьте, что формальное сходство элементов в двух языках может быть обманчиво.

Не обращаясь к словарю, переведите глагол *gear*. Почему это возможно?

Почему «*tuned in*» взято в кавычки? Словарное значение глагола *to tune in* определяется как: 1) *to listen*; 2) *to cause to be conscious (of others or ideas) in a modern way*. Какое из них реализуется в тексте? Сохраните ли вы его в переводе или предпочтете контекстуальную замену (например, глагол «воспитать» или иной семантически равный эквивалент)?

Обратите внимание на атрибутивные сочетания *Wagner operas, piano soloist, music lovers*. Структурно они идентичны (существительное + существительное; первый компонент выступает как определение ко второму), но их внутренние смысловые связи различны. Проанализируйте эти семантические связи; дайте перевод сочетаний на русский язык.

Переведите атрибутивные словосочетания *music-with-commentary format u New York Philharmonic Young People's Concert*. Структура их та же, что и в описанных выше случаях: N + N (определение + определяемое), но само определение представлено *цепочкой элементов*, между которыми выявляются *свои собственные смысловые связи*. Расшифруйте эти связи. Какие отношения (атрибутивные или объектные) реализуются здесь в форме притяжательного падежа? С чем связана необходимость при переводе «перераспределения» содержания в иную синтактико-морфологическую форму?

Выпишите *собственные имена*; какой прием является преимущественным для их передачи на русский язык? Обратите особое внимание на сочетания *Philharmonic Hall*,

Lincoln Center, the Soviet Union, Latin America, the New York Philharmonic. В каком из этих случаев реализуется транслитерация; «обратное» калькирование; перевод нарицательных элементов; смешанный способ (транслитерация собственного элемента и перевод нарицательного элемента)?

Обратите внимание на словосочетания *the same thing, different things*. В слове *thing* определяется как:

- 1) a matter, affair, problem, point;
- 2) a circumstance; a fact;
- 3) an event, happening, action;
- 4) an entity; that which exists or can be thought of;
- 5) an inanimate object;
- 6) a living creature (esp. in pity, tolerant affection, kindly reproach);
- 7) a possession; a piece of writing, composition, etc.;
- 8) that which is wanted or is appropriate;
- 9) a slight obsession or phobia;
- 10) an unaccountable liking or dislike;
- 11) (in pl.) clothes, esp. a woman's additional outdoor garments;
- 12) (in pl.) utensils, esp. for the table;
- 13) (in pl.) personal belongings.

Очевидно, что в нашем случае контекст не поддерживает ни одно из этих значений. Дело в том, что *thing* принадлежит к разряду так называемых *широкозначных* единиц — слов с настолько расплывчатым, размытым значением, что они в ряде случаев становятся десемантизированными, а потому способными выполнять лишь чисто грамматическую функцию. Точно так же и в нашем случае существительное *thing* выполняет лишь структурную (опорную) функцию, в то время как «вещественная» семантика передается определением-прилагательным. Как вы поступите с этой единицей в переводе?

Предложение ...*L. Bernstein was conductor and musical director of the New York Philharmonic, sometimes, as piano soloist, conducting from the keyboard* поддается переводу только с помощью перераспределения содержания: ... *был режиссером музыкальных программ*

и дирижером оркестра Нью-йоркской филармонии; при этом он мог выступать как исполнитель и одновременно дирижировать, оставаясь за роялем.

Проследите, какие единицы подверглись трансформациям и перефразировке. В каких случаях (и почему) здесь имеет место опущение, добавление, замена? Предложите свой вариант перевода.

Дайте дословный перевод предложения *Leonard Bernstein and the New York Philharmonic thrilled audiences with wonderful concert experiences*. Затем сравните с возможным вариантом перевода: *Концерты Нью-Йоркского филармонического оркестра под управлением Л. Бернштейна неизменно приводили слушателей в восторг*.

Каким трансформациям и на каком основании подверглось исходное предложение? Дайте свои варианты перевода.

Нетрудно определить, что сочетание *learning became entertainment* является ключевым для понимания сверхзадачи, как ее видит Л. Бернштейн. Труднее найти равноценное средство для передачи этого содержания, столь же компактное и емкое, как в оригинале. Чем обуславливается эта трудность? Можно ли предложить иной способ, нежели перераспределение содержания, то есть придание иного лексико-грамматического выражения?

Особый интерес представляет перевод **метафор**. В нашем случае это *the meat and potatoes of music, the main course, the whole meal*. Чтобы не обесцветить перевод, их следует сохранить. Вместе с тем, чтобы не создать искусственной и громоздкой русской фразы, нужно использовать прием целостного переосмысления, то есть найти для метафоры другой «гастрономический» (в данном случае) образ.

Не только особый интерес, но и особую трудность представляет передача стилистической роли **игры слов** (wordplay). Этот прием заключается в обыгрывании омонимических отношений, основанных

на звукографическом сходстве близкорасположенных слов или словосочетаний при различии их значений. Игра слов всегда придает любому высказыванию живость и привлекательность, свидетельствует о словесной находчивости его автора, что и имеет место в нашем случае в предложениях *when you think of music you think of melody rightaway, and they're right in away*. Задача переводчика заключается в том, чтобы найти лексические варианты, способные вступать в омонимические отношения или обладающие двойными значениями. Если прямая подстановка денотативных соответствий («тотчас» — «отчасти») покажется неубедительной для создания того же эффекта, что и в оригинале, можно:

а) пожертвовать авторским приемом, то есть полностью опустить его в переводе без ущерба для *объективной* информации;

б) попытаться сохранить индивидуальность, непринужденность авторского стиля, то есть *субъективную* информацию, и перенести игру слов в другое место, например, в перевод предложения *if that's true then it's almost impossible*, воспользовавшись тем, что *true* может функционировать как прилагательное, как наречие и как вводное слово, что совпадает с возможностями русского языка: «Если это *действительно* (наречие) так, то, *действительно* (вводное слово), не может быть музыки, в которой не звучит мелодия». Вполне возможно, что этот вариант больше звучит как плеоназм (тавтология), нежели игра слов. Вместе с тем он позволяет проиллюстрировать важнейший принцип перевода: когда нельзя передать стилистическую окраску оригинала эквивалентными средствами русского языка, переводчик вправе заменить непередаваемый элемент элементом другого порядка в соответствии с общим смысловым, стилистическим и эстетическим характером подлинника и там, где это представляется удобным по условиям русского языка. Тем самым оправдывается необходимость опущений и добавлений, замены слова сочетанием, перераспределения содержания из одной части речи в другую и т. п.

Что же до переклички *right away* — *right in a way*, попробуйте предложить свои остроумные решения, исходя из сформулированного выше принципа.

Переведите весь текст полностью.

Рассмотрите еще один фрагмент лекции Л. Бернштейна и выполните задания:

а) считаясь с особенностью аудитории, Л. Бернштейн говорит доступным и импонирующим ей языком. Определите, что создает яркость, живость и доходчивость его речи;

б) определите для себя переводческие трудности, предложите приемы работы с ними;

в) дайте полный перевод текста.

...What is it about that big tuneful theme from Tchaikovsky's Sixth Symphony that makes it so attractive and beloved all over the world besides the fact that Tchaikovsky was a melodic genius? Well, the answer is repetition, either exact repetition or slightly altered repetition within the theme itself. It's that repetition that makes the melody stick in your mind. And it's the melodies that stick in your mind that are likely to please you the most. Popular songwriters know this and that's why they repeat their phrases so often. Well, the same technique works just as well in symphonic music.

For instance, let's just see how Tchaikovsky went about building up that lovely theme we just heard by simply repeating his ideas in a certain arranged order, what I like to call the one-two-three method. Here's how it works. First of all, there is a short idea or a phrase... That's number one. Now second: the same phrase is repeated but with a small variation... That's the second part, almost the same as the first; in the third, the tune takes off in a flight of inspiration... And so on. That's the one-two-three method. It's like a three-stage rocket, or like the countdown in a race: 'On your mark', 'Get set', 'Go!', or in target practice, 'Ready', 'Aim', 'Fire!', or in a movie studio 'Lights', 'Camera', 'Action!' So it's always the same: one, two and then three. And there are so many examples of this melodic technique I almost don't know where to begin. But let's take for an example our good old stand by Beethoven's Fifth. Here, one: 'On your mark'; two: 'Get set'; three: 'Go!' One-two-three. There are millions of examples of this one-two-three design and don't forget that the heart of the matter is repetition. Two is always a repeat of one, and three is the take-off.

§ 2. Работа с текстами художественной прозы

Поскольку художественная литература есть искусство, она отражает действительность в виде образа (образов). Представленная в художественном тексте информация апеллирует не к логическому, а к образному мышлению, к способности человека воспринимать и познавать мир, включая воображение, в красках и звуках. Проиллюстрируем этот тезис сопоставлением двух текстов (собственно информативного и художественного), описывающих одно и то же событие — бомбардировку немецкого города Дрездена, предпринятую англо-американскими ВВС в мае 1945 г.

В первом из них (отрывок из книги британского военного историка Д. Ирвинга «The Destruction of Dresden») детали этой военной операции излагаются сухим языком фактов и цифр:

On the night of February 13/14, about 800 Royal Air Force Lancaster heavy bombers struck in two waves dropping high explosive bombs and 650,000 incendiaries. The enormous conflagration created was visible 200 miles away. The next day, 450 American B-17 Fortresses dropped more bombs, and P-51 Mustang fighters strafed the wrecked city. Militarily, the raid was immensely successful, very few allied aircraft being shot down while the target was virtually destroyed.

Данные, приведенные в этом тексте, безусловно, внушительны, и все же картина, нарисованная художником слова (Курт Воннегут. Бойня № 5, или Крестовый поход детей), впечатляет неизмеримо больше:

...[he was there] on the night that Dresden was destroyed. There were sounds like giant footsteps above. Those were sticks of high explosive bombs. The giants walked and walked. There was a fire-storm out there. Dresden was one big flame. The one flame ate everything organic, everything that would burn. The sky was black with smoke. The sun was an angry little pinhead. Dresden was like the moon now, nothing but minerals. The stones were hot. Everybody else in the neighborhood was dead. Absolutely everybody in the city was supposed to be dead. There were to be no moon men at all.

Kurt Vonnegut. Slaughterhouse Five, or the Children's Crusade.

Все в этом образном описании неожиданно и неповторимо: и раскаты взрывов, похожие на топот великанов, и гневное солнце, казавшееся в дыму с булавочную головку, и руины Дрездена, напоминавшие безжизненную лунную поверхность, и сравнение оставшихся в живых с несуществующими обитателями Луны. Такая картина заставляет работать и мысли, и чувства, и воображение.

Если назначение художественного текста — оказать эмоциональное воздействие на читателя, то, чтобы литературное произведение зазвучало на другом языке во всей полноте его содержательного и эмоционально-эстетического плана и, более того, стало культурным достоянием другого народа, оно должно попасть в руки талантливого переводчика. «Дух книги, облик и голос каждого ее героя — все зависит от того, насколько наделен даром проникновения и перевоплощения переводчик, этот скрытый за бумажными листами, словно бы сам-то немой и недвижный актер-одиночка» [10, с. 244]. Отечественная переводческая школа гордится целым рядом имен; среди них В. Голышев, Б. Изаков, Е. Голышева, Р. Райт-Ковалева, Нора Галь, Р. Облонская, Е. Иванова, С. Шайкевич, С. Митина и другие. Именно в их переводах наш массовый читатель познакомился со многими шедеврами мировой литературы, в том числе с произведениями Хемингуэя, Моэма, Фолкнера, Сэлинджера, Харпер Ли, Бел Кауфман.

TASK F. Предлагаем и вам попробовать себя в качестве переводчика художественного текста — отрывка из книги «Anne of Green Gables» канадской писательницы Люси Мод Монтгомери (Lucy Maud Montgomery, 1874–1942).

Впервые увидевшая свет в 1908 г., переведенная на многие языки, эта книга вошла в золотой фонд детской литературы. Ее героиня, маленькая рыжеволосая сирота Anne Shirley, из приюта попадает в приемную семью — и с ее приездом все меняется в сельской тиши.

Изображая мироощущение и речь ребенка, писатель берет на себя большую ответственность; он должен быть тонким знатоком

детской натуры и психологии, знатоком свойственной детям манеры излагать свои мысли и выражать свои чувства, чтобы, читая его произведение, «детский» читатель не усомнился бы в подлинности, достоверности изображаемого, не почувствовал бы никакой фальши или натянутости в словах детских персонажей, а взрослый испытал бы эстетическую радость от встречи с миром детства. На переводчице лежит та же ответственность; помните об этом, работая над переводом отрывка.

Anne Says Her Prayers

When Marilla took Ann to bed that night, she said stiffly:

«Now, Anne, I noticed last night that you threw your clothes all about the floor when you took them off. That is a very untidy habit, and I can't allow it at all».

«I was so harrowed up in my mind last night that I didn't think about my clothes at all», said Anne. «I'll fold them nicely tonight. They always made us do that at the asylum. Half the time, though, I'd forget, I'd be in such a hurry to get into bed nice and quiet and imagine things».

«You'll have to remember a little better if you stay here. Say your prayers now and get into bed».

«I never say any prayers», announced Anne.

Marilla looked horrified astonishment.

«Why, Anne, what do you mean? Were you never taught to say your prayers? God always wants little girls to say their prayers. Don't you know who God is? »

«God is a spirit, infinite, eternal and unchangeable, in His being, wisdom, power, holiness, justice, goodness, and truth», responded Anne promptly and glibly. «We learned that at the asylum Sunday school. I liked it pretty well. There's something splendid about some words. 'Infinite, eternal and unchangeable'. Isn't that grand? It has such a roll to it — just like a big organ playing. You couldn't quite call it poetry, I suppose, but it sounds a lot like it, doesn't it? »

«We are not talking about poetry, Anne — we are talking about saying your prayers. You must kneel down».

«Why must people kneel down to pray? If I really wanted to pray, I'll tell you what I'd do. I'd go out into a great big field all alone or into deep, deep woods, and I'd look up into the sky — up — up — up — into that lovely blue sky that looks as if there was no end to its blueness. And then I'd just *feel* a prayer. Well, I'm ready. What am I to say?»

«You are old enough to pray for yourself, Anne. Just thank God for your blessings and ask Him humbly for the things you want».

«Well, I'll do my best», promised Anne, burying her face in Manila's lap. «Gracious heavenly Father — that's the way the ministers say it in church, so I suppose it's all right in a private prayer, isn't it?»

«Gracious heavenly Father, I thank Thee for the White Way of Delight and the Lake of Shining Waters and the Snow Queen. I'm really extremely grateful for them. And that's all the blessings I can think of just now to thank Thee for. As for the things I want, they're so numerous that it would take a great deal of time to name them all, so I would only mention the two most important. Please let me stay at Green Gables; and please let me be good-looking when I grow up. I remain, Yours respectfully, Anne Shirley».

«There, did I do all right? » she asked eagerly, getting up. «I could have made it more flowery if I'd had a little more time to think it over».

Poor Marilla was only preserved from complete collapse by remembering that it was not irreverence, but simply spiritual ignorance on the part of Anne that was responsible for this extraordinary petition.

«I've just thought of it now. I should have said 'Amen' in place of 'yours respectfully', shouldn't I? — the way the ministers do. I'd forgotten it, but I felt a prayer should be finished off in some way, so I put in the other. Do you suppose it will make any difference?»

«I — I don't suppose it will», said Marilla. «Go to sleep now like a good child. Good night».

«I can say good night now with a clear conscience», said Anne, cuddling luxuriously down among her pillows...

L. M. Montgomery. Anne of Green Gables.

Начнем с работы над единицами перевода в семантико-структурном аспекте.

Обратимся к названию книги. В известном переводе М. Ю. Батищевой это «Аня из Зеленых Мезонинов»; в многочисленных реферативных ссылках встречаются «Энн из поместья Зеленые крыши» (однако *Green Gables* — всего лишь скромная ферма), «Энн из Зеленых Крыш», «Анна с зеленого холма», «Анна из Дома зеленых фронтонов», «Анна зеленых шпилей», «Энн из Грин Гейбла», «Энн в Грингейбле», «Энн из Грин Гейблз». Какой из этих вариантов вы считаете более удачным (неудачным) и почему?

Имя девочки, *Anne Shirley*, в переводах предлагается как Энн/Анна Шерли/Ширли. Если учесть, что особое условие для практической транскрипции — соблюдение благозвучия, то какому из этих вариантов вы отдадите предпочтение?

Марк Твен когда-то сказал о героине этой книги, что это «самый трогательный и очаровательный ребенок художественной литературы со времен бессмертной Алисы» («the dearest and most lovable child in fiction since the immortal Alice»). Сопоставьте перевод этого высказывания с оригиналом. О какой Алисе идет речь? Расшифруйте «прецедентное имя».

Переводя предложение *Half the time I'd forget, I'd be in such a hurry...*, не забудьте, что форма *would + Infinitive* передает значение «повторяющееся действие в прошлом».

Проверьте по словарю все значения слов *blessing, minister, petition, God, gracious, Father*. Какие из них актуализируются в данном контексте?

Обратите внимание на перевод фразеологических сочетаний *to take someone to bed, to be harrowed up in one's mind, to do all right, to make a difference, to have a roll, to say prayers, to go to sleep*. Какие из них являются необычными/образными? Сочетание *to say (one's) prayers* встречается в тексте неоднократно; учтите, что адекватная его передача в заголовке (*Anne Says Her Prayers*) возможна только с учетом всего контекста рассказанной здесь истории.

Интересно рассмотреть предложение *Marilla looked horrified astonishment*, в котором помимо метафоры (*Marilla looked astonishment*; глагол *look* здесь связочный) имеется так называемый «перенесенный эпитет» *horrified (astonishment)*. Особенность перенесенных эпитетов заключается в том, что логически они относятся не к тому слову, с которым связаны грамматически (*He put down a thoughtful pen*. — Он *отложил* перо *в задумчивости*). В поверхностной структуре предложения с перенесенным эпитетом компрессированы две глубинные структуры; в нашем случае это *Marilla looked horrified; Marilla looked astonished (astonishment)*. Если в переводе не удастся сохранить перенос эпитета, можно пойти по другому пути, например, передать *связочный* глагол *look* полнозначным *застыть/замереть* или другим контекстуальным синонимом, которые и продиктуют дальнейшее развертывание варианта.

Предложение «*It was not irreverence, but simply spiritual ignorance on the part of Anne that was responsible for this extraordinary petition*» представляет собой широкоупотребительную в английском языке эмфатическую конструкцию. Определите, какой элемент подвергается здесь эмфатическому подчеркиванию. Приступая к переводу, учтите два момента:

а) в русском языке аналогичная конструкция отсутствует, поэтому придется заменить сложноподчиненное предложение простым распространенным и для передачи эмфазы использовать какое-либо лексическое средство (например, частицы «вовсе», «отнюдь» и пр.);

б) поскольку в русском языке коммуникативно-значимые компоненты, несущие новую информацию (рема), тяготеют к концу фразы, такая функциональная замена повлечет за собой отказ от актуального (тема-рематического) членения исходного предложения. Проследите за правильным размещением компонентов в переводе;

в) эмоциональность и выразительность художественного текста поддерживаются насыщенной синонимикой; в нашем случае вы найдете: **к о н т е к с т у а л ь н ы е**

синонимы: *prayer, petition*; парные синонимы: *promptly and glibly; nice and quiet* (во втором случае это пара *контекстуальных* синонимов); цепочку контекстуальных синонимов со значением нарастания интенсивности (*infinite, eternal and unchangeable; holiness, justice, goodness, and truth*).

Определите, как вы поступите с ними в переводе.

Художественно-эстетическая яркость отрывка (как и всей книги в целом) обусловлена очарованием главной героини. Все, о чем с прелестной наивностью и непосредственностью щебечет Энн, свидетельствует о ее открытости, радостном восприятии мира, способности видеть необыкновенное в обычных вещах. Именно поэтическое воображение девочки вызвало к жизни слова *the White Way of Delight, the Lake of Shining Waters, the Snow Queen* (дарованные Господом благоденствия, которые она перечисляет в своей молитве). Передача этих сочетаний на русский язык не вызовет трудностей и тем не менее стоит уделить им особое внимание. Дело в том, что в этих сочетаниях содержится «закадровый», замаскированный смысл (*the Snow Queen* здесь — это вишневое дерево в цвету). Предполагаемому адресату перевода он может быть неизвестен (поскольку мы имеем дело лишь с отрывком из повести), однако без его экспликации восприятие художественной информации не будет полноценным. Чтобы примысливаемый получатель перевода смог по достоинству оценить чуткую, поэтичную душу героини, следует прояснить подтекст с помощью известного вспомогательного приема. Воспользуйтесь информацией, которую мы приводим ниже, и создайте соответствующее переводческое примечание.

Вот девочка знакомится с новыми для нее окрестностями:

а) *...(people) shouldn't call that lovely place the Avenue. There is no meaning in a name like that. They should call it — let me see — the White Way of Delight. Isn't that a nice imaginative name?*

б) *Barry's pond? — Oh, I don't like that name, either. I shall call it the Lake of Shining Waters. Yes, that is the right name for it. I know because of the thrill. When I hit on a name that suits exactly it gives me a thrill.*

c) *I named that cherry tree outside my bedroom window this morning. I called it Snow Queen because it was so white. Of course, it won't be always in blossom, but one can imagine that it is, can't one?*

Оформляя окончательный вариант перевода всего отрывка, убедитесь, что:

а) все использованные вами приемы (будь то поиск соответствий, опущения, замены, целостное переосмысление — перераспределение содержания в иную лексико-грамматическую форму и пр.) помогают передать образ, заданный в оригинале автором;

б) воссозданный на русском языке текст не звучит с «иностранным акцентом», то есть переведен с учетом норм и требований родного языка.

Прочтите еще один отрывок из повести «Anne of Green Gables»; найдите места, интересные/сложные для перевода. Переведите весь текст на русский язык.

«Well, how do you like them», said Marilla.

Anne was looking at three new dresses spread out on the bed. Marilla had made them up herself, and they were all made alike — plain skirts full'd tightly to plain waists, with sleeves as plain as waist and skirt and tight as sleeves could be.

«I'll imagine I like them», said Anne soberly.

«I don't want you to imagine it», said Marilla, offended. «Oh, I can see you don't like the dresses! What is the matter with them? Aren't they neat and clean and new? »

«Yes».

«Then why don't you like them?»

«They're — they're not — pretty», said Anne reluctantly.

«Pretty!» Marilla sniffed. «I didn't trouble my head about getting pretty dresses for you. I don't believe in pampering vanity, Anne, I'll tell you that right off. Those dresses are good, sensible, serviceable dresses, without any frills or furbelows about them, and they are all you'll get this summer. I should think you'd be grateful to get most anything after those skimpy wincey things you've been wearing».

«Oh, I *am* grateful», protested Anne. «But I'd be so much gratefuller if — if you'd made just one of them with puffed sleeves. Puffed sleeves are so fashionable now. It would give me such a thrill, Marilla, just to wear a dress with puffed sleeves».

«Trust you for that! Well, you'll have to do without your thrill. Hang those dresses carefully up in your closet, and then sit down and learn the Sunday school lesson. You'll go to Sunday school tomorrow», said Marilla, disappearing down in high dudgeon.

Anne clasped her hands and looked at the dresses.

«I did hope there would be a white one with puffed sleeves», she whispered disconsolately. «I prayed for one, but I didn't much expect it on that account. I didn't suppose God would have time to bother about a little orphan girl's dress. I knew I'd just have to depend on Marilla for it. Well, fortunately I can imagine that one of them is of snow-white muslin with lovely lace frills and three-puffed sleeves».

The next morning warnings of a sick headache prevented Marilla from going to Sunday-school with Anne.

TASK G. К разнообразным жанрам художественной прозы относится и *авторская сказка*. Некоторые образцы предлагаются ниже вместе с инструкциями.

Прочтите сказку «The Dream Keeper» — притчу о смысле бытия и вечной загадке жизни. Как вы понимаете ее финал? В чем, на ваш взгляд, девочка обрела свое счастье?

The Dream Keeper

Once, long ago, there was a girl who could talk to the birds. When she was little, she was happy. She walked in the forest and played by the stream and never thought about her purpose in life. But as she grew older, she asked: Why am I here? Where am I going? Who am I?

But no one could answer these questions, so one day she walked into the forest. Maybe the birds will know, she thought. They are my friends and I will talk to them. Surely they know their purpose. Maybe they know mine, too.

She walked until she saw a beautiful eagle.

«Eagle», she asked, «What is your purpose?»

«To fly above the earth», the eagle replied. «From there I can see all things».

Next she saw a hawk.

«Hawk», she asked. «What is your purpose?»

«To be a messenger», the hawk replied. «I bring news of things to come».

Then a tiny hummingbird flew by.

«Hummingbird», she asked. «What is your purpose?»

«To love the flowers», the hummingbird replied. «My wings are their music».

Then she saw a graceful swan.

«Swan», she asked. «What is your purpose?»

«To live in beauty», the swan replied.

The girl was sad. «I know the purpose of all the birds», she said, «but what is my purpose?» Then a dragonfly with wings like paper flew by. The dragonfly saw the girl and saw she was sad and wanted to help her.

«And you, dragonfly», the girl finally asked. «What is your purpose?»

«To help people find their dreams», the dragonfly replied.

«Help me, then», the girl said, «I wish to know my dream».

«You must visit the Dream Keeper», the dragonfly said. «She will tell you. She lives nearby».

«Where is her house? » the girl asked.

«The wind will tell you», the dragonfly replied and flew away.

The girl listened for the wind, but the air was still. Then a soft breeze flew in the trees and she followed the breeze into the forest. Finally, the breeze stopped and the forest was still.

«Dream Keeper», the girl asked softly, and a voice as beautiful as spring whispered, «Ask your question».

«I know the purpose of all birds», the girl said, «But what is my purpose?»

«To find your dream and follow it», the Dream Keeper replied.

«Then, tell me my dream», the girl said. «You are the Dream Keeper».

«Come closer and I will whisper your dream into your ear. But you must be still. Listen. Listen. Hush».

The girl felt the breeze blow gently, oh, so gently into her waiting, waiting ear, and with a smile she recognized now and forever the voice of the Dream Keeper. Then from within her own heart she heard the music of the hummingbird, and she saw the beauty of the swan in the water, and she heard the sharp call of the hawk, and she flew high above the earth with the eagle, and she knew her dream and she followed it and she was happy.

John Mundahl. Tales of Courage, Tales of Dreams.
A Multicultural Reader. USA, 1993.

При очевидной простоте языка и сюжета в тексте содержатся некоторые переводческие трудности. Прежде чем «перевыразить» текст целиком, проанализируйте эти интересные для переводчика моменты и предложите свои решения. Следуйте инструкции:

Не торопитесь переводить заголовок: его кажущаяся смысловая и структурная простота обманчивы. Вы вернетесь к нему после прочтения и, более того, вдумчивого осмысления и «прочувствования» этой, на первый взгляд, незатейливой, но в действительности глубокой философской сказки. Объясним этот момент более детально.

Смысловая структура заголовка на поверхности достаточно прозрачна: как *the bee-keeper is someone who keeps bees*, так и *the dreamkeeper is someone who keeps dreams*. Но если в первом случае мы легко находим русское соответствие: «пчеловод», то во втором все обстоит гораздо сложнее, ибо здесь мы имеем дело не с логическим, а художественным планом, и пока не будут выяснены все контекстуальные и сюжетные зависимости, вопрос о поиске соответствия остается открытым.

Словообразовательная модель (деривационная суффиксальная) в английском и русском языках для этого случая совпадает: глагол + суффикс со значением деятеля. Но если в английском языке в суффиксе *-er* родовые различия представлены недифференцированно, для русского языка существенно, имеется ли в виду «хранитель» (если, конечно, нас устраивает именно это значение глагола *keep*) или «хранительница». Узнать это можно лишь позже из самого текста.

Синтаксически, the dreamkeeper — это свободное атрибутивное сочетание, где и определяемое и определение (слева) стандартно (для английского языка) представлены существительными в прямом падеже. Такая конструкция принципиально невозможна в русском языке (из-за развитой падежной системы), что ставит перед переводчиком задачу перевыразить сочетание *с обязательным учетом всего контекста*.

Перевод сказочного зачина не представит трудности: вам, безусловно, хорошо знакомо русское эквивалентное клише. Обязательно ли сохранить в переводе наречия *once, long ago*, и если нет, то почему?

Переводя обращения, позаботьтесь, чтобы сказка звучала «по-русски». Для этого вспомните, как чаще всего обращаются друг к другу знакомые нам сказочные герои. Вот катится по дорожке Колобок, а навстречу ему Лиса; увидела его и говорит: «...я тебя съем!»

Возможен иной вариант перевода прямого обращения — «*Eagle*», *she asked, «What is your purpose?»* — путем введения (добавления) соответствующего глагола речи в побудительной форме. Используйте и этот прием.

Какое из этих переводческих решений вы предпочтете (исходя из того, как вы определяете для себя *тональность повествования*)?

В предложении «*Dream Keeper*», *the girl asked softly...* обращение следует перевести путем контекстуальной замены. Можно ли ввести к нему эпитет? Если да/нет, то почему.

На какую из словарных дефиниций существительного *purpose* вы будете опираться при переводе? *Purpose* — 1. *an intended or desired result*; 2. *the reason for which something exists or happens*; 3. *determination or resoluteness*.

Какое из этих значений поддерживается контекстом: *Why am I here? Where am I going? Who am I?*

Обратите внимание на перевод глагольных сочетаний *to be happy* в начале истории и в конце. Как вы переведете

глагольное сочетание *to be sad* в предложении *The girl was sad*. «*I know the purpose of all the birds...*»?

Обратите внимание на «глагольную идиому» (phrasal verb): *listen for*, словарное значение которой — *to try or wait to hear*. Верен ли будет перевод предложения *The girl listened for the wind*: «Девочка прислушалась к ветру»? И если нет, то почему.

Найдите случаи лексических повторов. Учтите, что повтор не несет предметной информации, функция его эмфатическая. Повтор создает особую образность повествования. Как поступить с повтором *waiting, waiting ear*, какими средствами передать в переводе эту образность с учетом норм русского языка?

Найдите образные сравнения; какое из них вы переведете путем целостного переосмысления?

Перечитайте сказку, чтобы определить *значимость для содержания* глагола *to know*. Установите смысловую контекстуальную связь между этим лейтмотивным глаголом и названием сказки.

Переведите заголовок *The Dream Keeper*, воспользовавшись каким-либо способом контекстуальной замены.

TASK H. Прочтите внимательно сказку (притчу) «*A Velveteen Rabbit*». В чем вы видите ее глубинный смысл? Какое чувство (чувства) вы испытали при чтении этого прелестного и печального произведения? Выполните задания:

1. Выделите так называемые *translation challenges* — моменты, интересные или трудные (на ваш взгляд) с точки зрения перевода. Предложите переводческие стратегии для разрешения этих трудностей.

2. Дайте перевод всей сказки на русский язык, помня о глобальной переводческой задаче — художественное произведение в переводе должно оказать то же эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя, что и оригинал.

A Velveteen Rabbit

(After Margery Williams)

There was once a Velveteen Rabbit, and at the beginning, he was really so splendid that the Boy loved him and never parted with him. But sometimes he was put with the other toys in the nursery and could listen to their stories about Real Things. «What is Real?» he asked the Wooden Horse who had lived a very long life. «Real isn't how you are made. It's a thing that happens to you. When a child really loves you for a long time, then you become Real. It doesn't happen all at once. It takes a long time. But once you are real, you'll never become unreal again», explained the Wooden Horse. The Velveteen Rabbit thought it would be wonderful if this nursery Magic ever happened to him.

So time went on and the little Rabbit was very happy though he was getting shabbier and shabbier. And once when the Boy was called away to go out for some tea, the Rabbit was left alone on the lawn. Later that evening the Nurse looked for him but couldn't find him. The Boy cried that he wouldn't fall asleep until he had his Rabbit. «Fancy all this fuss for a toy!» said his mother. «He isn't a toy! He's real!» The little Rabbit heard him say that magic word and he knew that what the Wooden Horse had said to him had become true at last.

This magic had happened to him. He was Real. The Boy himself had said that. And into his button eyes there came a wise knowing expression.

But then, one day, the Boy fell ill with scarlet fever. The little Rabbit lay still at his side under the bedclothes, as he didn't want anyone to notice him. He was afraid they would throw him away.

Time passed and the Boy got better and was allowed to get up. It only remained to carry out the doctor's orders. All the books and toys the Boy had played with had to be burnt. So, the little Rabbit was put into a sack with old books and a lot of rubbish. And while the Boy was sleeping in another room with a new Velveteen Rabbit, the old one felt so miserable and so lonely that suddenly a tear, a real tear trickled down his little velveteen nose and fell to the ground.

§ 3. Перевод эссе

Термин «эссе» (от французского глагола *essayer* — пытаться) предложил французский писатель Мишель де Монтень. Именно так (*essays* — попытки) в 1588 г. он назвал собрание очерков (более 60), в которых выразил свой взгляд на человека во всей его сложной сущности, на политику, религию, государственность и закон, этику, мораль, искусство, литературу — то есть в целом на жизнь.

Эссе — особый вид литературного произведения. В отличие, например, от рассказа, повести и т. п., художественная суть которых состоит в *образном отражении* действительности и в которых *автор* чаще всего *скрыт* за образом героя/героев, а его взгляды не обязательно совпадают с их взглядами, в эссе авторы выражают свои личные мнения в непосредственной, не прикрытой художественным вымыслом форме. («*It is myself I portray*» — так выразился об этом сам Монтень).

Не ограниченные в объеме и вместе с тем компактные, эссе могут быть написаны по любому поводу и на любую тему; их пишут, чтобы поведать читателю о своем опыте, высказать взгляд на какое-либо событие, поделиться жизненными наблюдениями, впечатлить, преподнести урок, убедить, рассмешить, вызвать на спор, пробудить чувства или просто развлечь. Чтобы содержание эссе и его посыл (то, что сегодня называется *message*) были полностью восприняты теми, к кому они обращены, авторы придают им отточенную форму. Общими формальными признаками эссе являются четкий синтаксический рисунок, тщательно продуманное словоупотребление, наличие выразительных и изобразительных средств.

Предлагаем для перевода два эссе-этюда британских авторов «The Japanese Sense of Beauty» Джорджа Микеша и «Watching Children» Джойс Гренфелл.

Джордж Микеш (George Mikes, 1912–1987) родился в Венгрии. В Лондон попал в качестве корреспондента венгерской газеты, остался там и стал одним из самых прославленных английских юмористов, причем умеющим шутить очень по-английски. Микеш добился огромного литературного успеха. Цитаты и отрывки из его

книг можно встретить повсюду — на страницах газет и журналов, в рекламных роликах и плакатах, в путеводителях, пособиях и самоучителях по английскому языку, в Интернете. Наиболее известны и популярны его книги *How to be an Alien*, *How to be Inimitable* (о Британии), *The Land of the Rising Yen* (о Японии), *Milk and Honey* (Израиль), *How to Scrape Skies* (США), *How to Tango* (о Южной Америке), *How to Unite Nations* (скетчи о деятельности и деятелях ООН). Со свойственной ему тонкой наблюдательностью путешественника, журналиста и исследователя и через призму юмора Микеш заставляет нас взглянуть на мир его глазами и увидеть необычное и привлекательное в обыденном и привычном.

TASK I. Прочтите эссе «*The Japanese Sense of Beauty*» и выполните предложенные задания, затем дайте его полный перевод.

The Japanese Sense of Beauty

The Japanese have a strong aesthetic sense: they beautify, embellish, adorn and decorate everything they touch. A sandwich in Japan is not just a sandwich; it is a work of art. It is cut into an artistic shape — it can be circular, octagonal, or star-shaped — and given a color scheme with carefully placed bits of tomato, coleslaw and pickles. There is, as a rule, a flag or some other decoration hoisted on top. Every dish is aimed at the eye as well as the palate. Every tiny parcel, from the humblest little shop, radiates some original charm or at least tries to, and reflects pride: look how well done it is! Every taxi-driver has a small vase in front of him, with a beautiful, fresh, dark-red or snow-white flower in it. Once I watched a man at the counter in a fish-restaurant. Sushi and sashimi — the famous raw fish of Japan — comes in many forms and cuts, and it takes about ten years for a man to reach the counters of a first-class establishment. The man I watched was not bored with his somewhat monotonous job: he enjoyed every minute of it to the full, took immense pride in it. Michelangelo could not have set a freshly carved Madonna before you with more pride and satisfaction than this cook felt when he put a freshly carved piece of raw fish on your plate.

The Japanese are unable to touch anything without beautifying it, shaping it into something pretty and pleasing to the eye. One evening I was walking in one of the slummy suburbs of Tokyo and saw a heap of rubbish outside the backyard of a factory. It was an immense mountainside of rubbish, but it was not just thrown out as it came: all the boxes were piled into graceful if somewhat whimsical pyramid, while the loose rubbish was placed on top as artistic and picturesque decoration. Someone must have spent considerable time in converting that heap of rubbish into a thing of beauty.

The Land of the Rising Yen. Boston. Gambit Books, 1970.

Начнем с названий. Какой прием использовал Микеш, выбирая названия для перечисленных выше книг? Какое из них требует особого подхода при переводе и почему? Какой перевод заголовка эссе *The Japanese Sense of Beauty* вам кажется более удачным: «Японцы и их чувство прекрасного», «Как японцы понимают красоту», «Красота по-японски»? Предложите свой вариант.

Цепочка синонимов *beautify, embellish, adorn and decorate* (проверьте их значение по словарю) носит отчетливо эмфатический характер. Можно ли в переводе сохранить нарастание интенсивности значения за счет синонимического ряда русских прилагательных или следует пойти по иному пути? Предложите возможные варианты.

Особого внимания требует предложение *The Japanese are unable to touch anything without beautifying it*, которое содержит *lumomy* — утвердительное высказывание в отрицательной форме (к тому же здесь мы имеем два отрицания; отметьте их). Поскольку буквальный перевод «Японцы не могут прикасаться... без того, чтобы ...» неприемлем, следует перевыразить идею «от обратного»; например, «Японцы обладают способностью украшать ...». Оставаясь в рамках того же приема антонимического перевода, дайте свои варианты.

Проследите путь *sushi* и *sashimi* из японского языка в английский и — через данный текст — в русский. Иными словами, каким утвердившимся в практике способом переданы японские слова на английский и русский язык?

Поскольку дословный перевод в случаях с *a fish-restaurant* и *the famous raw fish of Japan* вряд ли приемлем, найдите слово или словосочетание, значение которого будет логическим развитием значения переводимой единицы (то есть воспользуйтесь приемом смыслового развертывания).

При передаче на русский язык предложения *Every dish is aimed at the eye as well as the palate* пойдите по пути целостного переосмысления. Для этого: а) уясните метафорическое значение всего целого; б) найдите контекстуальную замену для существительных *eye* и *palate* или дайте их смысловое развитие; в) сделайте структурное преобразование.

Обратите внимание на сочетания *a heap of rubbish*, *an immense mountainside of rubbish*, которые имеют идентичную синтаксическую структуру, но требуют отдельного подхода при переводе. Первое из них является стилистически нейтральным (существительное *heap* имеет прямое денотативное значение), а второе — стилистически отмеченным (*mountainside* используется в переносном, метафорическом значении). Вспомните, что метафора — это свернутое сравнение, и дайте соответствующий перевод сочетания на русский язык.

В предложении *Michelangelo could not have set a freshly carved Madonna before you with more pride and satisfaction than this cook felt when he put a freshly carved piece of raw fish on your plate* обыгрывается значение глагола *carve* — *to cut so as to form something* — придать форму с помощью режущих инструментов, которое в одном случае (*a freshly carved Madonna*) варьируется в зависимости от контекста как *to form by cutting away material from a piece of wood or stone*, а во втором (*a freshly carved piece of raw fish*) — как *to cut into slices or pieces*. Можно ли сохранить стилистический эффект игры слов в переводе, и если да, то каким образом?

Чем, с точки зрения типов лексических соответствий, интересны глагол *come* (*comes in many forms and cuts*)

и прилагательное *loose (loose rubbish)*? Примите это к сведению при переводе.

Учтите, что инфинитивная частица *to* способна выступать в заместительной функции (*or at least tries to*), а союз *if* имеет не только темпоральное, условное и изъяснительное значение, но и уступительное (*graceful if somewhat whimsical*), и дайте соответствующий перевод соответствующих предложений.

TASK J. Познакомьтесь с эссе «*Watching Children*»; его автор — Джойс Гренфелл (Joyce Grenfell, 1910–1979) — английская киноактриса, сценарист, композитор и исполнитель песен, мастер разговорного жанра, создатель так называемой *How series* на Би-би-си: «*How to Talk to Children*», «*How to Listen*» и т. д.

Абсолютно прозрачный по содержанию и искренний по тональности, этот маленький шедевр содержит некоторые интересные и, может быть, даже сложные для «перевыражения» единицы. Подумайте над ними, затем дайте полный перевод текста на русский язык.

Watching Children

(By Joyce Grenfell)

Watching children, particularly when they don't know you are doing so, is a particular pleasure. Those quick changes of mood, for instance. Small boys who dribble an imaginary football down the street and then get more interested in trying to balance on the edge of the curb. And then stand quite still to think for a few seconds before jumping up and down with their feet together for no special reason, except that they feel like jumping up and down. Maybe the fact that I no longer feel in the least like jumping up and down adds to the interest.

I once watched a child about two-and-a-half trying to stamp on little waves breaking across a wide Cornish beach. She stretched her hands out in pleasure with every little stamp and her bathing pants fell lower and lower, till she jumped them off altogether but didn't notice it, so

intent was she on the important job of stamping on those waves. She sang to herself a sort of monotone running commentary on what she was doing and the sound of it, mingled with soft sea noises, made a most pleasing music.

Some time ago, my housekeeper had to go away for a while, and her place was taken by an Australian friend with a five-year-old daughter. Liesel couldn't be left at home, so she came to work too. She was very fair, nicely rounded, with fierce blue eyes and more curiosity than any human being I have ever met. In her it was an energy that if harnessed could have run an entire electrical plant. There was nothing idle about it, she wanted to know, and nothing short of picking her up bodily and removing her from the room could stop her knowing.

L.G. Alexander. Longman Advanced Grammar.
Reference and Practice Longman Group UK Limited, 1993.

§ 4. Свободный (разговорный) стиль

Основу обиходного стиля составляет разговорная речь. Это спонтанная, устная, заранее неподготовленная речь. Для нее характерны конкретность, наглядность, простота средств выражения, выражающая специфику бытовых сторон жизни человека, эмоциональность, непринужденность.

TASK K. В данном разделе мы предлагаем для перевода образцы, принадлежащие к свободному стилю бытового общения. Они заимствованы из интернет-переписки (с разрешения адресата послания) и из материалов интернет-чата в их аутентичном (оригинальном) формате и орфографии.

Hey, Denis!

Hey, Denis!

What's up? Well, lemme tell you 'bout m'self. I'm almost 18 (in January 27), and I live in Buena Park, California in USA. I'm Chinese, and was born here.

I also like tennis (as you probably guessed), and music. I don't know how to play anything though, but just to listen to Beethoven. I quit the piano on my very first day when I was 7 years old. *smile*

Let's see ... Hmm... I only have an older brother, who's also 17. I live with my parents (neatly undivorced) and with my husky, which is almost one. Oh yeah. Can't forget my bird! I love birds, although I don't really have enough time to be with my pets. Anyways, what'd you do on Thanksgiving? I volunteered and gave food to the homeless. Well, I told you 'bout my day, Thanksgiving weekend. The day with no school from Thursday to Sunday and plenty of homework. Yesterday I had to go to the library to work on a group project. I'm getting out of order, eh? Well, it's late (almost 24AM) and I have 0 period that starts at 7AM so I have to go to sleep early. Well, bye for now!

Peggs

P.S. What do you look like...?

Характерными признаками разговорно-бытового стиля являются сниженная (фамильярно-разговорная) лексика, простой синтаксис, эллиптические конструкции, недосказ (неоконченные фразы), щедрое употребление междометий, вводных слов и сочетаний, что в совокупности придает всему речевому произведению эмоциональность и раскованность. Когда мы имеем дело с текстом в письменной фиксации, эти приметы предстают с тем большей очевидностью. Найдите их; при переводе, однако, учтите, что главное — передача не отдельного элемента, а той смысловой и стилистической функции, которую этот элемент выполняет в системе сложного целого (чем и оправдываются переводческие манипуляции, в частности опущения и добавления). В свете сказанного определите:

а) стоит ли при переводе предложения *Can't forget my bird* восстановить подлежащее;

б) обязательно ли сохранить модальный глагол или можно передать модальность иным, не глагольным, а *прагматическим* способом (например, *как это я..., совсем..., ах...*). Подумайте о разных вариантах.

Примите к сведению, что прагматическая модальность — это не что иное, как интенция говорящего придать определенный смысл высказыванию, намеренное выделение того или иного элемента с помощью разнообразных средств: интонацией, логическим ударением (в устной речи), инверсией, тема-рематическим (актуальным) членением, вводными словами, междометиями и т. д.

Наречие *anyways (anyway)*, позиционированное в начале предложения, часто выполняет функцию своеобразного «переключателя» с одной темы на другую. Подберите для него в переводе подходящий «разговорный» вариант.

Междометие *eh* в словарях имеет следующую дефиницию: «*(is) used to express surprise or doubt or to invite agreement*». Какое из них, на ваш взгляд, актуализируется в нашем контексте (*getting out of order, eh?*)?

Междометие *oh* ‘denotes surprise, fear, pain, sorrow, etc.’. Опираясь на предложение «*Oh yeah. Can't forget my bird*», расшифруйте, что может скрываться за обозначенным в дефиниции «etc». Какие аналогичные средства вы предложите в переводе?

Обратите внимание на то, как «не по-нашему» здесь обозначено время: 24 АМ, 7 АМ. Опишите различие в словесном выражении одного и того же денотативного содержания в английском и русском языке.

«Официальное» значение глагола *volunteer* — *to offer oneself for some service on one's own free will*. Для предложения *I volunteered and gave food...* обсудите варианты «Я предложила свои услуги...», «Я записалась...», «Я присоединилась...», «Я пошла...»; дайте свои и опишите выбранные переводческие приемы.

Перевод предложения *I had to go to the library to work on a group project* допускает несколько подходов:

а) можно сохранить исходную структуру предложения, но, конкретизируя значение глагола *to work*, заменить его словосочетанием (использовать прием смыслового развития);

б) можно трансформировать предложение в сложноподчиненное; учесть, что его произносит (пишет) подросток и *усилить* «разговорность» за счет приема целостного переосмысления, вспомнив наш собственный «школьный язык» (например, *нам задали..., нам надо...*);

в) можно предложить собственный вариант.

Кстати напомним, что усиление эффекта (так же, как и ослабление) — абсолютно легитимный переводческий прием. Сопоставляя в оригинале и переводе образцы «детской» литературы (литературы о детях), можно найти достаточное количество примеров, когда в оригинале в плане выражения нет ничего чисто «детского», а переводчики придают речи персонажей определенную детскость. Вот простой пример: в повести Харпер Ли «Убить пересмешника» (Harper Lee. *To Kill a Mockingbird*. Kiev: Dnipro Publishers, 1977) маленькая Джин Луиза (Глазастик), начиная с игрой с братом, говорит: «*I'm the first*». Переводчики Н. Галь и Р. Облонская вполне корректно, в соответствии с нормами детской русскоязычной речи, предлагают: «*Чур, я первая*». Еще один показательный случай встречаем в переводе рассказа Дж. Сэлинджера «Дорогой Эсме — с любовью и всякой мерзостью» (J. D. Salinger. *For Esme, with Love and Squalor*. Nine Stories: Moscow Progress Publishers, 1982). Герой рассказа сержант Х. получает от Эсме письмо; в конце послания только что научившийся писать братик девушки, Чарльз, приписывает несколько слов:

*HELLO HELLO HELLO HELLO HELLO
HELLO HELLO HELLO HELLO HELLO
LOVE AND KISSES CHALES*

Множественным написанием слова *HELLO* мальчик по-детски выражает свою горячую любовь к новому другу и, еще не умея правильно писать, делает ошибку в своем имени (*Chales* вместо *Charles*). Все вместе это производит на читателя трогательный эффект. Чтобы передать ощущение детской руки, переводчик (С. Митина) заменяет *HELLO* (написанное абсолютно правильно) искаженным по-детски

«драстуй» и для усиления общего эффекта «допускает ошибку» в слове «целую». Таким образом, в переводе мы читаем:

ДРАСТУЙ ДРАСТУЙ ДРАСТУЙ ДРАСТУЙ ДРАСТУЙ
ДРАСТУЙ ДРАСТУЙ ДРАСТУЙ ДРАСТУЙ ДРАСТУЙ
ПРИВЕТ ЦИЛЮЮ ЧАЛЗ

Нельзя не согласиться, что это сделано изобретательно и органично.

Обратите внимание на предложение «*I quit the piano on my very first day when I was 7 years old*» и следующий за ним комментарий девочки — «*smile*». Прежде чем дать перевод, найдите для этого слова контекстуальный синоним (произведите контекстуальную замену.)

Буквальное значение сочетания *to get out of order* — «выбиваться из порядка». Используйте прием целостного переосмысления при его переводе.

Интересно проанализировать предложение *I live with my parents (neatly undivorced)*. Сообщая, что живет с родителями (в полной семье), и заключая свой комментарий в скобки, девочка тем самым намекает на некое тревожное социальное явление в американском обществе (какое?); парантеза, таким образом, несет и культурологическую нагрузку. По всей вероятности, имплицитная ирония сразу будет угадана англоязычным читателем; русскому же читателю, в особенности не владеющему всеми лексико-стилистическими ресурсами английского языка, эта ирония может не открыться. Переводчику предстоит из возможных вариантов отобрать тот, в котором будет не только эксплицирован намек, но и сохранен иронический флер, создаваемый сочетанием наречия *neatly* (в разговорном регистре *neat* означает *great, wonderful* и в словаре дается с пометой Slang) с прилагательным *undivorced*. Отметьте вариант, который вам кажется более приемлемым: «Хорошо, что они не в разводе»; «Они не в разводе, и это здорово»; «Странно, но они не в разводе». Отличаются ли они по коннотации и тональности высказывания? Предложите свои собственные варианты.

В завершение обратимся к сочетаниям «*lemme*» (*letme*) и «*'bout m'self*» (*about myself*).

Своей «нетрадиционной» орфографией, имитирующей фамильярно-небрежную речь, они не только выполняют контактоустанавливающую функцию, но еще и иллюстрируют прием передачи на письме фонетических процессов устной речи. В данном случае имеет место типичное для устного разговорного стиля отклонение от полной произносительной нормы, которое регистрируется на письме с помощью «графонов». Графоном как раз называется искажение графического облика слова/словосочетания для адекватного отражения его истинного звучания.

В основе подавляющего большинства графонов лежит *ассимиляция* (как в хорошо известных *gonna say* = going to say, *wanna see* = want to see, *dunno* = don't know, *gimme* = give me) или *редукция* (*kinda* = kind of).

Естественно, что на русский язык они переданы быть не могут, а потому опускаются, но, чтобы не обеднить, не обесцветить перевод, компенсируются иными выразительными средствами. Например:

- 1) *Caughtcha!* (Caught you) — *Aza*, попался!
- 2) *Whatcha looking at?* (What are you looking at?) — Ты что там *увидал*?
- 3) *Run quick, cantcha?* (can't you) — *Беги, беги!*
- 4) *You gonna run out on your word?* — *Что, слабО тебе?*

Из этих примеров видно, что частные потери в передаче отдельных образных средств или приемов оказываются несущественными для полноценности перевода в целом, если сохранена общая выразительная тональность. Иными словами переводчик имеет право (в случае необходимости) заменить один прием другим, производящим равноценный эффект. Именно это имел в виду русский поэт и переводчик XVIII в. В. В. Капнист, которого цитируют отечественные переводоведы Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман: «Кто берется за перевод, тот принимает на себя долги, которые уплатить обязан, хотя не тою самою монетою, но такою же суммою» [33, с. 15]. При этом замена любых средств любыми

(лексических — грамматическими, грамматических — лексическими, фонетических — лексическими и грамматическими) может быть не обязательно локальной, то есть может происходить в ином месте, нежели то место в подлиннике, которое по той или иной причине требует такую замену. Примите это к сведению при работе с «lette» и «‘bout m’self».

Дайте полный перевод текста.

Прочтите второй текст; проведите его полный языковой анализ и определите признаки разговорного стиля речи. Дайте перевод, соблюдая функционально-стилистические соответствия ИЯ и ПЯ.

Can’t Say «No»...

I am sorta smart and everyone wants to copy off of my paper. Some people want to, ‘cause they think my answers are right and some do ‘cause they just didn’t do their work. Most of the people who ask to copy are my friends. Just recently, I typed up my notes to 1 a.m. to study for my finals. It took me at least, if not more than, an hour. And one girl asked me if she could run them off. I said yes. She ended up running off my notes for at least half of the class. That made me sooooo mad. I spent a lot of my time on that while everyone else just watched TV, talked on the phone, went shopping, etc. I really don’t think that’s fair!

One day I went home and did my Science homework. When I came to school, no one in the whole class had done theirs assuming that they could copy it off of someone else. I gave my paper to one person and a lot of people got the answers from that person and so on. So, most of the class had MY answers. Anyway, what I want to know is how to tell people they can’t copy, in a nice, considerate way without hurting their feelings or making them mad at me. ‘Cause most of these people are my friends that I really like! Help!

female,
14 yrs
USA

§ 5. Перевод специальных текстов

К таковым относятся научные, научно-технические и научно-популярные статьи, официальные документы, договоры, инструкции, справки, официальные письма и т. д. Они характеризуются стандартностью языковой организации, определенным набором лексико-грамматических средств, которые и призваны обслуживать *специальное* (относящееся к той или иной области знания или деятельности) *содержание*.

TASK L. Далее предлагаются 14 текстов; внимательно прочтите их, проведите тщательную работу со словарями (в том числе специальными) и выполните следующие задания:

- распределите тексты по степени жесткости их организации;

- в соответствии с жанровой принадлежностью текстов выявите в них соотношение общеупотребительной и специальной лексики;

- найдите примеры интернациональной лексики; посмотрите, нет ли среди них «ложных эквивалентов» (пресловутых ложных друзей переводчика);

- найдите в тексте единицы, выделяющиеся на фоне общеупотребительной лексики и обозначающие понятия той или иной предметной (специальной) области. Есть ли среди них термины-интернационализмы?

- выпишите «книжную» (в том числе архаичную) лексику;

- выпишите официально-канцелярские речевые штампы (клише), которые задают строгую предустановленность формы; естественно, что они будут разными в разных по характеру произведениях;

- обратите внимание на приемы внешнего стандартного оформления деловых бумаг и документов;

- отметьте некоторые типичные для специальных текстов грамматические особенности:

- а) наличие пассивных и предикативных конструкций;

б) широкое использование атрибутивных словосочетаний с цепочкой препозитивных определений, представленных существительными в именительном падеже;

в) широкое использование причастных и герундиальных оборотов;

г) употребление многоступенчатых, «растянутых» предложений, которые иногда способны охватить все содержание текста целиком, как, например: *The Secretary of State of the United States of America hereby requests all whom it may concern to permit the citizen/national of the United States herein to pass without delay or hindrance and in case of need to give all lawful aid and protection (from the American passport);*

— отметьте тексты:

а) где имеет место значительно более разнообразное словоупотребление, чем это характерно для текстов узкоспециальных;

б) где имеет место смешение слов различной стилистической окраски и содержится эмоциональность и образность;

— в каких отраслях знаний или деятельности возможна передача содержания в такой достаточно свободной форме и почему?

— дайте перевод текстов на русский язык.

Очевидно, «самые специальные» из них представят наибольшую сложность для полноценной передачи на русский язык. При работе с текстом 8 «Advice to International Passengers on Limitation of Liability» можно, например, призвать на помощь готовый переводной вариант (для этого достаточно взять в руки любой авиабилет) и убедиться, что узкоспециальный перевод требует досконального знания предмета и используемого в этой сфере метаязыка.

TEXT 1. The correspondence between the heads of the Governments

The correspondence between the heads of the Governments was conducted chiefly by exchanging code messages through the Soviet Embassies in Washington and London and through the Embassies of the U.S.A. and Great Britain in Moscow. The messages were decoded in the respective Embassies and their texts delivered to the addressees in the original language. Some of the messages were delivered by diplomatic posts or by authorized representatives of the Powers concerned.

No. 290

Received on April 13, 1945

PERSONAL AND TOP SECRET FOR MARSHAL STALIN FROM
PRESIDENT ROOSEVELT

Thank you for your frank explanation of the Soviet point of view on the Berne incident which it now appears has faded into the past without having accomplished any useful purpose.

In any event, there must not be mutual distrust, and minor misunderstandings of this character should not arise in the future. I feel sure that when our armies make contact in Germany and join in a fully coordinated offensive the Nazi armies will disintegrate.

No 291

Sent on April 13, 1945

FOR PRESIDENT TRUMAN

Washington

On behalf of the Soviet Government and on my own behalf I express to the Government of the United States of America deep regret at the untimely death of President Roosevelt. The American people and the United Nations have lost in the person of Franklin Roosevelt, a great statesman of world stature and champion of post-war peace and security.

The Government of the Soviet Union expresses its heartfelt sympathy with the American people in their grievous loss and its confidence that

the policy of cooperation between the Great Powers who have born the brunt of the war against the common foe will be promoted in the future as well.

J. Stalin

No. 292

Received on April 18, 1946

PERSONAL AND TOP SECRET FROM PRESIDENT TRUMAN
FOR MARSHAL STALIN

I appreciate your kind and true statement of the contribution, which the late President Franklin Roosevelt made to the cause of civilization and your assurances with respect to the efforts, which we will make in common in this same cause.

Ministry of Foreign Affairs of the U.S.S.R.

Correspondence between the Chairman of the Council of Ministers of the U.S.S.R and the Presidents of the U.S.A. and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941–1945. Volume Two. (Foreign Languages Publishing House. Moscow, 1957).

TEXT 2. From Collective Bargaining Agreement

From Collective Bargaining Agreement between Southern Connecticut State University, American Association of University Professors and Board of Trustees for Connecticut State University System, 1997–2001.

Article 4

4.1. Academic Freedom

The parties to this Agreement subscribe to the following principles of academic freedom:

All members of the bargaining unit are entitled to full freedom in research and in the publication of the results, subject to the adequate performance of their other academic duties. Freedom in research is fundamental to the advancement of truth. Members are also entitled

to freedom in the classroom in discussing their assigned subjects. Members participate as representatives of a learned profession, of an educational institution and of society at large. When they speak or write as members of society, they are free from institutional censorship or discipline, but their special position in the community imposes special obligations. As persons of learning and educational leaders, they should remember that the public may judge their profession and their institution by their utterances. Hence, they should exercise appropriate restraint, show respect for the opinion of others, and make every effort, where appropriate, to indicate they do not speak for Connecticut State University.

4.2. Professional Rights and Responsibilities

...Professors, guided by deep conviction of the worth and dignity of the advancement of knowledge, recognize the special responsibilities placed upon them. Their primary responsibility to their subject is to seek and to state the truth as they see it. To this end they devote their energies to developing and improving scholarly competence. They accept the obligation to exercise critical self-discipline and judgment in using, extending and transmitting knowledge. They practice intellectual honesty. As teachers, professors encourage the free pursuit of learning in their students. They hold before them the best scholarly standards of their disciplines. They demonstrate respect for the student as an individual, and adhere to their proper role as intellectual guides and counselors. They make every reasonable effort to foster honest academic conduct and to assure that their evaluation of students reflects true merit.

TEXT 3. Principal Types of Air Pollutants

Carbon Monoxide (CO) is a colorless, odorless, tasteless and poisonous gas, slightly lighter than air that is produced by the incomplete combustion of the carbon in fuels. Carbon monoxide is emitted into the atmosphere in larger quantities than any other urban air pollutant. Background concentrations (from natural and technological sources) are presently estimated in the range from 0.29 to 1.15 milligrams per cubic meter (mg/m³), that is, 0.25 to 1 part per million (ppm).

The mean residence time of atmospheric CO has been estimated to be between one month and five years.

Almost two-thirds of the carbon monoxide which ascends annually into American air space comes from internal combustion engines, mainly from gasoline-powered motor vehicles. Carbon monoxide emissions can be prevented by supplying enough air to insure complete combustion.

Globally, CO does not threaten the atmosphere in the long range view. However, CO's rate of conversion to carbon dioxide (CO₂) is unknown and so the accumulation of CO bears watching.

Sulphur Oxides (SO_x) are acrid, corrosive, poisonous gases produced when fuel containing sulphur is burned. Electric utilities and industrial plants are the principal producers since their most abundant fuels are coal and oil, which contain sulphur as an impurity.

About two-thirds of sulphur oxides are emitted in urban areas. Factories and apartment buildings are big offenders. Densely populated cities are especially prone to have large emission rates.

Sulphur dioxide (SO₂) is the most prevalent oxide. It is a non-flammable, non-explosive colorless gas that most people can taste at concentrations from 0.3 ppm to 1 ppm (about 0.9 mg/m³ to 3 mg/m³) in air. In the atmosphere, sulphur dioxide is partly converted to sulphur trioxide or to sulphuric acid and its salts by photochemical or catalytic processes.

Sulphur dioxide has been involved in major pollution emergencies in the USA (Donora, Pennsylvania, 1948; New York, 1966) which resulted in alarming increases in death rates.

Sulphur oxide emissions can be reduced in three ways: (1) switching to low-sulphur fuels (less than 1 percent sulphur); (2) removing sulphur from fuels entirely and (3) removing sulphur oxides from the combustion gases.

Globally, sulphur dioxide does not pose great danger. Much of it is oxidized or neutralized by airborne alkalis. Rain washes away the sulphur salts. All told, sulphur dioxide lasts probably less than fifty days in the atmosphere. But locally, it is the most toxic and dangerous pollutant of the air.

The Complete Ecology Fact Book / edited by Philip Nobile
and John Deedy. Anchor Books, N.Y., 1972

TEXT 4. Embassy of the Republic of Azerbaijan Beijing

The Embassy of the Republic of Azerbaijan in Beijing presents its compliments to all Diplomatic Missions, Offices of the Organizations of the United Nations System in Beijing, to the Delegation of the Commission of the European Communities and to the Mission of the League of Arab States and has the honor to notify them about the state of affairs concerning the liberation of persons taken prisoners of war and hostages by the hostile sides in the dispute over Nagorny Karabakh.

In commemoration of a year-long period of cease-fire in the area of crises, the sides pledged themselves to an exchange of prisoners of war and hostages in accordance with the principle «all for all».

With the exception of convicted criminals, the Republic of Azerbaijan has set free all POWs and hostages listed in the documents of the International Committee of the Red Cross.

The Armenians in Nagorny Karabakh which is a region of the Republic of Azerbaijan liberated (on June 8th, 1995) only 15 out of 112 men of Azerbaijan nationality listed in the IRC documents.

Bringing these facts to your notice, the Embassy requests to inform the authorities of your countries and international organizations, and expresses a hope that they will take all necessary steps to urge the Armenian side in Nagorny Karabakh, via the authorities of Armenian Republic, to liberate all the persons enumerated in the above-mentioned lists and still kept in captivity.

The Embassy of the Republic of Azerbaijan in Beijing avails itself of this opportunity to renew to all Diplomatic Missions, Offices of the Organizations of the United Nations System in Beijing, to the Delegation of the Commission of the European Communities and to the Mission of the League of Arab States assurances of its highest consideration.

14 June, 1995

To all Diplomatic Missions,
Offices of the Organizations
of the United Nations System,

to the Delegation of the Commission
of the European Communities,
and to the Mission of the League of Arab States

TEXT 5. Income Statement History

The importance of the income statement has only recently been recognized. Before the early years of the 1900s, most companies did not publish income statements. It was believed that financial statement users needed to see the company's financial position on the balance sheet. Earning power was considered to be less important than the amounts of assets and liabilities. In fact, the only way to determine a company's net income was to look at the change in retained earnings for the year. No information was provided about revenues or individual expense items. Placing little emphasis on income statement was probably appropriate for the statement users of that time, since their main consideration was often the adequacy of assets that could be foreclosed on if the company failed to pay its debts.

As stock market investors became common users of financial statements and as bankers became less inclined to foreclose on assets, the balance sheet lost some of its importance and the income statement became the primary consideration of statement users. In addition, increased emphasis was placed on the income statement by the growing number of investors in large companies. As ownership widened, the gap between ownership and management also widened, and owners knew less about the daily operations of the business. They then required an income statement to ascertain the results of operations.

Dale L. Flesher, Lawrence A. Kreiser, Tonya K. Flesher.
Introduction to Financial Accounting. Boston, Mass., 1987

TEXT 6. Norms

When the explorer Captain Cook asked the chiefs in Tahiti why they always ate apart and alone, they replied, «Because it is right». If we ask Americans why they eat with knives and forks, or why their men wear

pants instead of skirts, or why they may be married to only one person at a time, we are likely to get similar and very uninformative answers: «Because it's right». «Because that's the way it's done». «Because it's the custom». Or even «I don't know».

The reason for these and countless other patterns of social behavior is that they are controlled by social norms — shared rules or guidelines that prescribe the behavior appropriate in a given situation. Norms define how people «ought» to behave under particular circumstances in a particular society. We conform to norms so readily that we are hardly aware they exist. In fact, we are much more likely to notice departures from norms than conformity to them. You would not be surprised if a stranger tried to shake hands when you were introduced, but you might be a little startled if he or she bowed, curtsied, started to stroke you, or kissed you on both cheeks. Yet each of these other forms of greeting is appropriate in other parts of the world. When we visit another society whose norms are different, we quickly become aware that we do things this way, they do them that way.

Norms ensure that social life proceeds smoothly, for they give us guidelines for our own behavior and reliable expectations for the behavior of others. This function of norms is so important that there is always strong social pressure on people to conform.

There is a constant shift in the importance attached to some norms. Throughout most of the history of the Western world, for example, there have been changes in the norms concerning the length of men's hair. Thus, in the early United States, national heroes such as Washington, Jefferson, and Franklin wore very long hair, even if it was in the form of wigs. But during the first half of the twentieth century, it was fashionable for men to wear their hair short. At first a folkway, this fashion gradually developed into one of American society's mores. In the 1960s, when young males once more began to grow their hair long, they found that much of adult society considered the practice morally offensive — outrageous, in fact. By the early 1970s, however, long hair on males had become almost a folkway, and today the society's norms allow males a much wider personal choice in the matter — although shorter hair is presently more fashionable. But in time, no doubt, the norms will change again,

and people will be scandalized at long hair, short hair, dyed hair, hats, helmets, wigs, ribbons, or even bald heads on the young men, or young women, or both, of the future.

Gary Ferraro. Cultural Anthropology: an applied perspective.
West Publishing Company, 1992

TEXT 7. Teacher's Labor Contract XXX State Technical University

City of XXX

XXX State Technical University (hereinafter «University»), represented by Rector Yuri Ivanov and John William Smith, PhD (first, middle, last name, and degrees awards — hereinafter «Teacher»), agree to sign the following contract with provisions and terms listed below:

1. *Teacher*: John William Smith, (first, middle, last name) is employed with University in rank of Teacher,

Department of: American Studies, for teaching English, and including all the usual and customary duties associated with said position.

2. *Teacher vows to*:

2.1. Faithfully execute the duties described in Point 1, above, and to abide by the rules outlined in the University Charter.

2.2. Observe reasonable rules of personal behavior and conduct and to abide by the items enumerated and detailed within this contract.

2.3. Inform the University and the Department of all instances in which teacher is unable to perform his/her respective duties.

3. *Teacher's Rights*:

3.1. To choose appropriate methods of teaching as he/she sees fit and to ensure the satisfactory academic progress of the students within his/her charge.

3.2. To make use of the University's equipment and teaching aids, as such are available within the University.

3.3. Other rights, as specified and agreed to by the parties.

4. *University vows to*:

4.1. Ensure all facilities are reasonably maintained in a condition suitable for the performance of Teacher's duties, as described within this contract.

4.2. Inform Teacher of alterations to Teacher's schedule and to the curriculum, etc., as become necessary.

4.3. Not demand additional duties beyond those delineated within contract.

4.4. Ensure a safe working environment for Teacher, in accordance with the laws and regulations of Russia.

4.5. Keep Teacher informed and updated as to his/her rank and status within the University, in accordance with standards adopted by the National Education Board of the Russian Federation (adopted 15 September 1993, No. 207).

5. *Teacher's Working Conditions:*

5.1. In all instances of absence, including sickness, Teacher will be temporarily replaced by another Teacher of University's choice.

5.2. Other special working conditions: _____

5.3. Salary will be paid in accordance with University's policies, or in accordance with other specified agreements.

5.4. Teacher will be eligible for a Regional Coefficient.

5.5. Other sources of funding, as applicable:

5.6. Administrative leave: _____

5.7. Administrative leave availability: _____

5.8. Housing accommodations will be furnished by: _____

5.9. Teacher will be eligible for sabbatical and refresher courses once every 5 (five) years.

5.10. Other terms stipulated: _____

5.11. Contract period: _____

6. If contract is broken by either party for a substantial reason, the teacher will be paid the usual/customary salary plus a severance package.

7. Special circumstances in which contract may be annulled:

Signatures:

_____ Rector Ivanov

_____ Teacher

TEXT 8. Advice to International Passengers on Limitation of Liability

Passengers on a journey involving an ultimate destination or a stop in a country other than the country of origin are advised that the provisions of a treaty known as the Warsaw Convention may be applicable to the entire journey, including any portion entirely within the country of origin or destination. For such passengers on a journey to, from or with an agreed stopping place in the United States of America, the Convention and special contracts of carriage embodied in applicable tariffs provide that the liability of certain carriers, parties to such special contracts, for death of or personal injury to passengers is limited in most cases to proven damages not to exceed U.S. \$75,000 per passenger, and that this liability up to such limit shall not depend on negligence on the part of the carrier.

For such passengers traveling by a carrier not a party to such special contracts or on a journey not to, from, or having an agreed stopping place in the United States of America, liability of the carrier for death or personal injury to passengers is limited in most cases to approximately U.S. \$10,000 or U.S. \$20,000.

The names of carriers, parties to such special contracts, are available at all ticket offices of such carriers and may be examined on request.

Additional protection can usually be obtained by purchasing insurance from a private company. Such insurance is not affected by any limitation of the carrier's liability under the Warsaw Convention or such special contracts of carriage. For further information, please consult your airline or insurance company representative.

TEXT 9. A Letter to Premier Khrushchev

President Kennedy on Saturday afternoon, October 27, 1962, sent a *Letter to Premier Khrushchev* in response to the Soviet leader's proposal to remove the missiles from Cuba under UN supervision and inspection, in return for which the United States government would lift the blockade and give a pledge not to invade Cuba.

Dear Mr. Chairman:

I have read your letter of October 26th with great care and welcomed the statement of your desire to seek a prompt solution to the problem. The first thing that needs to be done, however, is for work to cease on offensive missile bases in Cuba for all weapons system in Cuba capable of offensive use to be rendered inoperable, under effective United Nations arrangements.

Assuming this is done promptly I have given my representatives in New York instructions that will permit them to work out this weekend — in cooperation with the Acting Secretary General and your representative — an arrangement for a permanent solution to the Cuban problem along the lines suggested in your letter of October 26th. As I read your letter, the key elements of your proposals — which seem generally acceptable as I understand them — are as follows:

1. You would agree to remove these weapons system from Cuba under appropriate United Nations observation and supervision; and undertake, with suitable safeguards, to halt the further introduction of such weapons systems into Cuba.

2. We, on our part, would agree — upon the establishment of adequate arrangements through the United Nations to ensure the carrying out and continuation of these commitments — (a) to remove promptly the quarantine measures now in effect, and (b) to give assurances against an invasion of Cuba. I am confident that other nations of the Western Hemisphere would be prepared to do likewise.

If you will give your representative similar instructions, there is no reason why we should not be able to complete these arrangements and announce them to the world within a couple of days. The effect of such a settlement on easing world tensions would enable us to work toward a more general arrangement regarding “other armaments”, as proposed in your second letter, which you made public. I would like to say again that the United States is very much interested in reducing tensions and halting the arms race; and if your letter signifies that you are quite prepared to discuss a detente affecting NATO and the Warsaw Pact, we are quite prepared to consider with our allies any useful proposals.

But the first ingredient, let me emphasize, is the cessation of work on missile sites in Cuba and measures to render such weapons inoperable, under effective international guarantees. The continuation of this threat, or a prolonging of this discussion concerning Cuba by linking these problems to the broader questions of European and world security, would surely lead to an intensification of the Cuban crisis and a grave risk to the peace of the world. For this reason, I hope we can quickly agree along the lines outlined in this letter and in your letter of October 26th.

John F. Kennedy

*Robert H. Ferrell. American Diplomacy.
W. W. Norton & Company, Inc., 1969*

TEXT 10. Microsoft Windows

The real success of Microsoft Windows is that millions of personal computer users have discovered something important to every business. It makes business more productive than ever before.

Today's business environment places more demands on computing technology, however. Complex, line-of-business applications such as inventory management, financial trading, and on-line transaction processing demand powerful hardware and reliable, responsive and secure operating systems. Just as PC hardware is rapidly advancing to take on these problems, now the Microsoft Windows NT operating system gives you personal productivity and the power to handle complex business demands.

Microsoft Windows NT is a robust platform, with advanced features needed to build sophisticated line-of-business solutions. It provides fully 32-bit operations, preemptive multitasking, advanced security and reliability, built-in networking, and complete scalability across hardware platforms for users of powerful PCs, workstations and network servers.

Windows NT provides the ease of use and proven productivity of the Windows intuitive, graphical interface. And it unlocks the potential of a wide range of advanced PC hardware, including machines based on the Intel® 80 × 86 processor family and RISC architectures such as the MIPS R3000 and R4000. It also supports symmetric multiprocessing systems.

Moreover, you have access to a host of existing applications for MS-DOS and Windows that run on this hardware — without modification — as well as new, powerful 32-bit Windows-based applications. The Windows NT implementation of the Windows operating system is a complement to the MS-DOS-based version, bringing high-end computing to PC systems.

As a result, the Microsoft Windows NT operating system both protects and expands your software and hardware investment.

All of which reflects Microsoft's commitment to leverage your organization's investment in the world's most widely-used PC operating systems — MS-DOS and Windows — helping users benefit from on-going advances in the 1990's.

Е. В. Гольцова. Английский язык для пользователей ПК и программистов. СПб.: КОРОНА принт; М.: БИНОМ-ПРЕСС, 2005

TEXT 11. Ann Arbor Public Schools 5th Grade Mathematics Report

(Требования к усвоению знаний и умений в пределах материала, который изучают в 5-м классе в американской начальной школе; в случае сомнения при переводе, загляните в свои старые школьные учебники.)

Student: Arina K. **Concepts/Skills**

Unit of Study

Unit 1. Number

Theory 1.

1. Has quick recall of basic multiplication facts.
2. Identifies prime and composite numbers, even and odd numbers.
3. Uses divisibility tests to determine if a number is divisible by another number.
4. Renames composite numbers (to 40) in expanded form as factor strings.

Unit 2. Estimation and Calculation

5. Finds the product of multi-digit whole numbers.
6. Multiplies 1- and 2-digit whole numbers by decimals by up to 2 decimal places.
7. Identifies place values from thousands to billions.
8. Finds the sum of multi-digit whole numbers and the sum of decimals.

9. Finds the difference of multi-digit whole numbers and decimals.
 10. Rounds numbers to designated places.
- Unit 3. Geometry Explorations**
11. Associates an angle with a certain amount of turning and knows that angles are measured in degrees.
 12. Measures angles with a protractor and classifies them as acute, right, obtuse or straight.
 13. Identifies and names angles on a straight line and vertical angles.
 14. Finds unknown angles in problems involving angles on a straight line, angles surrounding a point and vertical angles.
 15. Demonstrates understanding that the sum of the interior angles of a quadrilateral is 360 degrees.
- Unit 4. Division**
16. Understands the meaning of division of whole numbers, with and without remainders; relates division to fractions and to repeated subtraction.
 17. Relates division of whole numbers with remainders to multiplication, e.g., since 34 divided by $5 = 6$ with a remainder of 4 , then $5 \cdot 6 + 4 = 34$.
 18. Solves applied problems involving multiplication and division of whole numbers.
 19. Fluently divides up to a four-digit number by a two-digit number.
 20. Understands the relative magnitude of ones, tenths, & hundredths and the relationship of each place value to its right, e.g. 1 is 10 tenths, one tenth is 10 hundredths.
- Unit 5. Division**
21. Understands percentages as parts out of 100 and uses % notation.
 22. Converts between fractions and mixed numbers.
 23. Understands a fraction as division, e.g. 2 divided by $3 = \frac{2}{3}$
 24. Solves applied problems involving decimals; includes rounding of answers & checking reasonableness.
(and further on, through Unit 12, Item 62)

TEXT 12. A Bit Faded But Still Bright Enough

For Georgia's exuberant opposition, this month's election has shown up their president, Mikheil Saakashvili, as an arrogant despot — hardly better, they say with hyperbole, than Russia's Vladimir Putin. Having clipped their president's wings, Mr. Saakashvili's foes hope to take control of parliament in another ballot later this year. They may succeed.

In Ukraine, meanwhile, another flamboyant friend of the West, Yulia Timoshenko, has just convinced a finely balanced legislature to make her prime minister again. Her ousted rival, the pro-Russian Victor Yanukovich, made a bitter forecast of "trials... crisis and scandal". He might well make a comeback.

The news, in other words, is pretty good. Democracy, hard argument and open contest are alive, kicking and reasonably well in at least two countries where street protest prevailed against post-Soviet misrule in a spectacular way.

In both countries «color revolutions» (Georgia's, in November 2003, was rose-tinted, and Ukraine's, a year later, was of an orange hue) have had confusing consequences. This confusion has exasperated both the Utopians who saw the street dramas as a contest between Western light and Soviet dark, and also cynics who insisted that wherever abuse of power is an ingrained habit, nothing can ever change. But Georgia and Ukraine are still, on balance, better places than they would have been if their revolutions had not happened.

Admirers of the brave people who crammed the freezing streets of Kiev were baffled by what happened a few months later: the heads of the pro-Western camp (Ms Timoshenko and President Victor Yushchenko) had a public quarrel, allowing Mr Yanukovich — who had been cast as villain-in-chief during the revolution's headiest monuments — to march temporarily back into government. A setback, it turned out, but no tragedy.

Georgia's let-down was slower to come, but the disappointment even sharper. Last November Mr Saakashvili's well-wishers were horrified when he used tear-gas and truncheons against a long-running street protest. But in recent days he has gone quite a long way toward

redeeming his good name by holding an election which, though clearly not perfect, was certainly keenly contested.

The Economist. January 12th–18th 2008

TEXT 13. Globalization and the Russian Language

(During summer 2007, a research survey was conducted in Ulyanovsk and Chita, which aimed to explore Russian perception of globalization).

... In linguistic terms, increasing adoption of foreign words into the Russian language was a source of general disquiet, and of great concern to one senior respondent who viewed this as reflecting and reifying a decline in the salience of traditional Russian values. This view agreed with that of Russian scholar Valentin Nepomnuashchii, who expresses concerns at the effects upon the Russian language of exposure to other tongues, and outlines how linguistic metamorphosis can illustrate, or even facilitate, changes in cultural and moral values:

«The Russian speech has always been smooth, but nowadays it is chopped, rhythmically and intonationally anglicized; it is running somewhere feverishly, its structure is losing both thought and feeling... When the phrase наемный убийца (*nayomnyi ubiytsa* — hired assassin) is substituted by the tolerant киллер (*translation of the English killer*) — this is not only language, this is a shift in the system of values and moral systems, and this is mortally dangerous. Together with the language the nation is degrading».

Rivlina takes a less alarmist perspective, pointing out that the current period of heightened interaction between the English and Russian languages is in fact just «another episode in the history of the ‘culture dialogue’ between Russia and the West», which echoes previous epochs of intense Russian contact with foreign cultures, including for example «the time of Russia’s baptism (around 988 AD), the time of Peter the Great’s reforms (the beginning of the eighteenth century) and all through the nineteenth century».

The same author shares Nepomnyashchii’s contention that the manner in which foreign words are adopted can «reveal shifts in the host culture’s core of basic values and assumptions», giving the example

of how the Russian word *вызов* is now often used as a direct translation for the English term ‘challenge’. Rivlina explains that ‘challenge’ was originally considered ‘untranslatable’ but that *вызов*, originally meaning «a wish expressed through glances, words or actions, to engage in a struggle or argument» is undergoing a shift in meaning toward the wider English concept of ‘challenge’, which encompasses «key concepts in Anglophone linguaculture such as individual will and individual activity, competitiveness, individual success and achievement, positive thinking, sense of adventure and risk-taking». Such usage of *вызов* now occurs not only in translations but increasingly, within native Russian speech, which Rivlina sees as ‘linguacultural’ evidence of a shift away from traditional Russian values associated with the possible (yet rarely preferred) alternative *проблема*, which connotes «non-agentivity, a tendency to fatalism, resignation, submissiveness, a lack of emphasis on the individual as an autonomous agent, ‘achiever’ and controller of events».

James Brooks. Russian Perception of Globalization //

Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире:
междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2007

TEXT 14. Principles of Language Teaching

...Age, educational level, capacity, handicaps, level of proficiency, goals, and linguistic and cultural background are significant variables with regard to the student.

Age is a major variable. Children and adults must be taught differently. The teacher must recognize the learning characteristics of at least four age groups: (1) preschool, (2) primary school, (3) secondary school, and (4) college, university, and other adult groups.

Preschool children can learn a second language by exposure in much the same way that they learned their first. They can learn it to the degree of accuracy of native speakers. No special technique is necessary to teach this age group other than to bring the children in contact with appropriate situations in which the second language is used as the medium of communication.

Primary school children require special techniques. They learn by play and memorization. They can achieve superior pronunciation by dint of their power to mimic sounds accurately. Children are driven to activity and to learning by play rather than by any work motive or other sophisticated motive that drives adults.

Secondary school pupils can study for the sake of a grade or other indirect reward. They can still achieve a good pronunciation and can study grammatical patterns deliberately. Work must be made palatable at this stage, however.

Adults learn more effectively by systematic cataloguing than do children, and they respond favorably to the work motive, i.e., to putting forth sustained effort for some goal other than the immediate enjoyment of the activity itself. They are poor mimics of the sounds of a foreign language and must be helped with props, partials, and successive approximations to the desired pronunciation. They can also be influenced by inhibitions and prejudices to a significant degree. The capacity to learn a foreign language diminishes somewhat with age after adulthood, but it is not lost. Those who are in the top third in language-learning capacity among all adults at age twenty-one may still remain in the top half at age forty-one. This age factor can be counterbalanced by knowledge of other languages and of linguistics and language-learning theory and practice, with the result that an adult may achieve greater capacity to learn another foreign language at forty-one than he had at twenty-one.

Robert Lado. Principles of Language Teaching. Landmarks of American Language & Linguistics // A Resource Collection for the Overseas teacher of English as a Foreign Language / editor Frank Smolinski. Washington, D.C., 1993

Глава 3

РАБОТА С ТЕКСТАМИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕМАТИКИ

Тексты, посвященные вопросам международных отношений, отражают все виды взаимоотношений между государствами: экономические, политические, правовые и культурные. Язык текстов по международным отношениям (особенно научных) выделяется в отдельный регистр¹ и представляет собой особую функционально-стилистическую разновидность языка. В свою очередь, профессиональная деятельность специалиста в области международных отношений зачастую представляет собой собственное изложение зарубежных материалов, которое должно быть выполнено на высоком профессиональном уровне с учетом норм языка изложения. Для этого требуется владение не только способами и навыками перевода, но и знание языковой специфики текстов на лексическом (специфика научного и терминологического тезауруса), грамматическом (особенности словообразования, видовременные и синтаксические свойства) и стилистическом уровнях [34].

Несмотря на то, что для текстов по международным отношениям характерна разная тематическая направленность и неоднородная терминология в рамках проблематики международных отношений, они имеют единую функциональную направленность, то есть служат средством общения. Соприкосновение политических систем стран всего мира требует уточнения используемых терминов, в том числе национальных и интернациональных политических понятий. Средством уточнения понятий в области «международные отношения» служат научные тексты по международным отношениям,

¹ Регистр — язык, ассоциирующийся со специфическим контекстом той или иной области знания и сферы использования.

которые обеспечивают условия адекватного понимания и успешной коммуникации при международных контактах, когда даже выбор термина может повлиять на их исход. Тексты делятся на первичные и вторичные. К первичным относятся тексты договоров, конвенций, дипломатическая документация государств. Вторичные тексты — это статьи и монографии, авторы которых осуществляют анализ первичных документов и теоретическое осмысление событий, происходящих на международной арене [34].

Для осуществления межъязыковой коммуникации специалист по международным отношениям должен ставить перед собой следующие задачи:

- обеспечить адекватное понимание реципиентом передаваемой информации;

- добиться определенного коммуникативного эффекта, создать у реципиента желаемое эмоциональное отношение к передаваемой информации, вызвать у него соответствующие ассоциации;

- побудить реципиента к каким-то конкретным действиям, вызвать у него определенную реакцию;

- достичь «экстрапереводческого» результата, решить идеологические, политические задачи, не связанные с адекватным воспроизведением оригинала [35].

При переводе текстов по международной тематике следует соблюдать несколько принципов, изложенных еще в 1791 г. Александром Тайтлером в трактате «Эссе о принципах перевода». Главными из этих общепризнанных принципов являются следующие: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальное произведение [11, с. 81]. Эти требования к переводу актуальны и по сей день.

Владение языковой спецификой текстов является основополагающим фактором при переводе, необходимость которого возникает в условиях межкультурной коммуникации. Ключевые лингвистические особенности текстов по международным отношениям широко освещены в работах О. А. Вдовиной «Языковая специфика научного

текста по международным отношениям (на материале английского языка)»² и «Лексико-грамматические особенности научного текста по международным отношениям в дидактике (контроль переводческих умений)»³. Самостоятельно изучите предложенные статьи и выполните задания:

1) Выясните точку зрения автора на соотношение между эквивалентностью и адекватностью перевода текстов по международным отношениям.

2) Трудности при переводе возникают в связи с тем, что английский и русский языки принадлежат к разным языковым системам. Лексико-грамматические различия языков нивелируются с помощью переводческих трансформаций. Определите системные признаки аналитического (английского) языка и сравните их с признаками синтетического (русского) языка.

3) Выделите лексические особенности текста по международным отношениям. Определите специфику словоупотребления, проявляющуюся в данных текстах, обращая внимание на неоднородность лексического состава текстов (общеупотребительная, научная и терминологическая лексика).

4) Выделите грамматические особенности текста по международным отношениям: обозначьте морфологические особенности, установите особенности функционирования видовременных глагольных форм, неличных форм глагола, синтаксических и эмфатических конструкций.

5) Выявите стилистическое своеобразие текстов по международным отношениям (какие стилистические средства используются, в чем их функциональная направленность).

² URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-spetsifika-nauchnogo-teksta-po-mezhdunarodnym-otnosheniyam>.

³ URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-grammaticheskie-osobennosti-nauchnogo-teksta-po-mezhdunarodnym-otnosheniyam-v-didaktike-kontrol-perevodcheskih-umeniy>.

6) Выделите основные приемы передачи средствами русского языка лексических единиц, грамматических форм и синтаксических конструкций в текстах по международным отношениям (устойчивые межъязыковые замены и контекстуальные замены).

TASK M. Лингвопереводческий анализ текстов

Проведите лингвопереводческий (лексический, грамматический, стилистический) анализ текстов. Для этого:

- подготовьте библиографическую справку о тексте;
- определите стиль, жанр, композицию (повествование, описание, рассуждение), тональность текста;
- дайте характеристику лексико-грамматической структуры текста. Для этого определите вид информации в тексте:

а) когнитивная информация — объективность на уровне текста (время), объективность на уровне предложения (порядок слов, тема-рематическое членение), объективность на уровне слова (термины); абстрактность (построение текста: характеристика синтаксиса сочинительной и подчинительной связи, причастные обороты, инфинитивные группы); плотность (компрессивность текста);

б) оперативная информация — призыв к совершению определенных действий (характеристика языковых средств: глагольный императив, модальные глаголы, модальные слова, сослагательное наклонение);

в) эмоциональная информация (субъективность и конкретность, образность);

г) эстетическая информация (повторы, синтаксический параллелизм, эпитеты).

Выполните письменный перевод текстов на русский язык. С какими лексическими, грамматическими и стилистическими трудностями вам пришлось встретиться в процессе перевода? Опишите, как вы пришли к адекватному, на ваш взгляд, переводческому решению. Приведите примеры.

TEXT 1. International terrorism

The attacks launched against the United States on September 11, 2001, convinced Americans that no nation was immune from the threat of international terrorism. Although terrorists have targeted Americans for several decades in various parts of the world, it literally hit home on that day. An outraged American public understandably wanted those responsible brought to justice, and future attacks on our homeland prevented. Thus, it is only natural that the war on terrorism has become the United States' number one foreign policy priority.

But terrorism is not just America's problem. The tragic train bombing in Madrid on the eve of the Spanish elections demonstrated the length to which terrorists are prepared to go to disrupt our free and democratic way of life. February's horrific attack in the Moscow metro demonstrated that terrorism is, to quote President Putin, «the plague of the 21st century». The entire civilized world must unite against this plague, which knows no boundaries.

Russians know too well that terrorism threatens the most basic governmental function, which is to guarantee the safety of citizens. Terrorism often makes use of modern technology and communication to threaten the very civilization that made such advances possible. The threat of terrorism creates a common interest among all countries that value peace, prosperity, and the rule of law. To quote Secretary of State Colin Powell, «We must reassure people everywhere that the world has not just traded one kind of danger for another with the end of the Cold War. The victory of freedom will turn hollow if new fears replace old ones».

Defeating terrorism not only drives our efforts to thwart individual terrorists and to deter their state supporters but also motivates our cooperative efforts with many nations in law enforcement and intelligence sharing. If something good can be said to have come out of the tragedy of September 11, it is that the United States and Russia, along with the other countries, are now cooperating more closely than ever on several fronts in this war. The important logistic, intelligence, humanitarian and political assistance that Russia provided helped topple the Taliban and

establish a representative government in Kabul. Russia, its Central Asian neighbors and many other countries are far more secure today because of the destruction of Al Qaeda's base of operations, the elimination of thousands of terrorist fighters, and the establishment of a responsible regime in Afghanistan.

In April 2004, top NATO and Russian officials met in Norfolk, Virginia to discuss improving their forces' capabilities in combating terrorism, a priority area for the NATO-Russia Council, as well as other key areas of cooperation, such as rapid responses to terrorist incidents and monitoring terrorist activities across borders. Additionally, NATO Secretary Jaap de Hoop Scheffer signed agreements during his recent visit to Moscow establishing Russian military liaison offices at NATO's top military headquarters. In discussing both terrorism and the proliferation of weapons of mass destruction, the Secretary General said in an interview on Moscow radio, «We live in a dangerous world and we can only solve these problems together».

We hope that the United States and Russia can work even more closely together, and with other countries, to step up the fight against terrorism. We must ensure that no country stands outside the coalition against terror; we must deny terrorist even a single safe haven.

Alexander Vershbow. Global security in the 21st century: new challenges, new partnerships // Рос. вестник Программы Фулбрайта. 2004. Вып. 4. С. 18.

TEXT 2. The Future of Power

...What is power, and why does it matter? I define power as the ability to affect others to get the things you want. You can do that in three ways: you can use coercion, sticks; you can use payments, carrots; or you can use attraction and persuasion, soft power. In the twenty-first century, the ability to combine these as smart power will be one of the main challenges not just for the United States but for any actor in international politics. Today we are seeing two big shifts in how power is used in international politics and world affairs. These shifts, which are the result of the information revolution and globalization, are *power*

transition among states and *power diffusion* from states to nonstate actors. The power transition occurring in this century is sometimes called the rise of Asia, but it is more accurately called the recovery of Asia. In 1800, more than half of the world's population was in Asia and more than half of the world's product was in Asia. One hundred years later, more than half of the population was still in Asia, but only about 20 percent of world product was. Now, in the twenty-first century, we are getting back to proportions that are historically more normal. The shift began in the twentieth century with Japan after World War II, moved on to Korea, and then to the so called smaller East Asian states. Now it is in China, and it is about to be in India. In the days of Teddy Roosevelt, the American view was that power would migrate around the globe from east to west; that is, from Europe to the United States. That view was realized, only the migrating didn't end here. Power continues to migrate westward. In the twenty-first century, we are going to see more of the world's economic activity centered in Asia.

The other great power shift, power diffusion, is the movement of power from governments, whether East or West, to nongovernmental actors or nonstate actors. Nongovernmental actors have always played important roles, but their development and the growth of their influence has become much more rapid and much more widespread as a result of the information revolution. *Information revolution* is just a fancy term for the extraordinary decrease in the costs of computing and communications. From 1970 to 2000, the cost of computing decreased a thousand-fold. If the price of an automobile had decreased as rapidly as the price of computing power, you could buy a car today for five dollars. One consequence of the information revolution has thus been a significant lowering of the barriers to entry to the stage of world politics. Consider the ability to communicate simultaneously to all points of the globe. In 1970, if you wanted to be in Cambridge and communicate with Johannesburg, Beijing, Moscow, and London all at the same time, you could do so; it was technically possible but very, very expensive. Today, anybody can do so for the price of entry to an Internet cafe or, if you use Skype at home, for free. Consider also something that was a deep secret and cost billions of dollars when I was serving in the State Department

in the 1970s: the ability to take a picture of any place on earth with one meter resolution. At the time only the United States and the Soviets had this capability. Today, anybody can view such images by using Google Earth, a free program. This is an extraordinary lowering of the barriers to entry. And with such changes you get a different kind of politics. Sometimes people say these changes portend the decline or even the end of the nation-state, but that is not the right way to think about what is happening. The state and governments remain the most powerful

actors in international politics, but they are no longer alone on the stage, and sharing

the stage with many new actors makes for a different type of politics. As we try to

think our way through this, we have to realize that we haven't quite caught up with this diffusion of power, and while we know a lot about power transition through history, we don't know anything about such rapid power diffusion...

Joseph S. Nye, Jr. 1967th Stated Meeting, held on February 16, 2011, at the House of the Academy Bulletin of the American Academy, Spring 2011.

TEXT 3. When people talk together, they are not fighting

...Now, I am not a scholar or expert in public policy. I am in Chita as President and founder of Siberian Bridges, an American NGO dealing with Chita and eastern Siberia. My main job and my training, however, are as a piano teacher and pianist, and it is from experiences in that life that I asked that we all breathe together. I've learned that no matter what your current condition is — happy, sad, anxious, muddled — clear, big, slow breaths improve everything. When my students repeatedly make the same mistakes on a bit of music in a lesson, I have them stop and take a breath, then try again. In *every* case their ability improves. It begins to feel like magic. It works throughout my life, too, but only if I notice the need and make myself do it. The key has been recognizing that the way I'm approaching whatever it is I'm doing isn't working as well as it could, then choosing to do this kind of breathing.

I asked us all to do this right now, because I know that no matter what your thoughts, no matter what your emotional state, no matter your level of fear, anxiety, suspicion, etc, this clear, big, slow breathing improves it. I know very little, and the older I get, the less I am sure of. But of *this*, I am certain. And 10 breaths is better; a deep breath every 15 or 30 minutes, even better. Daily, even better. As you are well aware, the United States has reacted to one of the few attacks on its own soil, the suicide airplane attacks of September 11, 2001, by engaging in war and occupation in Afghanistan and Iraq. According to polls, the American public was in favor of these wars at first, but that support steadily declined to the point that the Congressional elections in 2006 resulted in a decisive change in government widely recognized as a condemnation of these wars.

Perhaps even more devastating is that along with this foreign policy, domestic laws were changed dramatically allowing the government unprecedented and secret access to the private lives of its citizens, curtailing rights to due process including removing the right of Habeas Corpus. Our Administration, the Bush Administration, is the most secretive in modern times and Bush is already widely considered by a broad spectrum of historians to be the worst President in our history.

All this is in conjunction with remarkable corruption at the federal level, mostly connected to the wholesale shifting of traditionally governmental jobs to private business — jobs such as support services for our military and disaster relief (Hurricane Katrina being the biggest example) in tandem with the buying of influence by large corporations on a scale not seen since the end of the 19th century.

Many of us were extremely disappointed in the controversial and undemocratic appointment to the Presidency of Bush by the Supreme Court in 2000 following the closest Presidential election in US history, and were increasingly horrified by the misdirection, lies and actions of this administration. However, the majority believed them...then only *wanted* to believe them...and finally have begun to recognize the dangerous situation we are now in. Our initial feelings of lack of security caused by the terrorists on 9/11 have been largely supplanted by feelings of lack of security due to the secretiveness, the lies and manipulations and the unresponsiveness of our own government.

So I, myself, feel a lack of security I've never felt before. I believe my country is in a dark and dangerous time. The good thing, though, is that I finally pay attention; I've become angry and distraught and depressed by this. At first, I thought this was a bad thing. I want to feel good, of course. But people I respect say, «You must act!» People with power derived illegitimately through secrets and lies *depend* on the average person's feelings of helplessness and subsequent inaction. I *have* tried, and felt discouraged.

But finally, I begin to see that until I am clear myself, my actions cannot be my own and they will not have weight and power, nor will I be able to sustain them. Hence this talk about breathing. It seems so small, so ridiculously personal. It even seems naive. Yet, I know, even if I can only accomplish this in small moments, that every time I act from clarity the act attains weight and power recognized by others and encouraging them. I know this because the same happens to me when another acts from clarity.

...Siberian Bridges is concerned with cultural and educational exchange. Since 1995, we have sent teachers of English and teaching materials and have encouraged visits in both directions. None of our activities is directly *about* security, but I believe that every one of them has worked to *create* security. When people work together, they are not fighting. When people talk together, they are not fighting. We have always been very small with a very small budget, but our actions have been universally respected. I believe our influence, though small, has been significant, not because we are clever or powerful, but because we are true and clear...

Tom Dickinson. Siberian Bridges Founder & President,
at the Conference on Security, Chita, Russia, 2006.

TEXT 4. Human Rights in Foreign Policy

The idea that governments can legitimately concern themselves with the way in which another state treats its own nationals is a relatively recent innovation in international relations. The concept of non-interference in domestic affairs loomed large for much of the 20th century and was seen to foreclose meaningful human rights foreign policy.

By the time of the 50th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights in 1998, it was becoming commonplace to raise human rights issues in foreign relations, but many of those concerned with realpolitik saw the exchanges as little more than cosmetic. Interviewed for the anniversary, Alan Clarke, the former British Defence Minister, saw the clash of interests in the following terms:

«My principal duty is to the people of my own country. Diplomacy is a matter of reconciling, either by compromise or threat, conflicting national interests, and the considerations about the Universal Declaration of Human Rights come fairly low on the list of priorities».

Such an approach has nearly always governed international relations and is still prevalent in parts of important foreign ministries, but the significant point is that perceptions about what are the actual 'national interests' can change. Governments are increasingly susceptible to the idea that the nation wants issues of human rights raised with other governments in meaningful ways, and that improving human rights abroad may indeed be in the national interest: as security threats diminish, international stability increases. In addition, we can idealistically hope that the national interest includes the idea that millions of nationals are actually altruistic, rather than selfish, and are concerned about remedying the suffering of others, wherever they may be.

Many national governments have more recently established human rights units within their foreign offices, advisory committees on human rights, and even ministers for human rights. As the legal framework develops, and as rhetoric gives way to constructive discussion, more and more governments may come to see human rights policy and expertise as something central to all aspects of government and foreign relations. Of course, there is a difference between proclaiming that human rights are at the heart of foreign policy, and actually changing the way decisions are taken. Respect for human rights may now be said to be a factor to be considered in a number of spheres of inter-state decision making:

- admission to certain international and regional organizations;
- trade agreements and preferential tariffs; export credit guarantees;
- arms transfers;
- foreign direct investment;

- cooperation with international financial institutions;
- UN technical assistance programmes;
- development work;
- international investment agreements;
- customs communities; and
- the maintenance of international peace and security.

The human rights record or reputation of a state can adversely affect any of the above. A willingness to improve human rights has also almost become a condition for entering into a range of diverse arrangements with other states. One obvious example is that respect for human rights has become a formal pre-condition for admission to the European Union. In short, all states, through their representatives, now care about how their human rights record is regarded internationally. In contrast to this apparent progress, we must remind ourselves that promoting human rights in other countries still comes pretty low down the list of priorities when there is a perceived clash with other competing 'national interests'. The extent to which this will change depends on the enthusiasm of people to hold their leaders to a human rights foreign policy that reorganizes these priorities.

Andrew Clapman. Yuman Rights: A very Short Introduction. OUP, 2007.

TASK N. Сопоставительный анализ текстов

Хорошая практика в работе переводчика — сопоставительный анализ английской и русской версий текста перевода, развивающий все составные части профессиональной компетенции письменного переводчика. Это анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала. В овладении переводческой профессией этот метод довольно эффективен, поскольку наглядно демонстрирует не только трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, но и позволяет увидеть собственные ошибки в переводе. Сопоставительный анализ требует сосредоточенности в течение длительного времени, кропотливой работы, аналитических способностей и наличия определенной языковой компетенции (особенно умения видеть синтаксические структуры

языков оригинала и перевода). Техника сопоставительного анализа:

1. Определение грамматического, лексического и семантического состава анализируемой единицы оригинала.

2. Формирование собственного варианта перевода.

3. Определение грамматического, лексического и семантического состава соответствующего фрагмента перевода.

4. Последовательное осмысление и фиксация соответствий исходных единиц и единиц перевода. Осмысление включает поиск соответствий лексических единиц оригинала и перевода, поиск соответствий грамматических единиц и поиск соответствий в способах передачи семантических особенностей текста.

5. Выявление и обоснование приемов перевода, использованных переводчиком для передачи значений единиц оригинала.

Технику сопоставительного анализа можно проиллюстрировать следующим примером:

- 1) Исходный текст: Just over a year ago a boycott of public transport in Barcelona hit the world's headlines.

- 2) Вариант перевода: Чуть больше года тому назад бойкот общественного транспорта в Барселоне попал в заголовки газет по всему миру.

- 3) Профессиональный перевод: Немного больше года тому назад в печати всех стран широко освещалось бойкотирование общественного транспорта населением Барселоны.

Сопоставьте оригиналы нижеприведенных текстов с их переводами. Выявите лексические, грамматические и стилистические единицы, составляющие текст оригинала и текст перевода, осмыслите преобразования, выполненные переводчиком в процессе перевода.

TEXT 5. Think Tanks and U.S. Policy: A Policy-maker's Perspective

*Think Tanks and U.S. Policy:
A Policy-maker's Perspective*

*«Мозговые центры» и американская
внешняя политика: точка зрения по-
литика*

Of the many influences on U.S. foreign policy formulation, the role of think tanks is among the most important and the least appreciated. A distinctly American phenomenon, the independent policy research institution has shaped U.S. global engagements for nearly 100 years. But because think tanks conduct much of their work outside the media spot-light, they garner less attention than other sources of U.S. policy — like the jostling of interest groups, the maneuvering between political parties, and the rivalry among branches of government. Despite this relatively low profile, think tanks affect American foreign policy-makers in five distinctive ways: by generating original ideas and opinions for policy, by supplying a ready pool of experts for employment in government, by offering venues for high-level discussions, by educating U.S. citizens about the world, and by supplementing official efforts to mediate and resolve conflict.

Среди многих факторов, влияющих на формирование американской внешней политики, «мозговые центры» — один из наиболее важных, но наименее ценимых. Независимые политологические институты — чисто американский феномен. Вот уже почти 100 лет они определяют характер деятельности США на международной арене. Но поскольку аналитические центры ведут свою работу во многом вне поля зрения СМИ, они удостоиваются меньшего внимания, чем другие факторы, воздействующие на американскую политику — такие, как конфликтующие лоббистские группы, межпартийное лавирование и соперничество между ветвями власти. Несмотря на свою относительную малозаметность, «мозговые центры» оказывают значительное влияние на американских внешнеполитических деятелей. Это происходит по пяти различным направлениям: способствуя выработке оригинальных идей и вариантов политики, предоставляя готовый контингент экспертов для работы в правительстве, предлагая форумы для дискуссий на высоком уровне, просвещая население США в области международной политики и помогая официальным органам в посредничестве и урегулировании конфликтов.

Хаасс Р. Н. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: точка зрения политика // Электрон. журнал Государственного департамента США — eJournal USA. 2002. Т. 7, № 3, ноябрь.

TEXT 6. I Believe in People's Diplomacy

I Believe in People's Diplomacy

I consider my Fulbright experience to be productive in many ways; I want to describe just one. My five-month stay in the USA has given me a chance to closely observe how Americans live and act as citizens (which we, in our country, are only learning to be and have not yet grasped the full meaning of). Among other things that characterize Americans as members of the community, there is one I find especially remarkable: Americans set an example of how to become agents of change, and imbue others with a spirit of making things happen. People in America believe in generosity and philanthropy as a unifying factor for their nation. It is remarkable all the more that their generosity embraces other nations and it makes them feel good about their self-esteem.

Я верю в народную дипломатию

Участие в обменной программе Фулбрайта обогатило мой профессиональный и человеческий опыт во многих отношениях; хочу остановиться на одном. Пятимесячное пребывание в США дало мне возможность больше понять не только об этой стране, но и о себе. В то время как мы у себя на родине не вполне еще осознаем, что это значит — иметь гражданское самоощущение, американцы (как мне показалось) живут с постоянным чувством, что они — члены единого сообщества. Им присуща замечательная черта — приветствовать перемены, участвовать в них и заражать других желанием изменить жизнь к лучшему. Их объединяет готовность помочь другим. Еще более замечательно то, что американцы с радостью и чувством удовлетворения помогают не только друг другу, но и людям за пределами своей страны.

Рос. вестник Программы
Фулбрайта. 2005. Вып. 6. С. 113, 114.

TEXT 7. Global security in the 21st century: new challenges, new partnerships

Статья американского дипломата, бывшего посла США в России Александра Вершбоу «*Global security in the 21st century: new challenges, new partnerships*» представляет собой пример газетно-публицистического стиля и относится к категории общественно-политических речевых жанров. Основная коммуникативно-прагматическая функция данного стиля — пропагандистско-агитационная.

С одной стороны, она направлена на распространение информации, а с другой — на побуждение людей к действию, на активизацию их мыслей. Особенность другой, *эмоционально-экспрессивной функции* газетно-публицистического стиля, заключается в открытом оценочном отношении к излагаемым фактам.

Проанализируйте лексическо-грамматическую структуру оригинала и перевода.

Определите, какие типы лексических соответствий (однозначные эквиваленты, вариантные соответствия, трансформации) были выбраны переводчиком при передаче терминов, номенклатурных образований и аббревиатур?

Объясните, какие переводческие решения были использованы для перевода инфинитивных, причастных и герундиальных оборотов, атрибутивных цепочек, пассивных конструкций, перфектных форм, артиклей, собственных имен, парных синонимов и др. Приведите примеры.

Какие переводческие стратегии применялись для перевода метафор, эпитетов, повторов, параллелизмов, сравнений, метонимии, аллитерации, игры слов, если таковые имеются в тексте.

Global security in the 21st century: new challenges, new partnerships

The phrase «global security» conjures up images of missile silos and aircraft carriers. During the Cold War the global political rivalry between the United States and the Soviet Union defined security policy. Competition for the support of nonaligned countries was fierce and one side's loss meant the other side's gain. A balance of power guaranteed security, although some fittingly called it a balance of terror, based on the apt

Глобальная безопасность в XXI веке: Новые вызовы и новые партнерства

Словосочетание «глобальная безопасность» часто вызывает в воображении людей образы пусковых ракетных шахт и авианосцев. Во времена холодной войны политика в области безопасности определялась глобальным политическим соперничеством между Соединенными штатами и Советским Союзом. В те годы велась ожесточенная борьба за поддержку со стороны неприсоединившихся стран, и проигрыш одной стороны означал

acronym MAD, or mutual assured destruction. An array of arms control agreements designed to monitor and limit the military capabilities of the other side introduced a modicum of sanity into a seemingly irrational arms race.

Since the fall of the Berlin Wall and the dissolution of the Soviet Union, the world has undergone a series of remarkable transformations. The late 1980s heralded a bold new reality, which few expected and for which few were prepared. The last decade has seen freedom and democratic liberties taking root in many countries around the globe. At the same time, the complex process of globalization has accelerated the integration of capital, information, technology, ideas and people across national boundaries. The effects of these economic and technological changes on the global security environment have been profound.

The possession of vast territories, natural resources, and overwhelming military power once were viewed as the best guarantees of peace, prosperity and security. Now, investment in human capital, economic and social development, and the formation of cooperative partnerships among nations safeguard international security. The sources of one nation's strength need no longer threaten the security of other nations and, indeed, they are likely to contribute

победу другой. Гарантией безопасности служило равновесие сил. Некоторые справедливо называли это равновесием страха, отталкиваясь от английского слова MAD, означающего «сумасшедший» или сокращение фразы «взаимное гарантированное уничтожение». Система соглашений по контролю над вооружениями, предназначенная для мониторинга и сдерживания военных потенциалов другой стороны, вносила какую-то долю здравого смысла в безумие гонки вооружений.

После падения Берлинской стены и распада Советского Союза мир претерпел целый ряд кардинальных изменений. Конец 80-х неожиданно возвестил о начале совершенно новой реальности, которую почти никто не ожидал и к которой мало кто был готов. За последнее десятилетие свобода и демократия укоренились во многих странах мира. В то же время комплексный процесс глобализации ускорил интеграцию капиталов, информации, технологий, идей, а также объединение людей по разные стороны государственных границ. Эти экономические и технологические изменения оказали глубокое воздействие на глобальную безопасность.

До недавнего времени наличие большой территории, природных ресурсов и огромной военной мощи считалось лучшей гарантией мира, процветания и безопасности. Теперь же международная безопасность гарантируется инвестициями в челове-

to it. Happily, the zero-sum mentality of the Cold War is no longer the operating principle of international relations. Today nations can pull in the same direction to solve problems common to all.

While many problems threaten global security and stability in the 21st century, I would like to discuss briefly five threats to global security and how they influence the U.S.-Russian relationship: international terrorism; the proliferation of weapons of mass destruction; the growing economic divide between developed countries and developing ones; failed governance, especially the failure of some states to guarantee the basic human rights and freedoms of their citizens; and the spread of virulent new diseases such as HIV/AIDS.

ческий капитал, экономическое и социальное развитие, а также созданием международных партнерств во имя сотрудничества. Отныне факторы, обеспечивающие могущество одной страны, не обязательно являются источниками угрозы безопасности других стран: напротив, они могут даже способствовать ее упрочению. К счастью, менталитет холодной войны, основанный на игре с «нулевой суммой», согласно которой выигрыш одного — это проигрыш другого, больше не является принципом, на котором строятся международные отношения. Сегодня для решения общих проблем разные страны могут действовать сообща.

В XXI веке существует много угроз глобальной безопасности и стабильности, однако я хотел бы вкратце остановиться на пяти из них и сказать о том, какое влияние они оказывают на российско-китайские отношения. Сюда относятся международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, растущий экономический разрыв между развитыми и развивающимися странами, дефицит власти, особенно неспособность некоторых государств гарантировать основные права человека и гражданские свободы, а также распространение новых смертоносных заболеваний, таких как ВИЧ/СПИД.

Alexander Vershbow. Global security in the 21st century: new challenges, new partnerships // Рос. вестник Программы Фулбрайта. 2004. Вып. 4. С. 17.

TASK O. Предпереводческий анализ текстов

Проведите предпереводческий анализ текстов согласно предлагаемым этапам: 1) определите оптимальную технику перевода (трансформации, соответствия, поиск стандартных и нестандартных решений); 2) проведите коррелятивный анализ текста оригинала и сформированного текста перевода на предмет выявления неточностей, ошибок, несоответствий, найдите пути устранения данных моментов (целостный анализ текста перевода); 3) обсудите результаты предпереводческого анализа на занятии. Переведите текст.

TEXT 8. Fear and Honor: The Other Side of US — China ‘Thucydides Trap’

The debate over the «Thucydides trap» has been one of the hottest trends among watchers of U.S. — China relations in recent years, as top leaders from both countries frequently refer to it as one of the most critical challenges between the two. Most of the time, leaders deny the inevitability of conflict and call for mutual respect and cooperation. They are right that conflict isn’t inevitable, but there remain some common misunderstandings of the Thucydides trap that need to be dispelled.

A one recent commentary points out, the Thucydides trap is not just about a rising power trying to overtake the dominant power thereby leading to conflict. That is only half of the picture, though it is now well-known, particularly in Western discourse, where most analysts believe that China, as the rising power, seeks to reform and revolt against the existing liberal international order. As a result, most policy recommendations call for a more restrained and less ambitious and assertive Chinese foreign policy, believing that this is the only way to avoid the Thucydides trap.

However, the other half of the picture is about fear’s role in the Thucydides trap scenario. The dominant power’s fear propels it to adopt a preventive strategy to stall the rising power, thereby causing

conflict. To use the language of international relations, this might be called a preventive war strategy. Of course, no serious scholar believes that the United States would actually initiate a preventive war just to stop China from growing into a superpower someday in the future. But, in practice, such mentality might prevail and indeed already exist in certain circles— the thinking is that «we'd better stop China's bad behavior before it is too late»...

Dingding Chen. URL: <http://thediplomat.com/2016/04/fear-and-honor-the-other-side-of-us-china-thucydides-trap/>

TEXT 9. Weapons of mass destruction

In his speech at the National Defense University in Washington in February 2004, President Bush said: «The greatest threat before humanity today is the possibility of secret and sudden attack with chemical or biological or radiological or nuclear weapons». While working together to remove the roots of terror, we must keep the world's most terrifying weapons out of the hands of terrorists and rogue states. This requires a global effort to reinforce the existing, leaky non-proliferation regime.

President Bush's Proliferation Security Initiative (PSI) is based on interdicting traffic in WMD technologies, and we welcome the prospect of Russia becoming a full participant in PSI. But other new measures — and new ideas — will be needed to keep weapons of mass destruction out of the hands of terrorists and the states that support them. Because the thought that terrorists or their state sponsors accessing weapons of mass destruction is indeed terrifying, we view the spread of such weapons and related delivery technologies to be one of the most pressing threats to global security, a view shared by the Russian government.

Russia and the United States have a unified stance against the two main challengers to the global nuclear nonproliferation regime, Iran and North Korea. Libya's recent repudiation of its WMD program and the revelations of the sales network of Pakistani scientist A.Q. Khan have given us a glimpse into the real global infrastructure of nuclear proliferation. The breadth of this infrastructure, and its success in evading the reach of the current nonproliferation regime, are startling. The IAEA

Additional Protocol is one step toward addressing the deficiencies of the current regime. I am pleased to note that the U.S. Senate ratified the Additional Protocol on March 31, 2004. On April 28, 2004, the UN Security Council passed Resolution 1540 on Nonproliferation that requires all states to criminalize proliferation, enact strict export controls, and secure all sensitive materials within their borders.

Our joint efforts with Russia have already produced some important achievements in preventing the proliferation of weapons of mass destruction. Thousands of former Soviet weapons scientists and technicians are making the difficult transition to civil, commercial and research applications of their skills, reducing the risk that a rogue scientist might sell his expertise to terrorists. Likewise, together we are working to secure nuclear material recovered from warheads demobilized under our arms control treaties. In these cases, marrying American financial resources with Russian political will helps reduce the threat to the world at large.

Alexander Vershbow. Global security in the 21st century: new challenges, new partnerships // Рос. вестник Программы Фулбрайта. Вып. 4, 2004. С. 17–18.

TEXT 10. Neorealism in International Relations — Kenneth Waltz

Neorealism — or structural realism — is the bedrock theory of International Relations. Starting from a simple set of assumptions, it seeks to explain how states, in particular the most powerful ones, behave, and how they interact with each other on the international arena.

Neorealism — or structural realism — is a theory of international politics. The theory is usually associated with Kenneth Waltz (1924–2013) and his 1979 book bearing the obvious name *Theory of International Politics*. That book endeavored to construct a very general framework for explaining recurring patterns of state behavior and state interaction in the international system.

As is the case with all theories, there are many things that Neorealism fails to explain. In fact, most types of state behavior and state interaction cannot usefully be accounted for by Waltz's parsimonious theory. Thus it is that neorealism has attracted many adversaries in the academic world;

much — but by no means all — of the criticism Neorealism faces is really of a straw man character: Neorealism is often faulted for failing to explain or predict events or behavior that Neorealists have never set out to explain or predict in the first place.

Every theory claims its own domain. Neorealism's consists of the biggest issues — past, present, and future — in international relations: war, the avoidance of war, power balancing, power seeking, the death of states, security competition and arms races, alliance formation, and the like.

Even then, Neorealism on its own is usually unable accurately to account for the specifics concerning each case of war, or of the avoidance of war, or of power balancing, or power seeking, or of the death of states, or security competition and arms races, or alliance formation. If a student's objective is, say, to acquire a fairly encompassing grasp of why the U.S. invaded Iraq in 2003, or why the Cold War ended exactly when it did, neorealism on its own is inadequately suited for such a task.

But Neorealists can easily, and with some justification, claim that their theory is almost always the natural and necessary starting point — a logical first-cut — when the events or developments under study represent the 'big' issues in international politics, like the U.S. invasion of Iraq, or the end of the Cold War.

Neorealism is often called 'structural realism', which signifies that the theory primarily centers on the effects of the structure of the international system when it seeks to explain outcomes in international politics. In Waltz's conception of structure, two things are especially noteworthy about the international system.

Firstly, the international system's ordering principle is anarchy. This simply means that there is no such thing as a world government; there is no higher authority above the main units that exist in the system — the states. Furthermore, this results in an international system that is essentially a self-help system consisting of states that are autonomous, functionally undifferentiated actors each of which must always be prepared to fend for itself.

The units of the system closely resemble each other with regard to the functions they perform, the tasks they face, the primary goals

they seek (with survival always being the fundamental goal on which the attainment of all other objectives rests), and how they go about accomplishing their objectives. The main point is that, under anarchy, each and every state by and large operates on its own without having recourse to any higher authority.

The second defining principle of the structure of international politics is the distribution of capabilities across the units inhabiting the international system. Capabilities, or power, vary significantly between states; states, though functionally undifferentiated, are differentiated according to how much power they possess. Variations in power yield variations in the types and magnitude of structural constraints that states face, thereby effectuating variation in how states behave (or should behave).

These two simple assumptions — anarchy and the importance of the distribution of power — result in the famous image of international politics as a “pool table” consisting of balls whose inherent properties (shape, the material they are made of, etc.) are essentially the same. However, the sizes of the balls vary greatly. And on the proverbial pool table, the smallest balls — and indeed the medium-sized balls as well — tend to congregate around the corners where they more or less stay put. The largest balls, on the other hand, can be found roaming about the whole table, often interfering with the smaller balls, sometimes knocking them over, dominating the game and determining how it is being played out.

Jo Jakobsen. NTNU. URL: <http://www.popularsocialscience.com/2013/11/06/neorealism-in-international-relations-kenneth-waltz/>

TEXT 11. The Quiet Grand Strategy of Barack Obama

In ways that have eluded Washington pundits and policymakers, President Barack Obama is deploying a subtle geopolitical strategy that, if successful, might give Washington a fighting chance to extend its global hegemony deep into the 21st century. After six years of silent, sometimes secret preparations, the Obama White House has recently unveiled some bold diplomatic initiatives whose sum is nothing less than a tri-continental strategy to check Beijing’s rise. As these moves unfold,

Obama is revealing himself as one of those rare grandmasters who appear every generation or two with an ability to go beyond mere foreign policy and play that ruthless global game called geopolitics.

Since he took office in 2009, Obama has faced an unremitting chorus of criticism, left and right, domestic and foreign, dismissing him as hapless, even hopeless. «He's a poor ignoramus; he should read and study a little to understand reality», said Venezuela's leftist president Hugo Chavez, just months after Obama's inauguration. «I think he has projected a position of weakness and... a lack of leadership», claimed Republican Sen. John McCain in 2012. «After six years», opined a commentator from the conservative Heritage Foundation last April, «he still displays a troubling misunderstanding of power and the leadership role the United States plays in the international system». Even former Democratic President Jimmy Carter recently dismissed Obama's foreign policy achievements as 'minimal'. Voicing the views of many Americans, Donald Trump derided his global vision this way: «We have a president who doesn't have a clue».

But let's give credit where it's due. Without proclaiming a presumptuously labeled policy such as 'triangulation', 'the Nixon Doctrine', or even a 'freedom agenda', Obama has moved step-by-step to repair the damage caused by a plethora of Washington foreign policy debacles, old and new, and then maneuvered deftly to rebuild America's fading global influence.

Viewed historically, Obama has set out to correct past foreign policy excesses and disasters, largely the product of imperial overreach, that can be traced to several generations of American leaders bent on the exercise of unilateral power. Within the spectrum of American state power, he has slowly shifted from the coercion of war, occupation, torture, and other forms of unilateral military action toward the more cooperative realm of trade, diplomacy, and mutual security—all in search of a new version of American supremacy.

Obama first had to deal with the disasters of the post-9/11 years. Looking through history's rearview mirror, Bush-Cheney Republicans imagined the Middle East was the on-ramp to greater world power and burned up at least two trillion dollars and much of U.S. prestige

in a misbegotten attempt to make that illusion a reality. Since the first day of his presidency, Obama has been trying to pull back from or ameliorate the resulting Bush-made miasmas in Afghanistan and Iraq (though with only modest success), while resisting constant Republican pressures to reengage fully in the permanent, pointless Middle Eastern war that they consider their own. Instead of Bush's endless occupations with 170,000 troops in Iraq and 101,000 in Afghanistan, Obama's military has adopted a more mobile Middle Eastern footprint of advisers, air strikes, drones, and special operations squads. On other matters, however, Obama has acted far more boldly...

Alfred W. McCoy. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/the-quiet-grand-strategy-of-barack-obama/>

TASK P. Письменный перевод текстов

Предлагаемые далее тексты предназначены для самостоятельного выполнения полного письменного перевода, передающего смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений. Помните, что письменный перевод имеет всегда одну и ту же схему и предполагает одну и ту же последовательность действий: 1) сначала переводчик знакомится с текстом оригинала; 2) затем, произведя *предварительный* предпереводческий анализ, то есть выявив тип текста, жанровые и стилистические признаки, тему и область знаний, с которыми связан текст; 3) он приступает к созданию текста перевода. Оформляя окончательный вариант перевода, убедитесь, что воссозданный на русском языке текст не звучит с «иностраннным акцентом», то есть переведен с учетом норм и требований родного языка. Переведите тексты, соблюдая принципы перевода текстов по международным отношениям. Объясните, какие переводческие решения были вами использованы для передачи смыслового содержания оригинала. Какие переводческие трудности оказались для вас самыми сложными? Опишите, как вы пришли к адекватному, на ваш взгляд, переводческому решению.

TEXT 12. The power of partnership

In the post-Cold War era, threats to global stability and security arise not from military rivalry, but rather from such problems as terrorism, weapons of mass destruction and disease, and ultimately from poverty and lack of democratic governance. There are no easy solutions to these threats, and «going it alone» is not an option. The threats that we face today are shared threats that can only be overcome through partnerships. The United States seeks to build such partnerships, with new friends as well as with traditional allies. Given their many common interests and threats, I believe that the United States and Russia share a common destiny in the 21st century, a destiny in which we and other like-minded nations will cooperate broadly to build a better and more secure future for ourselves and for all humanity.

Russia's success in shaping that future will depend on its citizens throughout the country. The Russian Federation is a young and still emerging democracy. The choices your leaders make in response to the challenges I have described must reflect the consensus and the wisdom of the Russian people. Russians no longer have the luxury of being a passive consumer of the fruits of freedom; they must be active participants in the affairs of your nation. Whether in business, journalism, government or non-governmental sectors, they must ensure that their voices and their views on the direction Russia is taking are heard. Thomas Jefferson said that the safest place to keep the awesome power of the state was among the people themselves, so long as the people were well-informed. And the responsibility for that, ultimately, rests with you.

Alexander Vershbow. «Global security in the 21st century: new challenges, new partnerships» // Рос. вестник Программы Фулбрайта. 2004. Вып. 4. С. 19.

TEXT 13. Power and Influence

In everyday life, there are two ways to make people comply with our wishes. Either we *tell* them what to do or we try *to persuade* them to act along the lines we favor. We are able to accomplish the former if and

when the other person has no alternative but to comply with our wishes or if and when our relationship requires such compliance. In such cases, noncompliance almost always can lead to unpleasant consequences for the person who disobeys. We use persuasion, on the other hand, when we are unable to impose our will because the other person can ignore our wishes with impunity or has no obligation to comply. We use two terms to identify these interactions: *power* and *influence*. Generally speaking, *power is the ability to make another person act in a given way, regardless of his or her personal preferences or inclinations*. Power differs from influence. The key element in a relationship involving influence is that neither side can *impose* its will on the other. As a result, *one person tries to affect the thinking and actions of another through persuasion or bargaining*. These patterns of interaction apply as much to international relations as they do to everyday life.

D. G. Kousoulas. Power and Influence: An Introduction to International Relations. Brooks / Cole Publishing Company, 1985. P. 12.

TEXT 14. The End of the American Empire

Chas W. Freeman, Jr. is an American diplomat, author and writer. He served in the United States Foreign Service, the State and Defense Departments in many different capacities over the course of thirty years, he worked as the main interpreter for Richard Nixon during his 1972 China visit and served as the U.S. Ambassador to Saudi Arabia from 1989 to 1992, where he dealt with the Persian Gulf War.

I'm here to talk about the end of the American empire. But before I do I want to note that one of our most charming characteristics as Americans is our amnesia. I mean, we are so good at forgetting what we've done and where we did it that we can hide our own Easter eggs.

Americans like to forget we ever had an empire or to claim that, if we did, we never really wanted one. But the momentum of Manifest Destiny made us an imperial power. It carried us well beyond the shores of the continent we seized from its original aboriginal and Mexican owners. The Monroe Doctrine proclaimed an American sphere

of influence in the Western Hemisphere. But the American empire was never limited to that sphere.

In 1854, the United States deployed U.S. Marines to China and Japan, where they imposed our first treaty ports. Somewhat like Guantánamo, these were places in foreign countries where our law, not theirs, prevailed, whether they liked it or not. Also in 1854, U.S. gunboats began to sail up and down the Yangtze River (the jugular vein of China), a practice that ended only in 1941, when Japan as well as the Chinese went after us.

In 1893, the United States engineered regime change in Hawaii. In 1898, we annexed the islands outright. In that same year, we helped Cuba win its independence from Spain, while confiscating the Spanish Empire's remaining holdings in Asia and the Americas: Guam, the Philippines, and Puerto Rico. Beginning in 1897, the U.S. Navy contested Samoa with Germany. In 1899, we took Samoa's eastern islands for ourselves, establishing a naval base at Pago Pago.

From 1899 to 1902, Americans killed an estimated 200,000 or more Filipinos who tried to gain independence for their country from ours. In 1903, we forced Cuba to cede a base at Guantánamo to us and detached Panamá from Colombia. In later years, we occupied Nicaragua, the Dominican Republic, parts of Mexico, and Haiti.

Blatant American empire-building of this sort ended with World War II, when it was replaced by a duel between us and those in our sphere of influence on one side and the Soviet Union and countries in its sphere on the other. But the antipathies our earlier empire-building created remain potent. They played a significant role in Cuba's decision to seek Soviet protection after its revolution in 1959. They inspired the Sandinista movement in Nicaragua. (Augusto César Sandino, whose name the movement took, was the charismatic leader of the resistance to the 1922–1934 U.S. occupation of Nicaragua.) In 1991, as soon as the Cold War ended, the Philippines evicted U.S. bases and forces on its territory.

Spheres of influence are a more subtle form of dominance than empires *per se*. They subordinate other states to a great power informally, without the necessity of treaties or agreements. In the Cold War, we ruled the roost in a sphere of influence called 'the free world' — free only in the sense that it included every country outside the competing Soviet

sphere of influence, whether democratic or aligned with the United States or not. With the end of the Cold War, we incorporated most of the former Soviet sphere into our own, pushing our self-proclaimed responsibility to manage everything within it right up to the borders of Russia and China. Russia's unwillingness to accept that everything beyond its territory is ours to regulate is the root cause of the crises in Georgia and Ukraine. China's unwillingness to acquiesce in perpetual U.S. dominance of its near seas is the origin of the current tensions in the South China Sea.

The notion of a sphere of influence that is global except for a few no-go zones in Russia and China is now so deeply ingrained in the American psyche that our politicians think it entirely natural to make a number of far-reaching assertions, like these:

1) The world is desperate for Americans to lead it by making the rules, regulating global public goods, policing the global commons, and doing in 'bad guys' everywhere by whatever means our president considers most expedient.

2) America is losing influence by not putting more boots on the ground in more places.

3) The United States is the indispensable arbiter of what the world's international financial institutions should do and how they should do it.

4) Even if they change, American values always represent universal norms, from which other cultures deviate at their peril. Thus, profanity, sacrilege, and blasphemy — all of which were not so long ago anathema to Americans — are now basic human rights to be insisted upon internationally. So are indulgence in homosexuality, climate change denial, the sale of GM foodstuffs, and the consumption of alcohol.

And so forth...

Chas W. Freeman. URL: <http://www.counterpunch.org/2016/04/13/the-end-of-the-american-empire/>; <http://lobelog.com/the-end-of-the-american-empire/>

TEXT 15. Selective Engagement

Selective engagement endeavors to ensure peace among powers that have substantial industrial and military potential — the great powers. By virtue of the great military capabilities that would be

brought into play, great power conflicts are much more dangerous to the United States than conflicts elsewhere. Thus Russia, the wealthier states of the European Union, the People's Republic of China, and Japan matter most. The purpose of U.S. engagement should be to affect directly the propensity of these powers to go to war with one another. These wars have the greatest chance of producing large-scale resort to weapons of mass destruction, a global experiment that the United States ought to try to prevent. These are the areas of the world where the world wars have originated, wars that have managed to reach out and draw in the United States in spite of its strong inclination to stay out.

Like the new isolationism, selective engagement emerges from the realist tradition of international politics and its focus on large concentrations of power. Like cooperative security, it is also interested in peace. Though some of its proponents agree with the neo-isolationist premise that U.S. geography and nuclear deterrence make the United States so secure that a Eurasian hegemon would not pose much of a security problem for the United States, selective engagement holds that any great power war in Eurasia is a danger to the United States. On the basis of both the increased destructive power of modern weaponry and the demonstrated inability of the United States to stay out of large European and Asian wars in the first half of this century, selective engagement argues that the United States has an interest in great power peace.

Selective engagement shares the neo-isolationist expectation that states balance, and that nuclear weapons favor the defender of the status quo. However, selective engagers also recognize that balancing may be tardy, statesmen may miscalculate, and nuclear deterrence could fail. Given the interest in great power peace, the United States should engage itself abroad in order to ensure against these possibilities in the places where the consequences could be the most serious. Balancing happens, but it happens earlier and more easily with a leader. Nuclear weapons deter, but why not place the weight of U.S. strategic nuclear forces behind the status quo powers, just to simplify the calculations of the ambitious? Selective engagement tries to ensure that the great powers understand that the United States does not wish to and out how a future Eurasian

great power war might progress, and that it has sufficient military power to deny victory to the aggressor.

Advocates of selective engagement do start from the premise that U.S. resources are scarce: it is simply impossible to muster sufficient power and will to keep domestic and international peace worldwide, or to preserve the United States as the undisputed leader in a unipolar world. 16 The United States does have 22 percent of gross world product, at least half again as much as Japan, its closest economic competitor, but only 4.6 percent of the global population. Global economic development will gradually reduce the U.S. economic advantage, and demographics already limit U.S. capacity for intervention in labor intensive civil wars. Desert Storm does not suggest a permanent, overwhelming U.S. military superiority; other wars may not be so easy. Moreover, short of a compelling argument about an extant threat, the people of the United States are unlikely to want to invest much money or many lives either in global police duties — cooperative security— or in trying to cow others into accepting U.S. hegemony — primacy.

Barry R. Posen and Andrew L. Ross. Competing Visions for U.S. Grand Strategy. URL: <http://www.comw.org/pda/14dec/fulltext/97posen.pdf>

TEXT 16. My Siberia Experience

Далее приводятся отрывки из эссе, авторы которых делятся воспоминаниями о своей работе и жизни в Сибири (в рамках программы *Siberian Bridges* — американской общественной организации, зарегистрированной в штате Вермонт, США). Переведите девиз организации «Access, opportunity and good neighbors through cultural exchange». Дайте полный перевод текстов на русский язык, помня о глобальной переводческой задаче — сохранить эмоциональный авторский настрой эссе.

My Siberia Experience

I had the unique experience of living and working approximately 10 months in Chita, Russia, between 1997 and 1998 as one of SIB's first English teachers. It was my third visit to Russia and by far the most

rewarding. Having previously spent time in Moscow and St. Petersburg, I suspected my experience in Chita, a city of approximately 400,000 in Zabaikalye — a region actually east of «Siberia», would be different. I was right.

I vividly remember both the excitement and apprehension of my arrival in Chita. I did not know what to expect of the place, people or life there. Like most Americans, I had mental images of Siberia — deep snowdrifts, bitter winds, a frozen world. But one of my first and most wonderful experiences in Chita was a day-long picnic on a mountainside looking over the Ingoda River and in the midst of an amazing natural environment. Zabaikalye's best attribute likely is its great outdoors. And the locals know it. Even in the midst of winter's coldest temperatures, residents and visitors of the region take every opportunity to enjoy nature. In fact, if it were not for the challenges of life in Russia, this region likely would be considered one of the best ecotourism centers of the world. And although temperatures sometimes drop as low as -40 degrees in the winter, the late spring, summer and early fall months provide perfect weather for all kinds of outdoor adventure.

Stacy Borisov. SIB EFL teacher, 1997–98

Going Back

Siberia can be as cold as you imagine. As I was walking to school one brisk winter morning, the wind stung my eyes to tears, and as I unwrapped my multiple woolen layers inside the teacher's lounge, I discovered my tears had frozen to my cheeks! Village life can also be as wearisome as you imagine. Just to enjoy clean clothes you need to draw water from the well, heat the water on a wood-burning stove, scrub and wring the garments, hang them outside to dry in subzero temperatures, collect them, and then hang them up again inside to thaw.

So why go back?

Part of it has to do with the fact that the most memorable associations I have with Siberia do not include these inconveniences. When I remember my time spent teaching English in the village of Zutkulei, I remember my children's enthusiasm and rambunctious antics. I recall

the laughter and great conversation I shared with my fellow teachers. I cherish my host family's patient nurturance and acceptance. I smile to think of all the genuinely warm welcomes I received from everyone, whether they were parents of the students I taught or a fellow passenger in a hired car.

The people, the cultural exchange, the teaching experience and the exploration of that part of the world are what lured me there in the first place, and these dimensions of the Siberian Intercultural Bridges program have altered many facets of my life. While I was there, part of myself came to fruition. It was as if something inside of me that had been lying dormant for a long time was awakened, and the effects of that awakening are still resonant within me, no matter where I'm at in the world or what I'm presently doing.

Brooke Swafford. SIB EFL teacher, 2003–04

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Подводя итог и предлагая последнее задание, отметим, что развитие умений и навыков переводческой деятельности как учебной выполняет две (по крайней мере) функции. Во-первых, последовательное занятие переводом выводит овладение иностранным языком на более высокий уровень — уровень так называемого «упорядоченного двуязычия», то есть знания языка в совокупности с некоторыми основополагающими принципами-приемами перехода от единиц одного языка к единицам другого. Во-вторых, учебный перевод позволяет сделать маленький шаг на пути к профессиональной переводческой деятельности. Этот путь весьма непрост. Вот как о нем говорит известная в Британии переводчица Лана Кастеллано (Lanna Castellano, «a widely respected first-class translator»); ее цитирует другая, не менее известная, переводчица Мона Бейкер (Mona Baker): «Our profession is based on knowledge and experience. It has the longest apprenticeship of any profession. Not until thirty do you start to be useful as a translator, not until fifty do you start to be in your prime. The first stage of the career pyramid — the apprenticeship stage — is the time we devote to *investing in ourselves* by acquiring knowledge and experience of life. Let me propose a life path: grandparents of different nationalities, a good school education in which you learn to read, write, spell, construe and love your own language. Then roam the world, make friends, see life. Go back to education, but to take a technical or commercial degree, not a language degree. Spend the rest of your twenties and your early thirties in the countries whose languages you speak, working in industry or commerce but not directly in languages. Never marry into your own nationality. Have your children. Then back

to a postgraduate translation course. A staff job as a translator, and then go freelance. By which time you are forty and ready to begin» [22, с. 3].

Вот в такой метафоре обозначены некоторые неперенные условия для профессионального становления переводчика. Объясните смысл метафоры, обращая особое внимание на самые «экстравагантные» рекомендации, и переведите это замечательное высказывание на русский язык.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. *Миньяр-Белоручева А. П., Миньяр-Белоручев К. В.* Английский язык : учебник устного перевода. М. : Экзамен, 2004. 226 с.
2. *Воевода Е. В.* Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики // Вестн. МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 9–12. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/02pedagogika_voevoda.pdf (дата обращения: 22.06.2016).
3. ФГОС ВО по направлению подготовки 41.03.05 «Международные отношения (уровень бакалавриата)». Утвержден 21 апреля 2016.
4. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие. СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ООО «Изд. дом “Филология три”», 2002. 416 с.
5. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Изд. центр «Академия», 2004. 352 с. URL: https://vk.com/doc333338703_437132374?hash=f6e95ad970f1821393&dl=dfce3eaad1de21b1d (дата обращения: 15.01.2016).
6. *Шутова Н. М.* Перевод и лингвистика текста // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия : История и филология. 2009. Вып. 1. С. 203–210.
7. *Nord C.* Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam : Rodopi, 2005. 274 p.
8. *Брандес М. П., Провоторов В. И.* Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков) : учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с. URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/brandes.htm> (дата обращения: 02.03.2016).
9. *Кашкин В. Б.* Анализ текста в подготовке переводчика // Актуальные проблемы переводоведения : материалы XL Международ. филол. конф., 14–19 марта 2011 г. / под ред. В. И. Шадрина. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2011. С. 49–57.

10. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Прогресс-Традиция ; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
11. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода : учеб. пособие. М. : ЧеРо, 2000. 136 с.
12. Княжева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода // Вестн. ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 170–174. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/perevodcheskiy-analiz-teksta-i-kachestvo-perevoda%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/perevodcheskiy-analiz-teksta-i-kachestvo-perevoda%20(1).pdf) (дата обращения: 16.06.2016).
13. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990. 253 с. URL: <http://womlib.ru/teoriya-perevoda/index.htm> (дата обращения: 14.03.2016).
14. Литвинов А. В. Современная модель профессиональной компетенции переводчика в контексте системы подготовки переводчиков в российских языковых вузах // Вестн. РУДН. Серия «Лингвистика». 2012. № 2. С. 13–33. URL: <http://www.nop-dipo.ru/ru/node/416> (дата обращения: 28.01.2016).
15. Латышев Л. К., Провоторов В. И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе : учеб.-метод. пособие. 2-е изд., стереотип. М. : НВИ Тезаурус, 2001. 136 с.
16. Приказ Минтруда России от 08.09.2014 № 612н (ред. от 12.12.2016 г.) «Об утверждении профессионального стандарта “Технический писатель” (специалист по технической документации в области информационных технологий)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170236/ (дата обращения: 03.02.2016).
17. Ушеникова О. В. Социологические особенности газетных текстов британской прессы. Взаимовлияние языка и культуры : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во БГУЭП, 2005.
18. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Международ. отношения, 1974. 216 с.
19. Чужакин А. Мир перевода — 2. PracticumUpdate. М. : Р. Валент, 2003. 163 с.
20. Галь Н. Правда и музыка слова // Дружба народов. 1987. № 3. С. 242–244.
21. Кожин В. В. Зачем изучать литературное произведение? // Контекст. 1973. М. : Наука, 1974. 193 с.
22. Baker M. In Other Words. A Coursebook on Translation. N.Y. : Routledge, 1997. 250 с.
23. Акуленко В. В. Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика. М. : Сов. энциклопедия, 1969. 384 с.

24. *Латышев Л. К.* Технология перевода. М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 280 с.

25. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : около 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1989. 750 с.

26. *Снегова Е. П.* От позорища до перформанса: Номинации со значением «представление развлекательного характера» в русском языке XVII–XXI вв. // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М. : Языки славян. культур, 2012. С. 151–168.

27. *Harper D.* Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 27.03.2016).

28. *Сунрун А. Е.* «Экзотическая» лексика // Филол. науки. 1958. № 2. С. 52–54.

29. *Маринова Е. В.* Экзотическая лексика как лингвистический феномен. URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990196_West_filol_2003_1\(3\)/B_3-7.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990196_West_filol_2003_1(3)/B_3-7.pdf) (дата обращения: 19.02.2016).

30. *Казакова Т. А.* Translation Techniques. English — Russian: практические основы перевода. СПб. : Союз, 2004. 320 с.

31. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Теория и методы перевода. М. : Моск. лицей, 1996. 208 с. URL: http://vk.com/doc8720878_382082155 (дата обращения: 09.03.2016).

32. *Терехова Е. В.* Двусторонний перевод общественно-политических текстов (с элементами скорописи в английском языке) : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 320 с.

33. *Левицкая Т. Р., Фитерман А. М.* Проблемы перевода (английский язык). М. : Международ. отношения, 1976. 208 с.

34. *Вдовина О. А.* Языковая специфика научного текста по международным отношениям (на материале английского языка). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-spetsifika-nauchnogo-teksta-po-mezhdunarodnym-otnosheniyam> (дата обращения: 12.03.2016).

35. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение : учебник. М. : ЭТС, 2004. 424 с. URL: <http://library.durov.com/Komissarov-089.htm> (дата обращения: 07.04.2016).

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Основные понятия и категории перевода	7
Глава 2. Практика перевода в проблемно-переводческих заданиях (упражнениях)	43
§ 1. Перевод публицистики	43
Task A. Presidential Address	45
Task B. Bill Clinton's Speech in Moscow State University	52
Task C. The Great Dictator	53
Task D. George Carlin's Message	56
Task E. What is melody?	57
§ 2. Работа с текстами художественной прозы	65
Task F. Anne Says Her Prayers	66
Task G. The Dream Keeper	73
Task H. A Velveteen Rabbit	77
§ 3. Перевод эссе	79
Task I. The Japanese Sense of Beauty	80
Task J. Watching Children	83
§ 4. Свободный (разговорный) стиль	84
Task K. Hey, Denis	84
§ 5. Перевод специальных текстов	91
Task L. Practice	91
Text 1. The Correspondence Between the Heads of the Governments	93
Text 2. From Collective Bargaining Agreement	94
Text 3. Principal Types of Air Pollution	95
Text 4. Embassy of the Republic of Azerbaijan in Beijing	97
Text 5. Income Statement History	98
Text 6. Norms	98

Text 7. Teacher's Labor Contract	100
Text 8. Advice to International Passengers on Limitation of Liability	102
Text 9. A Letter to Premier Khrushchev	102
Text 10. Microsoft Windows	104
Text 11. Ann Arbor Public Schools 5 th Grade Mathematics Report..	105
Text 12. A Bit Faded But Still Bright Enough.....	107
Text 13. Globalization and the Russian Language	108
Text 14. Principles of Language Teaching	109
Глава 3. Работа с текстами по международной тематике	111
Task M. Лингвопереводческий анализ текстов.....	114
Text 1. International terrorism.....	115
Text 2. The Future of Power.....	116
Text 3. When people talk together, they are not fighting	118
Text 4. Human Rights in Foreign Policy	120
Task N. Сопоставительный анализ текстов.....	122
Text 5. Think tanks and U.S. policy: A Policy-maker's Perspective	124
Text 6. I Believe in People's Diplomacy	125
Text 7. Global security in the 21st century: new challenges, new partnerships.....	125
Task O. Предпереводческий анализ текстов	129
Text 8. Fear and Honor: The Other Side of US — China 'Thucydides Trap'.....	129
Text 9. Weapons of mass destruction	130
Text 10. Neorealism in International Relations — Kenneth Waltz...	131
Text 11. The Quiet Grand Strategy of Barack Obama	133
Task P. Письменный перевод текстов	135
Text 12. The power of partnership	136
Text 13. Power and Influence	136
Text 14. The End of the American Empire.....	137
Text 15. Selective Engagement	139
Text 16. My Siberia Experience. Going Back.....	141
Вместо послесловия	144
Список библиографических ссылок.....	146

Учебное издание

Козыкина Наталья Владимировна
Флешлер Ольга Исааковна

ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА
В КОММЕНТАРИЯХ И ЗАДАНИЯХ:
АНГЛИЙСКИЙ → РУССКИЙ

Учебное пособие

Зав. редакцией
Редактор
Корректор
Компьютерная верстка

*М. А. Овечкина
Е. Е. Крамаревская
Е. Е. Крамаревская
Л. А. Хухаревой*

Подписано в печать 13.09.2017. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Цифровая печать. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 50 экз. Заказ 197.

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 389-94-79, 350-43-28
E-mail: rio.marina.ovechkina@mail.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>

